

**НАЛОГ:
КОРЕНЬ ЗЛА**

Frank CHODOROV

THE INCOME TAX
Root of all Evil

The Devin-Adair Company
New York, 1954

Фрэнк ХОДОРОВ

**НАЛОГ:
КОРЕНЬ ЗЛА**

Москва

УДК 336.22
ББК 65.261
Х69

Перевод выполнен для проекта RUSTATE.ORG,
издания книги социолога Франца Оппенгеймера
«Государство: Переосмысление» на русском языке.

Перевод с английского: Александр Стихин

Ходоров, Ф. (1887—1966)

Х69 Налог: корень зла / Фрэнк Ходоров ; пер. с англ. А. Стихина. — Москва : RUSTATE.ORG, 2019. — 256 с.

ISBN 978-5-91603-092-1

Фрэнк Ходоров был экстраординарным мыслителем и писателем, очень влиятельным в 1950-х годах в США. Он написал, что подоходный налог, больше, чем любые другие законодательные изменения в американской истории, нарушает индивидуальные права человека, — основополагающий принцип свободного общества. Он обосновал, что налоги на прибыль отличаются от других форм налогов, поскольку они отрицают право частной собственности на прибыль и предполагают дальнейший государственный контроль над всеми остальными частными благами.

УДК 336.22
ББК 65.261

ISBN 978-5-91603-092-1

© RUSTATE.ORG

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	7
Введение	14
«Ярмо» Соломона	17
Что есть «Зло»?.....	22
Когда ваша собственность совсем даже и не ваша....	29
Как мы дошли до такой жизни	51
Революция 1913 года	77
Как государство грабит бедных.	109
Коррупция, коррупция и еще раз коррупция	135
В поисках выхода.	164
Эффективное правительство.....	172
Нерушимый Союз.....	198
Во имя Свободы	226
Об авторе.....	248

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Когда-то наша страна была «домом свободных и храбрых», и это объяснялось тем, что у федерального правительства не было средств на содержание штата чиновников, которые могли бы вмешиваться в дела граждан. Помимо того что американцы были свободными, они были еще и храбрыми — ведь свободные люди всегда готовы на смелые поступки.

Федеральное правительство Соединенных Штатов находилось за тридевять земель, и поэтому простые американцы относились к нему с опаской. Причина такого недоверия к правительству крылась в том, что первые американцы бежали от жестоких порядков, установленных европейскими монархиями, и не хотели, чтобы что-то подобное повторилось в Америке. Первые американцы прекрасно понимали, что нельзя обойтись без правительства, ведь кто-то должен защищать права граждан и блюсти интересы страны за рубежом. Поэтому единственное, чего хотели первые американцы, так это четкого определения полномочий правительства, которые нельзя нарушать, — именно страх перед могущественной центральной властью заставил Отцов-основателей внести в Конституцию ограничения на действия федерального правительства.

Со всей уверенностью можно сказать, что первые американцы рассчитывали на правительство, избираемое из местных жителей, которому они могли доверить задачу соблюдения их интересов, и именно по этой причине Соединенные Штаты были созданы как союз отдельных и независимых государств. Каждый штат был наделен широкими полномочиями в сфере самоуправления, и по желанию граждан мог ввести даже социалистическую форму правления, но федеральное правительство не имело права навязывать свою волю отдельным штатам. В том случае, если социальные эксперименты какого-то штата пришлись бы не по вкусу гражданам, они всегда могли переехать в соседний, — такой механизм обеспечивал конкуренцию штатов за людские ресурсы и удерживал правительства отдельных штатов от серьезного вмешательства в дела своих граждан.

Таким образом, ограничения, налагаемые на федеральное правительство, были прописаны в Конституции, что позволяло держать его в узде, ведь слабое правительство было следствием наличия зрелого гражданского общества в стране.

Но в один прекрасный момент все изменилось, — была принята Шестнадцатая поправка, позволившая федеральному правительству наложить лапы

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

на доходы граждан. Принятие этой поправки основательно подорвало лояльность граждан правительствам отдельных штатов, которые стали гражданами Соединенных Штатов Америки, а не своих «родных штатов». Неудивительно, что лояльность граждан США была быстро куплена федеральным правительством, и сейчас налоги собираются не представителями, избираемыми из местных граждан, а представителями всех сорока семи штатов. Наши граждане полностью подвластны федеральному правительству, и в основе этого подчиненного положения граждан лежат увеличившиеся доходы федерального правительства, которые формируются за счет налоговых поступлений.

По причине действий федеральных властей, замкнувших на себя финансовые потоки от налоговых поступлений, вслед за гражданами свою независимость стали терять и отдельные штаты. В связи с потерей поступлений штаты не могли больше оказывать широкий спектр социальных услуг населению и были вынуждены обращаться к федеральному правительству за получением финансовой помощи. При этом не нужно тешить себя иллюзиями и думать, что помощь федерального центра доставалась штатам бесплатно, — они вынуждены были платить за нее своей свободой и остерегаться

критики в адрес федеральных властей. Кроме того, федеральный центр получил прекрасную возможность давления на отдельные штаты, ставя получение субсидий в зависимость от принятия решений по тем или иным вопросам. Достаточно быстро выяснилось, что для губернаторов, законодателей и конгрессменов беспроблемным вариантом отношений с федеральным центром стала своего рода «игра», в которой представителям штатов отводилась скромная роль «завхозов», от которых ничего не зависит. Неудивительно, что экономическая мощь федерального правительства, закрепленная принятием Шестнадцатой поправки, позволила ему заниматься прямым подкупом правительств и граждан отдельных штатов.

Можно сказать, что дух всего Союза штатов и его Конституции был ликвидирован в один момент. Введение подоходного налога превратило Соединенные Штаты в централизованное государство, и все это случилось только благодаря незначительному изменению налогового законодательства, которому так противились Отцы-основатели. Наша страна больше не «дом свободных людей», да и храбрость первых американцев стала лишь преданием.

У тех граждан, которые продолжают верить в ценность свободы, остается лишь одна

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

возможность вернуть утраченную однажды ценность: нужно приложить все усилия для исправления ошибки, допущенной в 1913 году, и добиться отмены Шестнадцатой поправки. Мы не можем позволить себе отделаться полумерами, — федеральное правительство обеспечило себя огромными финансовыми поступлениями, что позволяет ему свободно нарушать права граждан, используя при этом силовые ведомства. В случае отмены Шестнадцатой поправки исчезнут и те признаки социализма, которые мы с вами наблюдаем на протяжении последних тридцати лет.

Нужно отметить, что с отменой Шестнадцатой поправки придет конец и практике покупки голов на выборах при помощи федеральных денег, что позволит правительствам штатов восстановить свою независимость и набраться необходимых сил для сдерживания федеральных властей.

Естественно, что такая инициатива должна быть поддержана губернаторами и законодателями всех штатов, ведь отдельные штаты платят в федеральный центр больше налогов, чем получают субсидий. Такой подход совершенно справедлив, так как граждане не должны содержать за свой счет громоздкий госаппарат, не получая ничего взамен. С отменой налогообложения возрастет и качество

ФРЭНК ХОДОРОВ. НАЛОГ: КОРЕНЬ ЗЛА

услуг, оказываемых штатами своим гражданам, — это будет обеспечиваться тем, что местные власти находятся ближе к гражданам и могут быстрее реагировать на их запросы.

В завершение хотелось бы сказать, что основным аргументом в пользу отмены Шестнадцатой поправки является то, что только таким образом мы можем вернуть свободу американскому народу и ограничить влияние федерального центра.

Бракейн Ли,
губернатор штата Юта

Уважаемые Читатели!

Готовится к изданию на русском языке уникальная книга немецкого ученого, основателя социологии Франца Оппенгеймера «Государство: его история и развитие с точки зрения Социологии», название в русском издании «Государство: Переосмысление».



BTC: 1NRmBrk8EihK7nirg72h22hacqEoQ6uxaJ

Пожалуйста, помогайте нашей работе!

ВВЕДЕНИЕ

Традиция, как известно, всегда побеждает правило, но в нашей стране такой подход больше не работает, — по инерции мы продолжаем мыслить категориями прав личности и индивидуализма, хотя фактически живем по правилам коллективизма. Мы поддерживаем практику субсидирования сельского хозяйства, социальное страхование и доступную медицину, программы по предоставлению государственного жилья и призыв на военную службу, — проще говоря, мы поддерживаем идеи, которые подразумевают только наличие прав, «дарованных» гражданину государством, совершенно забывая о правах личности.

Несмотря на растущую тенденцию восприятия политической власти в качестве источника материальных благ и карьерного роста, мы продолжаем говорить об ограничении влияния правительства, правах штатов, системе сдержек и противовесов, а также таких личных добродетелей, как бережливость и инициатива. Можно сказать, что политические традиции в нашей стране продолжают существовать только благодаря нашей замечательной литературе, да и то в последнее время традиции стали сдавать свои позиции.

ВВЕДЕНИЕ

Тем не менее в нашей стране много людей, которые не испытывают восторга от происходящих событий в политической жизни; такие люди помнят старые времена, не принимают последних изменений и не хотят повторения опыта нацистской Германии и Советского Союза, с их практикой подавления свободы личности. Именно для таких людей написана эта книга, — это они не оставляют попыток провести необходимые реформы, хотя в нашем случае необходимы не реформы, а революция. При этом, когда я упоминаю слово «революция», я имею в виду возврат к тем традициям, которыми когда-то жила наша страна, и возврат власти гражданам, которой они лишились в результате принятия Шестнадцатой поправки.

Как только вы начнете изучать примеры вмешательства государства в жизнь граждан, то быстро обнаружите, что такое вмешательство обеспечивается за счет государственной казны, — ни для кого не секрет, что сила правительства зависит от его финансового состояния. С другой стороны, свобода людей находится в прямой зависимости от тех ресурсов, которыми они могут распоряжаться самостоятельно. Именно поэтому единственной возможностью восстановления

ФРЭНК ХОДОРОВ. НАЛОГ: КОРЕНЬ ЗЛА

утраченных свобод является ограничение властей в части сбора налогов, и пока в нашей стране не наступил социализм, нам нужно отменить Шестнадцатую поправку.

Вашингтон, округ Колумбия
Фрэнк Ходоров
Февраль, 1954 г.

«ЯРМО» СОЛОМОНА

В двенадцатой главе Третьей Книги Царств рассказывается история о том, как народ Израиля обратился к Ровоаму, сыну Соломона, с просьбой об уменьшении налогового «ярма», наложенного на людей его отцом. Как становится понятно из этой истории, «ярмо», наложенное Соломоном на людей, было подходящим налогом, сборы от которого шли на содержание государственного аппарата.

Использование слова «ярмо» для обозначения налогового бремени, накладываемого на производителя благ, вызывает определенный интерес, ведь «ярмо» применяется для управления вьючными животными, которые не имеют права собственности. Поэтому неудивительно, что, когда человека лишают части произведенной им продукции, он деградирует до положения бессловесного животного. Понятно, что израильтянин, привыкший считать себя Божьим созданием, чувствовал себя униженным от уплаты наложенного на него «ярма» и всячески пытался от него избавиться.

Дальше в этой поучительной истории рассказывается о том, что Ровоам обещал своим подданным подумать над их просьбой и советовался со своими министрами по этому поводу. История умалчивает

о тех советах, которые министры дали Ровоаму, но исходя из его решения они предостерегли его от снижения налогового бремени, — ничего удивительно не произошло, и министры повели себя ровно так, как ведут себя все чиновники. В общем, после трехдневных «раздумий» Ровоам огласил свое решение: «Отец мой обременял вас тяжким ярмом, но я увеличу ярмо ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами».

Наказание скорпионами — малоприятная процедура для испытуемого, и вы должны всегда помнить об этом, когда разговариваете с представителем Федеральной налоговой службы, который вызывает вас на ковер по причине неуплаты налога с карточного выигрыша. В таких случаях знайте, что вам крупно повезло и вы отделались обычным разговором, а ведь вас вполне могли пытать скорпионами, как раньше пытали израильтян.

Из библейских историй известно, что налогообложение доходов было достаточно распространенной практикой в Древнем мире, и исследователи могут рассказать о примерах применения налогов египетскими властями, датируемых 1580 годом до Рождества Христова. В те далекие дни Великий визирь не облагал налогом своих подданных, но зато собирал налоги с государственных служащих.

Однако с учетом того, что государственные служащие не являлись производителями материальных благ, их налогооблагаемая база формировалась за счет штрафов и сборов, которые они могли выбить из простых граждан. Такая практика сбора налогов называлась просто — откуп. В защиту подобной системы можно сказать, что мытарь никогда не мог быть обвинен в получении взятки, как это частенько сейчас бывает с представителями Федеральной налоговой службы, ведь он в первую очередь забирал свою долю и только затем передавал государственным органам причитающуюся им сумму.

Даже такой способ, как уход от налогов путем фальсификации налоговых деклараций, не является чем-то новым, — Гиббон в своих работах упоминает о пытках «налоговых уклонистов» в Древнем Риме, скрывавших правду от сборщиков. Вряд ли в нашей стране мы дойдем до таких вещей, разве что обеспечим «налоговому уклонисту» долгий тюремный срок.

Для того чтобы понять механику налоговой системы, мы должны вновь обратиться к библейской истории про Ровоама. Некоторые израильтяне были так возмущены новым «ярмом», что, когда к ним заявился сборщик налогов по имени Хадорам, они забили его насмерть. Потеря кормильца

стала трагическим событием для семьи Хадорама, и так не нужно поступать по отношению к представителям Федеральной налоговой службы. В конце книги, основная цель которой — демонстрация *безнравственности* подоходного налога, от которого граждане нашей страны страдают с 1913 года, будет предложен альтернативный вариант налогообложения. Необходимым условием применения альтернативного варианта являются способность и желание самих граждан избавиться от постыдной ноши налогового «ярма», наличие чувства собственного достоинства, которые продемонстрировали древние израильтяне, забив камнями сборщика налогов.

Уважаемые Читатели!

Готовится к изданию на русском языке уникальная книга немецкого ученого, основателя социологии Франца Оппенгеймера «Государство: его история и развитие с точки зрения Социологии», название в русском издании «Государство: Переосмысление».



BTC: 1NRmBrk8EihK7nirg72h22hacqEoQ6uxaJ

Пожалуйста, помогайте нашей работе!

ЧТО ЕСТЬ «ЗЛО»?

Название этой книги — «Истоки зла», и раз уж на свете существует «Зло», то должно существовать и противостоящее ему «Добро». Поэтому, прежде чем идти дальше, необходимо ввести понятие «Добра», используя которое мы сможем определить наличие «Зла». Без преувеличения можно сказать, что «Добро» — это «универсальные блага», которыми могут пользоваться люди всей Земли без каких-либо ограничений. Другими словами, под «Добром» мы понимаем дары Небес. По этому вопросу может быть много разных мнений, но основными темами этой книги являются подоходный налог и его влияние на социально-экономическую и политическую жизнь страны, поэтому мы ограничимся только изучением «Добра» и «Зла» в этой предметной области.

В иудео-христианской традиции считается, что «Добро» определяется Десятью Заповедями, и все то, что идет вразрез с ними, является «Злом». Истории известны цивилизации, в которых прелюбодеяние, воровство и убийства были в порядке вещей, и поэтому в таких цивилизациях не было места Десяти Заповедям. В связи с этим можно сказать, что древние цивилизации пользовались достаточно

ЧТО ЕСТЬ «ЗЛО»?

примитивной (по сравнению с нашей) моралью. Тем не менее, несмотря на то, что Десять Заповедей имеют божественную природу, перед тем как начать ими пользоваться, их должны были понять и принять обычные люди.

В политической традиции Соединенных Штатов Америки, берущей начало в иудео-христианской морали, «Зло» — это всё, что нарушает естественные права, определенные в Декларации Независимости. Мы принимаем такое положение вещей, как и то, что источником естественных прав является Бог. Поэтому американская политическая традиция исходит из предпосылки о том, что человеческое существо наделяется правами по факту своего рождения, и именно это делает его человеком. Следовательно, любое политическое действие, которое нарушает права человека и его человеческую сущность, является «Злом». Эту же мысль можно выразить по-другому: любое политическое действие, нарушающее права человека и его человеческую сущность, отрицает самого Бога.

В отличие от библейских Заповедей, Конституция США была написана людьми, и поэтому за соблюдением ее положений могут следить только сами люди. Конституция легла в основу политического устройства страны и принята американцами

в качестве условного «Добра», при помощи которого можно определить и условное «Зло» — преступления, совершаемые гражданами или государством. На протяжении долгого времени Конституция была ангелом-хранителем наших прав, и если какой-то американец возьмется утверждать, что некий закон является «неконституционным» (даже если мнение этого американца расходится с мнением Верховного Суда США), он будет руководствоваться духом Конституции. Поправка к Конституции, однако, не может быть признана «неконституционной», но в том случае, если такая поправка противоречит духу Конституции, граждане должны немедленно ее опротестовать. В качестве примера можно привести Восемнадцатую поправку, которая действовала на протяжении тридцати лет, но была отменена в связи с тем, что федеральные власти узурпировали право американцев на употребление спиртных напитков.

По причине того, что Конституция защищает права американцев, она воспринимается жителями нашей страны в качестве «базового закона». Следовательно, любой закон, политическое действие или поправка к Конституции, нарушающие права американцев, автоматически считаются «неконституционными», так как такое нарушение прав является безусловным «Злом».

Что есть «Зло»?

Имея в своем распоряжении определение «Зла», применимое к рассматриваемой нами предметной области, мы можем дойти до истоков этого «Зла», при помощи которого правительство нарушило наши права, введя в 1913 году подоходный налог. По ходу нашего исследования мы рассмотрим доказательства того, что введенное в нашу жизнь при помощи Шестнадцатой поправки «Зло» на практике, а не в отвлеченной академической теории нарушило естественные права американцев.

Вследствие допущенных нарушений прав американцев поменялась даже природа самой власти, которая была определена Отцами-основателями. Сегодня наши федеральные власти воспринимают себя в качестве единственного источника прав, который по своему усмотрению может определять, что можно, а что нельзя делать американским гражданам. Сейчас мы являемся свидетелями трансформации федерального центра в единственный источник прав в нашей стране, но этот процесс еще не закончен, и у нас еще есть возможность его остановить.

Реакция граждан на развитие «антиконституционной тенденции» в нашей стране будет зависеть от того, насколько глубоко «Зло» проникло в наше общество. Дело в том, что «Зло» не всегда означает

вредительские действия «сил Зла», но и то, чему мы не сопротивляемся в силу нашей слабости или привычки, — пьяница, к примеру, может приобрести свой недуг как под воздействием своих собутыльников, так и из-за своих внутренних слабостей.

Когда дело доходит до вопроса налогообложения, и это будет показано в книге, становится понятно, что в нашем обществе имеется большое количество сторонников введения подоходного налога, а федеральное правительство лишь усугубляет «Зло». *Поэтому люди, которые стремятся сесть на шею федеральным властям, не могут жаловаться на нарушение своих прав, и если подачи «федералов» потребуются оплатить своей свободой, такие граждане с радостью согласятся на подобную сделку.* При этом федеральное правительство может легко позволить себе купить лояльность граждан, а оплата лояльности будет происходить за счет налоговых поступлений.

Со временем, когда «Зло» входит в привычку, оно теряет негативный оттенок и постепенно начинает ассоциироваться с «Добром». В последнее время все так и происходит — все больше начинают говорить об усилении влияния федерального правительства. Отцы-основатели Соединенных Штатов Америки предвидели такой ход событий

ЧТО ЕСТЬ «ЗЛО»?

и стремились ограничить роль федерального центра, но что еще вчера считалось пороком, сегодня признается насущной необходимостью. Такое перерождение политических ценностей неизбежно сопровождалось разрушением моральных устоев нашего общества, — оказалось, что, если у людей отобрать права, они перестанут быть свободными. Слава богу, что дело пока не дошло до отмены всех прав, как это бывает при рабовладельческом строе, при котором жизнь наших граждан полностью бы зависела от федерального правительства.

Поэтому, когда речь заходит о неэффективной и некомпетентной работе федерального правительства, нужно задуматься: должна ли такая «работа» оплачиваться из кармана граждан? А с какой стати, скажите на милость, некоторые граждане должны надрываться, когда остальные получают блага на халяву? Нужно ли задумываться о будущем, когда есть федеральное правительство, на которое можно спихнуть эту задачу? И как быть с «бесплатным» школьным образованием и «бесплатными» школьными обедами, — разве они не развращают родителей и не снимают с них ответственность за обеспечение своих детей?

Как это ни прискорбно, но нужно признать, что на фоне всего происходящего в нашем обществе

«Зла», иудео-христианские традиции постепенно утрачивают свои позиции, а наше насквозь коррумпированное федеральное правительство является лишь отражением событий, происходящих в американском обществе. Нужно помнить, что под воздействием традиций смертный грех постепенно перестает восприниматься как безусловное «Зло», и только путем неприятия таких традиций можно остановить всепроникающую коррупцию, — Десять Заповедей не должны стать заложниками происходящих в нашем обществе событий.

В заключение главы подведем краткий итог:

1. С принятием Шестнадцатой поправки федеральное правительство США превратилось в нечто чуждое американским политическим традициям.
2. Принятие Шестнадцатой поправки запустило механизм трансформации нашего общества.
3. Соединенные Штаты Америки больше не являются страной, политические установки которой были провозглашены в Декларации Независимости.
4. Необходимо любой ценой вернуть наши традиции, которые были установлены Отцами-основателями.

КОГДА ВАША СОБСТВЕННОСТЬ СОВСЕМ ДАЖЕ И НЕ ВАША

На свете существует огромное количество самых разнообразных налогов, и все они должны уплачиваться в обязательном порядке и включаться в денежный оборот любого производства. Вот как *Энциклопедия Британника* трактует вопросы налогообложения: «Налоги представляют собой доход государства, который формируется за счет обязательных к уплате сборов и пошлин».

В свою очередь, «обязательные к уплате сборы и пошлины» делятся на две большие категории — прямые и косвенные, и основной причиной такой классификации является способ взимания налоговых платежей.

Некоторые налоги называются «косвенными» по причине того, что правительство не собирает их напрямую с плательщика, а возлагает их сбор на производителей и продавцов, которые включают налоговую составляющую в стоимость своих товаров и услуг. Поэтому важно знать, что *все косвенные налоги включаются в конечную стоимость (price)*.

С точки зрения государства самыми важными косвенными налогами являются таможенные

пошлины и акцизы. При ввозе импортных товаров торговые компании уплачивают таможенные пошлины, затем по цепочке передают их до конечного покупателя, который из своего кармана оплачивает все расходы торговцев. Наряду с таможенными пошлинами существуют и акцизные платежи, которые уплачивают, к примеру, при торговле спиртными напитками и табачными изделиями. Сумма уплаченных акцизов также включается в конечную стоимость товара.

Таким образом, косвенные налоги представляют собой не более чем инструмент для сбора средств с потребления товаров или услуг и не влекут каких-либо дополнительных последствий для граждан. Путем сбора косвенных налогов федеральное правительство говорит своим гражданам: «Ребята, нам нужны деньги на содержание государственного аппарата и нужные нам средства мы можем взять только у вас. Поэтому мы включаем в цену товаров и услуг дополнительную плату, за счет которой финансируется деятельность правительства». Важно знать, что при использовании такого подхода не происходит покушения на ответственность граждан со стороны властей, — если гражданин не хочет платить косвенный налог на какой-то товар, он просто его не покупает.

Описанные выше принципы сбора косвенных налогов перестают действовать, когда дело доходит до прямых налогов, и объясняется это тем, что основные объекты прямого налогообложения — это наследства и доходы граждан. В качестве отступления можно сказать, что объектом прямого налогообложения также являются земельные участки, но этот вопрос выходит за рамки книги, и мы не будем его рассматривать.

Прямые налоги, как и налоги с заработной платы работников, уплачиваются напрямую правительству. При этом прямые налоги не включаются в цену товара, однако они существенно влияют на уровень жизни граждан.

Подходный налог и налог на наследование отвергают право граждан на частную собственность, и в этом они разительно отличаются от всех других видов налогов.

Своими действиями правительство говорит гражданину: «Твои доходы тебе не принадлежат, и часть из них мы заберем себе. Тебе нужно знать, что государство заберет себе часть твоего дохода еще до того, как ты им воспользуешься, — ведь наши права важнее твоих. Мы, конечно, оставим тебе какие-то крохи, но только потому, что признаем твои потребности, но не твои права на

доходы, и только нам решать, какую часть мы тебе оставим».

Если вы думаете, что я преувеличиваю, то вы сильно ошибаетесь. Просто проверьте свой налоговый отчет, который вы обязаны предоставлять по закону, и вы увидите те суммы, которые федеральное правительство сочло нужным оставить вам — на повседневные расходы, на ведение бизнеса, на содержание семьи, на медицинское обслуживание. После того как правительство определило «щедрые» суммы вычетов, которыми граждане могут воспользоваться, вам сообщают о том, какая оставшаяся часть ваших доходов будет конфискована.

Аппетиты правительства растут из года в год, а вместе с ними растут и проценты, которые федеральные власти «отщипывают» от доходов граждан. При этом правительство не забывает своевременно снижать суммы вычетов, на которые не распространяются аппетиты чиновников¹.

¹ В 1913 году холостой гражданин при доходе 5 тыс. долларов США заплатил бы всего 20 долларов налога, но в 1951 году гражданин с равным уровнем дохода и семейным положением должен был заплатить уже 964 доллара. Если принять во внимание изменившуюся покупательную способность доллара, то сравнение будет еще более впечатляющим.

КОГДА ВАША СОБСТВЕННОСТЬ СОВСЕМ ДАЖЕ И НЕ ВАША

Количество денег, которые гражданин может оставить себе, определяется политикой и потребностями федерального правительства, и мнение граждан по этому вопросу никого не интересует. С принятием Шестнадцатой поправки правительство получило право распоряжаться доходами граждан, и каждый может ознакомиться с тем, что там написано:

«Конгресс имеет право устанавливать и взимать налоги с доходов, вне зависимости от источника его получения. Во избежание нарушения прав штатов процесс взимания налоговых платежей должен осуществляться без учета численности населения штата»².

² Конституция США изначально содержала механизм взимания налогов, размер которых определялся по пропорциональной системе и зависел от численности населения штата. Наличие такого механизма не позволяло штатам формировать альянсы и перекладывать налоговое бремя на более состоятельные штаты. Помимо прочего такой механизм предотвращал массовый переезд граждан в наиболее заселенные штаты, так как такой переезд был связан с необходимостью уплаты налогов. В обоих случаях наличие механизма сбора налогов по пропорциональной системе, изначально заложенного в Конституцию США, предполагало взимание налоговых платежей граждан

Шестнадцатая поправка не ограничивает размер суммы, которое федеральное правительство конфискует у граждан. По сути, федеральное правительство, оставаясь в рамках закона, может изъять у гражданина весь его доход и своими действиями отбивает у граждан желание заниматься каким-либо полезным делом, — зачем что-то делать, если все, что гражданин заработал, правительство заберет себе. Независимо от того, что каждый из нас думает об этой поправке, мы не можем игнорировать факт того, что она дает федеральному правительству США преимущественное право на собственность американских граждан.

Проще говоря, с принятием Шестнадцатой поправки в 1913 году на территории США было уничтожено право частной собственности.

Не нужно напоминать, что отсутствие института частной собственности является неотъемлемой частью социализма. При этом социалисты

в зависимости от их потребления, без учета религиозных, политических или любых других персональных предпочтений. Короче говоря, наличие механизма взимания налоговых платежей по пропорциональной системе препятствовало введению прямого подоходного налога.

сходятся во мнении, что институт частной собственности лишний, а вся собственность должна принадлежать государству. Тем не менее ни один из подходов, обычно ассоциируемый с социализмом — национализация предприятий, государственная медицина, удушение свободы выбора или плановая экономика, — не будет работать в том случае, если государство признает право граждан на собственность. Именно поэтому *все социалисты, начиная с Маркса, выступают за введение подходящего налога, и чем выше задрана налоговая планка — тем лучше*³.

Как только Шестнадцатая поправка стала частью Конституции, свойственный нашей стране политический уклад, в основе которого лежал принцип соблюдения прав личности, перестал существовать. Одним из самых важных вопросов, который обсуждался на Конституционном Конвенте 1789 года, был вопрос о выборе формы

³ Идею введения прогрессивной шкалы налогообложения и налога на наследство в качестве механизма разрушения института частной собственности первым высказал Карл Маркс в «Манифесте Коммунистической партии», и с тех пор каждая социалистическая партия включает эту идею в свою предвыборную программу.

правительства — демократического или республиканского, ответ на который дала сама жизнь. Но после принятия Шестнадцатой поправки в 1913 году в нашей стране введена социалистическая форма правления.

В своем исследовании я покажу, как общественные институты нашей страны подверглись влиянию социализма и как далеко все это зашло. Мы увидим, что такие привычные для нас вещи, как права штатов и свобода предпринимательства, утратили смысл для наших граждан. Можно сказать, что отвращение к слову «социализм», которое испытывали в нашей стране до 1913 года, постепенно сходит на нет, и все больше граждан используют его в качестве своего идеала. Все эти изменения в нашем обществе происходят из-за отказа от принципа частной собственности, и основой этого «бегства от частной собственности» является Шестнадцатая поправка.

С того самого времени, как в нашей стране де-факто легализован отказ от частной собственности, мы не застрахованы от проявлений высшей стадии социализма — коммунизма.

Основным принципом коммунизма, как известно, является узурпация прав собственности государством, и в нашей стране примерно треть

дохода граждан уже отнимается государством⁴. Достаточно устроить еще парочку «чрезвычайных ситуаций» у нас в стране, чтобы отобрать у граждан

⁴ Моя оценка основана на данных, опубликованных министерством финансов США, содержащих информацию по муниципальным и федеральным налогам, а также налогам отдельных штатов. Некоторую трудность в вычислениях вызывает сложность определения величины «национального дохода», и объясняется это тем, что данные федерального правительства включают в себя доходы граждан, полученные из всех возможных источников, и не учитывают разделения доходов работников частных компаний и чиновников. При этом зарплата чиновников выплачивается из дохода государства, который формируется за счет налоговых платежей производителей, и ее нельзя учитывать наравне с доходом производящих товары или услуги работников. Такой подход можно проиллюстрировать на примере семьи, когда мы к доходу супруга прибавляли бы еще и суммы, которые он передает жене на ведение домашнего хозяйства. Официальный «национальный доход» включает в себя субсидии, которые государство выплачивает фермерам, а также налоги, которые уплачивают фермеры, чтобы получить субсидии от государства. В том случае, если из «национального дохода» вычесть все податки от государства и заработную плату чиновников, оставив только доходы производителей, мы увидим, что сумма «национального дохода» намного меньше официальных цифр, а процент налогов намного выше.

оставшиеся две трети дохода и окончательно установить коммунистический режим. При этом нужно помнить, что, начав однажды отбирать доход у граждан, государству трудно удержаться от соблазна продолжать поборы и дальше.

Если мы хотим прекратить эту пагубную практику в нашей стране, то должны начать с восстановления американской традиции неприкосновенности частной собственности. Если американцы сумеют восстановить однажды отнятое у них право, то мы непременно отменим и Шестнадцатую поправку. Поэтому необходимо сделать отступление, чтобы рассмотреть философское основание аксиомы, согласно которой *человек имеет неотъемлемое право на свое имущество*.

Даже вор оправдывает свой стиль жизни. Любой человек должен придерживаться некоего морального кодекса, который позволяет ему жить в гармонии с самим собой. Если брать за основу аксиому, то, учитывая богатство языка, не составляет труда сочинить моральный кодекс для любых заданных условий; аксиома не требует доказательств.

Базовым понятием социализма, к примеру, является аксиома об отсутствии неотъемлемых прав у индивида, и все блага, которые человек получает в свое распоряжение, он получает от

государства, — только приняв такие правила игры, гражданин может считаться полноценным членом общества. Поэтому не вызывает удивления, что социалисты, как и многие другие, которые себя таковыми не считают, отвергают Декларацию Независимости, называя ее «выдумкой восемнадцатого века».

В качестве поддержки своей позиции в отношении отказа от концепции естественных прав индивида социалисты ссылаются на отсутствие убедительных доказательств, говорящих в пользу этой концепции. «Где доказательства?» — спрашивают социалисты. Разве Бог подписал с людьми некий документ, на основании которого человек получил неотъемлемые права? А как тогда быть с населяющими Землю птицами и зверями — у них ведь нет особых прав? Если постараться ответить на последний вопрос, то мы неизбежно столкнемся с концепцией «души» и вернемся туда, откуда начали, — как можно доказать наличие души у человека?

С другой стороны, тех из нас, кто принимает концепцию естественных прав индивида, это рассуждение загоняет в угол, и единственный выход — изучить противоположную аксиому, согласно которой все права даруются или ссужаются правительством. К примеру, неплохо бы

выяснить у социалистов, защищающих концепцию получения прав гражданами от государства, *откуда это самое государство получает права, которые затем раздает налево и направо?* В результате обсуждения выяснится, что государство является лишь механизмом распределения прав, которые оно предварительно отобрало у граждан в обмен на статус «члена общества». Но тогда возникает резонный вопрос: откуда у граждан появляются права, которые затем у них забирает государство? Гражданин ведь не может отказаться от чего-то, чем он не владел прежде, и такой подход полностью соответствует мировоззрению социалистов, которые отрицают неотъемлемые права индивида.

А теперь зададимся вопросом, чем на самом деле является федеральное правительство, которое может свободно забирать и раздавать права? Существует множество ответов на этот вопрос, но все они сходятся в одном: правительство — общественный инструмент, пользующийся монополией на насилие. При этом социалисты говорят, что федеральное правительство имеет монопольное право на принуждение в целях проведения справедливой социальной и экономической политики. Другие говорят, что федеральное правительство использует свое монопольное право на принуждение в целях

предотвращения правонарушений со стороны граждан по отношению друг к другу. Другими словами, определяющей характеристикой федерального правительства является сила. Если согласиться с тем, что источником наших прав является правительство, то следует признать, что тот, кто получает контроль над властью, сосредоточенной в федеральном правительств, и есть автор прав, — причем просто потому, что теперь располагает силой навязать свою волю гражданам, и отсюда ровно один шаг до понимания базовой аксиомы социализма во всех формах: *прав тот, кто сильнее.*

В общем-то, это все, что нужно знать о моральной стороне власти, — если я больше и сильнее вас и у вас нет никаких способов защитить свои права, тогда я вас сожру. Более того, тот факт, что я вас сожрал, лучшее доказательство того, что я имел право так с вами поступить. Однако если у вас есть огнестрельное оружие, то ситуация меняется радикально, и вы получаете инструмент для защиты своих прав. Такие размышления приводят нас к выводу, что социальный порядок, основанный на аксиомах социалистов, когда конечной инстанцией является государство, представляет собой абсолютную утопию. Если придерживаться такого подхода, то мы получим общество, в котором высшей

ценностью является приобретение власти любой ценой. В качестве примера таких обществ можно привести гитлеровскую Германию и сталинский СССР, равно как и пример тех людей, которые имели мужество не согласиться с подходами Гитлера и Сталина по вопросам внутренней и внешней политики.

Абсурдность аксиом социалистов заключается в том, что они считают отсутствие прав граждан предпосылкой к отказу от классового устройства общества и, соответственно, отказу от правительства. Тем не менее толпа начинается с одного человека, а основой любого государственного института является гражданин. Поэтому необходимо пристально рассмотреть гражданина, чтобы понять, аксиомы какого рода нужно использовать для создания несоциалистического морального кодекса. Что гражданин может нам о себе рассказать?

Скорее всего, он скажет, что важнее всего для него желание жить, — уже в момент своего рождения ребенок криком сообщает нам о своем стремлении к жизни. Совершенно естественно, что, имея сильное желание к жизни, человек обретает право на свою жизнь. При этом никто не может заявлять права на жизнь человека, и поэтому человек ищет

КОГДА ВАША СОБСТВЕННОСТЬ СОВСЕМ ДАЖЕ И НЕ ВАША

поддержку за пределами человеческого общества, находя ее в Боге. Такой подход к человеку и его отношениям с Богом имеет определенный смысл.

В тот самый момент, когда человек заявляет права на свою жизнь, подразумевается, что он имеет права и на свое тело, на свои мысли и на свои способности. Вполне возможно, что существуют и другие составляющие человека, например душа, но мы не будем сильно вдаваться в эту тему и скажем просто: с рождением человек получает осознание и своих прав, которые он готов отстаивать. Все, на что человек распространяет свое «Я», становится «моим», а все то, на что человек распространяет понятие «ты», становится «твоим». Другими словами, такое простое правило работает в обе стороны, и на каждое «мое» всегда найдется «твое».

Важно отметить, что стремление человека к жизни дает ему и право на жизнь, но это право совершенно бесполезно, если оно не подкреплено возможностью приобретения вещей, необходимых для жизни, — пищи, одежды и жилья. Понятно, что эти вещи человек получает не просто потому, что он их хочет, — их нужно заработать. Каждый из нас вкладывает частичку себя в свой труд и при помощи рук или мозгов зарабатывает себе на жизнь. Да что там говорить — даже ягоды нужно собирать,

перед тем как съесть. Поэтому та энергия, которую вы тратите на получение необходимых для жизни вещей, является частью вас, и соответственно, вы ею владеете. *Нетрудно догадаться, что, когда вы выполняете работу, получая в результате необходимые вещи, на них распространяется и право собственности, — вы потратили принадлежащую вам энергию и тем самым распространили право собственности на результаты своего труда. Запомните, вы получаете право на вещи просто потому, что они нужны вам для продолжения жизни.*

Именно такой подход является правильной моральной основой права собственности: «я владею этим, потому что я это сделал». Эту же мысль можно высказать иначе: «за эту неделю я заработал (сделал) вполне достаточно».

Зададимся вопросом — что человек имеет в виду, когда говорит, что он владеет результатом своего труда? Предположим, что речь идет о бушеле пшеницы, который он произвел для удовлетворения своей потребности в пище. Этот бушель пшеницы человек может смолоть в муку, испечь из этой муки хлеб и съесть вместе с семьей. Часть муки человек может использовать в качестве оплаты труда мельника, который делает из пшеницы муку, и происходит это потому, что мельник тратит свой труд

на выполнение работы для постороннего гражданина. Человек может также продать часть муки, а на вырученные деньги приобрести масло, которое станет отличным дополнением к хлебу. Но на этом выбор человека не ограничивается, — он может положить деньги в банк и использовать их по мере необходимости.

Другими словами, право собственности позволяет гражданину самостоятельно принимать решения в отношении продуктов своего труда — употреблять, отдавать, продавать или сохранять для последующего использования. Свобода в принятии решений является неотъемлемой частью права собственности.

Принимая во внимание вышесказанное, можно сказать, что любое вмешательство в процесс принятия решения гражданами в отношении своей собственности есть посягательство на право жизни, которое граждане имеют по факту рождения. По крайней мере когда такое посягательство имеет место в реальной жизни, то его называют не иначе как «грабеж». Более того, если грабеж осуществляется на постоянной основе и гражданин регулярно лишается плодов своего труда, это приводит к тому, что человек начинает терять интерес к работе. Единственной причиной, по которой гражданин

работает, заключается в его стремлении к обеспечению своих потребностей, и если, несмотря на все его усилия, эти потребности остаются неудовлетворенными, человек снижает свою активность в работе. Другими словами, человек становится «плохим производителем».

Давайте предположим, что у гражданина полностью отнимается свобода принятия решения о распоряжении имуществом, что означает одно — человек незамедлительно становится рабом, так как теряет право собственности. Все, что человек производит в результате своего труда, у него отнимается, и, несмотря на то, что значительная часть отобранного возвращается гражданину посредством медицинского обслуживания или социального жилья, человек не имеет права распоряжаться плодами своего труда. Если человек попытается нарушить устоявшийся порядок, он моментально станет «грабителем». Неудивительно, что гражданин начинает терять интерес к работе, и в итоге у него остается только «рабское» отношение к труду — работа за еду. Тогда гражданин теряет веру в себя, потому что прекрасно понимает: без права собственности он ничем не отличается от других «рабов», живущих в бараке. Священник, конечно, может сколь угодно долго уверять гражданина

КОГДА ВАША СОБСТВЕННОСТЬ СОВСЕМ ДАЖЕ И НЕ ВАША

в том, что тот является человеком с душой, но при этом сам гражданин осознает, что без права собственности он стоит намного ниже по социальной лестнице, чем те, кто имеют право распоряжаться собственностью по своему желанию. Если человек является человеком, как можно определить степень человечности?

Неверно утверждать, что права человека стоят выше права собственности по той простой причине, что право собственности является неотъемлемой частью права человека на жизнь. Именно поэтому необходимо помнить о том, что право собственности представляет собой права человека.

Общество, построенное на отрицании факта права собственности, есть общество рабов, какое бы политкорректное описание ни пытались придумать для него социалисты, — в таком обществе продукт производят одни, а распределяют совсем другие. При этом работник не имеет стимула к работе для удовлетворения своих потребностей и работает только под страхом наказания. До тех пор пока результаты труда принадлежат гражданину, человек имеет склонность повышать производительность своего труда, и это связано с тем, что потребности человека безграничны. До какой-то поры человек работает для того, чтобы заработать

себе на пропитание, но как только вопрос пропитания теряет для человека былую остроту, он начинает задумываться об изящной посуде, красивой скатерти и музыке, сопровождающей прием пищи. Пока человек уверен, что он может распоряжаться плодами своего труда, он будет работать для удовлетворения своих поистине безграничных желаний. С другой стороны, когда закон отбивает у человека желание к работе, он будет работать для удовлетворения только базовых потребностей, — какой смысл прикладывать больше усилий, если результаты твоего труда тебе не принадлежат?

Таким образом, производство в социалистическом обществе будет стремиться к удовлетворению только основных потребностей граждан.

Экономический упадок общества, в котором отсутствует право собственности, это следствие отсутствия такого права. Только когда у людей удовлетворены их базовые потребности, они могут задуматься о чем-то нематериальном — культуре, например. С другой стороны, человек легко может обойтись без книг или кинофильмов, если на кону стоит вопрос его выживания. Поскольку в социалистическом обществе граждане лишены права собственности, они не могут заниматься благотворительностью, — нельзя отдать что-то, чем ты не

КОГДА ВАША СОБСТВЕННОСТЬ СОВСЕМ ДАЖЕ И НЕ ВАША

владеешь. Поэтому в социалистическом обществе забота о нуждающихся становится государственной прерогативой, по причине того, что государство владеет всем общественным продуктом. Когда отрицание права личности происходит через отрицание права собственности, то человек теряет чувство гордости — единственное чувство, которое отличает человека от животного.

Таким образом, подоходный налог — это не просто налог, но еще и инструмент общественного разрушения.

Уважаемые Читатели!

Готовится к изданию на русском языке уникальная книга немецкого ученого, основателя социологии Франца Оппенгеймера «Государство: его история и развитие с точки зрения Социологии», название в русском издании «Государство: Переосмысление».



BTC: 1NRmBrk8EihK7nirg72h22nacqEoQ6uxaJ
Пожалуйста, помогайте нашей работе!

КАК МЫ ДОШЛИ ДО ТАКОЙ ЖИЗНИ

Конституция 1789 года содержала механизмы, предотвращающие введение подоходного налога, и у нас нет свидетельств о том, что Отцы-основатели вообще планировали использовать такой вариант налогообложения. Спустя сто лет, когда американские граждане в полной мере столкнулись с вопросами нарушений прав собственности, самые лучшие юристы применили все свое умение, чтобы подогнать положения Конституции под выполнение требуемой задачи. Несмотря на словесные жонглирования крючкотворов, важно помнить, что у американцев 1789 года не было никакого подоходного налога, — это были не те люди, которые бы согласились с таким положением вещей.

За плечами американцев, осуществивших Американскую Революцию, лежало полтора столетия подготовки к получению свободы, и в основе их устремлений лежал индивидуализм, представлявший собой высшую степень самоуважения. Ко всему прочему, покорение бескрайних пространств научило американцев полагаться только на свои силы и привило им глубокое чувство собственного достоинства. Именно поэтому, когда война за независимость стала неизбежной, американцы

были к ней готовы не только в материальном плане, но и в духовном. Джон Адамс по этому поводу писал: «сердца наших людей были объаты духом Революции» и «война была выиграна американцами еще до ее начала». Поэтому неудивительно, что, обретя свободу в результате тяжелых испытаний, американцы были готовы к защите своих завоеваний.

При изучении Американской Революции нужно помнить, что американцы, по сути, вступили в войну с Георгом III из-за каких-то несущественных мелочей. Если сравнить ограничения, которые британская корона наложила на свои североамериканские владения, то хорошо видно, что они были намного меньше, чем государственное угнетение в других странах. Собственно, на таких примерах видно, какую ценность представляла для американцев свобода и на что они были готовы, чтобы ее заполучить. Когда читаешь обвинения американцев против Георга, становится просто смешно из-за их несерьезности, особенно когда вспоминаешь лишения, которые немцы пережили при Гитлере, а русские при Сталине! Проще говоря, если смотреть на Американскую Революцию с современных позиций, мы легко могли бы написать такую Декларацию Независимости, по сравнению с которой

Декларация Джефферсона оказалась бы жалкой поделкой.

Не секрет, что одной из главных причин Американской Революции стал вопрос налогообложения, и американцы даже подвели идеологическую базу, которая нашла отражение в известной фразе: «Налогообложение без представительства — это тирания». Дело в том, что американцы воспринимали налогообложение в качестве одной из форм тирании и вторжения в имущественных правы граждан вне зависимости от наличия или отсутствия представительной власти. Тем не менее они готовы были поступиться своими принципами в этом вопросе, но только в том случае, если бы американцы представляли интересы своих граждан посредством «представительства» в английских органах власти. Понятно, что мало кому из американцев нравились налоги, поэтому смириться с их наличием американцы они могли только в том случае, если бы североамериканские колонии получили места в Парламенте Великобритании. Налоги, конечно, от этого никуда бы не делись, но мысль о том, что их принимают при участии американцев, облегчила бы их страдания по этому поводу. Важно помнить, что налоги, установленные британской короной для североамериканских колоний, были

настолько мизерными по сравнению с теми, которые существуют в настоящее время, что вся эта возня за отмену «налоговой удавки» от Великобритании сейчас кажется смешной. Тем не менее в этом и состоит наша проблема, — такие вещи нам кажутся несущественными, хотя для основателей нашей страны эти вопросы были принципиальными.

Что касается подоходного налога, то американцы вполне могли согласиться с его введением, но только в том случае, если король Георг согласился бы дать им представительство в обеих палатах британского Парламента, — королю нужно было дать ту «свободу», которую так жаждали американцы. Однако, как показали дальнейшие события, даже введение «чайного налога» спровоцировало негативную реакцию американцев: им очень не понравилась, когда государство решило бесцеремонно залезть к ним в карман.

Конституция США не давала свободу американцам, — они и так были свободными, еще задолго до того, как она была написана. Когда проект Конституции был предоставлен на ратификацию, его изучали максимально внимательно, и это было связано с тем, что американцы боялись, как бы при помощи этого документа у них не отобрали свобод. Федералистам, сторонникам ратификации

Конституции, пришлось основательно попотеть, чтобы убедить американцев в том, что даже после ратификации документа они сохранят все свои свободы. Мэдисон, например, указывал, что с принятием Конституции не произойдет каких-либо изменений в части свобод и что Конституция необходима для создания правительства, которое могло бы представлять интересы штатов за рубежом. Конституция представляет собой документ, отражающий дух того времени, — в нем указана масса ограничений, которые налагаются на федеральное правительство, и это связано с тем, что государственные деятели того времени боялись усиления роли федерального центра. Именно такой подход заложил основу системы «сдержек и противовесов», и ни один другой тип конституции, скорее всего, просто не был бы одобрен американцами.

Вновь образованному федеральному правительству Конституция предоставляла лишь ограниченные права в важном вопросе налогообложения, — основными налогами, которые федеральное правительство имело право взимать, стали таможенные пошлины и акцизы. При этом инициативы по предоставлению прав федеральному правительству в части управления акцизами прошли с большим скрипом, а вот по таможенным пошлинам удалось

договориться достаточно быстро. Основанием для консенсуса по таможенным пошлинам стал вопрос обеспечения защиты американских предприятий, которые испытывали сильное давление со стороны европейских конкурентов. Всем было понятно, что единая монополия федерального правительства на администрирование таможенных пошлин намного предпочтительнее, чем администрирование таможенных пошлин каждым из тринадцати штатов в отдельности. Александр Гамильтон, однако, признавал, что доходов от таможенных сборов будет явно недостаточно для обеспечения деятельности федерального правительства, ведь деньги требовались не только на текущие расходы, но и на покрытие долгов, вызванных деятельностью Континентального конгресса. Именно поэтому Гамильтон настаивал на предоставлении федеральному правительству права участия в налоговых поступлениях отдельных штатов, но при этом высказывался против идеи введения подоходного налога.

После достижения консенсуса по налогам и сборам, федеральному правительству США вплоть до самой Гражданской войны пришлось жить на поступления от таможенных и акцизных платежей. Необходимо отметить, что акцизные платежи были аннулированы в 1817 году, а их восстановление

совпало с началом Гражданской войны. В результате того что доходы федерального правительства были ограничены, это привело к тому, что федеральный центр не имел большого влияния в стране, а граждане Соединенных Штатов наслаждались свободами и богатели. Тем не менее, даже имея ограниченное финансирование, правительство США умудрилось втянуть страну в две бессмысленные войны, которые, правда, быстро прекратились по причине недостаточности средств, — во многом это объяснялось тем, что из-за ограниченных поступлений в федеральный бюджет правительство Соединенных Штатов не могло привлекать заемные средства в значительных количествах. Федеральное правительство, тем не менее, нашло выход из тяжелой финансовой ситуации и для того, чтобы получить необходимые ресурсы, стало продавать землю (попутно сформировав привилегированный класс землевладельцев).

Несмотря на все попытки федерального правительства по ведению боевых действий и привлечению дополнительного финансирования за счет торговли землей до начала Гражданской войны, оно придерживалось задач, для которых было создано, — защищать права людей, дарованные им Богом. При этом не следует забывать, что

Отцы-основатели, находившиеся под влиянием идей Джона Локка, главной задачей федерально-го правительства считали *защиту частной собственности*, и так, в общем-то, и было вплоть до 1860 года.

Впервые в истории Соединенных Штатов Америки закон о подоходном налоге был принят при президенте Линкольне в 1862 году, и ознакомление с документами слушаний Конгресса тех времен представляет собой увлекательное чтение. Так, к примеру, известно, что подоходный налог, поскольку это был прямой налог, был признан несоответствующим Конституции, а ряд конгрессменов пытались даже назвать подоходных налог «акцизом», чтобы обойти формулировки Конституции. Но в связи с тем, что на ведение Гражданской войны потребовались деньги, положениями Конституции просто пренебрегли, — целесообразность получения срочного финансирования перевесила принципы.

С политикой Линкольна трудно не согласиться, — если и существует какое-то моральное оправдание войны, то это защита своего общества. Поэтому когда само существование нации находится под угрозой, возникает насущная необходимость в ограничении прав граждан, ведь ставка

в войне — это жизни самих граждан и их имущество. Нетрудно догадаться, что единственным способом для аккумуляции средств для реализации общих целей является конфискация, а подоходный налог — великолепный инструмент для выполнения такой задачи. Если принять во внимание, что защита Родины происходит в интересах всех граждан, то такой подход более чем оправдан, и в этом случае не должно быть исключений из правил: для ведения войны должно быть изъято все необходимое, невзирая на чины и звания граждан. При этом раз уж речь идет о боевых действиях, то конфискация не ограничивается только имуществом граждан, при необходимости «конфискуются» и их жизни. Конечно, если горит чей-то дом, то для тушения пожара должны использоваться любые подручные средства, вне зависимости от того, кому они принадлежат. Таким образом, если война оправдывает введение практически неограниченных налогов, нужно задаться вопросом: при соблюдении каких условий сама война оправданна?

Любая война ведется на средства, которые есть в наличии здесь и сейчас, — для того, чтобы стрелять из пушек, их сначала нужно изготовить, а чтобы накормить солдат, нужны продукты. При этом аргумент, что за текущую войну будут

расплачиваться следующие поколения, ложный, — этого просто не может быть. Все силы и необходимые материалы нужны для ведения войны здесь и сейчас, и их нельзя получить «из будущего», *иными словами, именно мы оплачиваем текущую войну, а не потомки.*

Обман, при котором создается иллюзия переноса военных расходов на будущие поколения, заключается в том, чтобы максимально использовать патриотические чувства граждан, скрыв тем самым болезненные моменты конфискации имущества. Во время войны государство забирает у граждан необходимые для ведения войны ресурсы, а взамен выдает долговые расписки (I.O.U., I Owe You), смягчая тем самым недовольство граждан. Долговые расписки, однако, не являются платежами за полученные ресурсы, — это всего лишь обязательство на требование доли от будущих доходов. Таким образом, владелец долговых обязательств, скажем для простоты — внук того гражданина, чьи ресурсы были изъяты государством на ведение боевых действий, имеет право истребовать «свою» долю у общества, в счет уплаты долга деда. Получается, что *владелец долговых обязательств выступает в качестве партнера сборщика налогов*, и какое отношение, скажите на милость, это имеет к оплате долгов прошедшей войны?

Уже много раз высказывалось мнение, что если государство не имеет возможности привлекать заемные средства, оно не может и воевать. Такому мнению нельзя отказать в логике, — ни одно государство не может воевать без солдат. Но давайте предположим, что, если люди не захотят рисковать своей собственностью или жизнями ради войны, — будет ли это означать бессмысленность войны? Что будет в том случае, если никто из граждан не хочет войны, — стоит ли ее вообще начинать в таком случае? Если вместо привлечения заемных средств на ведение войны государству потребуется конфисковать собственность граждан, то это может привести к тому, что, несмотря на все патриотические чувства, граждане скажут «нет» войне.

Поэтому те из наших деятелей, которые представляют долговые обязательства в качестве полноценной оплаты за ресурсы, всегда упускают из виду одну существенную деталь: еще никогда долговые обязательства (если взять в целом) не были оплачены в полном объеме. Другими словами, средства, привлеченные посредством долговых обязательств, представляют собой лишь способ накопления долгов от поколения к поколению. Такое положение вещей связано прежде всего с тем, что на долю каждого поколения или правительства всегда выпадает

какая-нибудь непредвиденная ситуация, для борьбы с которой требуется срочное финансирование, — в таких случаях государству удобно сказать своим гражданам, что за все заплатят будущие поколения. Однако все это приводит к тому, что каждое следующее поколение последовательно игнорирует долги своих предшественников, и в конечном счете все это заканчивается безудержным ростом уровня национального долга.

Принимая во внимание тот факт, что долговые обязательства представляют собой право на доходы будущих периодов, в момент выпуска этих бумаг, или, сказать по правде, фальшивых бумаг, фиксируется увеличение объема денег, участвующих в обороте.

Существует много способов осуществления выпуска и распространения долговых обязательств, но это не имеет отношения к предмету нашего исследования. Тем не менее важно помнить, что выпуск долговых обязательств сопровождается введением в обращение дополнительных денежных средств, и в том случае, если эти денежные средства не обеспечиваются необходимым количеством товаров и услуг, возникает всем известная инфляция. Проще говоря, под инфляцией понимается ситуация, при которой на ограниченное количество товаров

и услуг начинает претендовать большее количество денег. В этом случае один доллар выглядит, как и прежде, но есть один нюанс: на него можно приобрести меньшее количество товаров и услуг. Как видим, покупателей долговых обязательств обманывают даже в таких мелочах. На деньги, пущенные на приобретение долговых обязательств, покупатель может приобрести больше товаров и услуг, чем на деньги, которые он заработает уже после выпуска долговых обязательств. Справедливости ради нужно отметить, что даже в случае погашения эмитентом своих долговых обязательств инвестор получит меньше денег, чем заплатил за них, и причина всего этого — подешевевшие деньги. Необходимо много мужества, чтобы наконец-то признаться самим себе, что мы платим за прошлые войны путем обесценивания нашей валюты — доллара США.

При этом способность государства по привлечению заемных средств полностью зависит от возможностей по взиманию налогов, — у государства нет иных источников доходов, кроме налоговых поступлений. Именно поэтому государство ничего не может предложить своим кредиторам в качестве гарантий по предоставленным ссудам, кроме доходов от налоговых поступлений.

В связи с небольшими налоговыми поступлениями администрация президента Линкольна имела в своем распоряжении достаточно ограниченные средства, что вызывало определенные затруднения по привлечению кредитов даже под 12 процентов годовых. Проще говоря, во времена Линкольна у государства было туговато со средствами, и поэтому правительство прибегло к своему излюбленному приему — конфискациям. Согласно принятым законам вводился специальный трехпроцентный налог на все суммы, которые в годовом исчислении превышали 600 долларов США. Нужно отметить щедрость администрации Линкольна, позволившей гражданам наслаждаться налоговым вычетом целых 600 долларов, — в то время мужской костюм из чистой шерсти стоил порядка 6 долларов. При этом метод сбора налоговых платежей был упрощен, насколько это вообще возможно, и каждый гражданин добровольно определял сумму своих доходов (на глазок). Затем информация о доходах граждан публиковалась в открытой печати, и такой подход, как считалось, способствовал контролю над доходами со стороны общества.

Предпринятые администрацией Линкольна меры по наполнению государственной казны оказались недостаточными, и спустя два года

Линкольн предлагает идею прогрессивного подоходного налога. Таким образом, в нашей стране впервые был применен механизм прогрессивного налогообложения.

Механизм прогрессивного налогообложения, бывший еще в новинку в то время, очень быстро стал стандартом «де-факто» для налоговой системы нашей страны. Однако если мы подробнее рассмотрим этот механизм, то окажется, что он полностью отрицает принцип равенства, которым руководствовались Отцы-основатели во время создания Соединенных Штатов. В Конституции были предусмотрены специальные положения, призванные ограничить власть федерального правительства, и первым из таких ограничений была система налогообложения:

«Не должны устанавливаться подушные подати или иные прямые налоги, иначе как в соответствии с переписью, или исчислением, населения, проведение которой предписано выше».

Трудно придумать более точное определение для подоходного налога, чем «прямой налог», и чтобы выпутаться из рогаток определений Конституции, администрация Линкольна назвала подоходный налог «акцизом». Как это ни странно, но в 1868 году Верховный суд поддержал решение

правительства, показав тем самым, что искусство «словесного жонглирования» имеет давнюю историю в нашей стране.

Прямой запрет в Конституции на введение прямых налогов был связан с тем, что изначально предполагалось взимать налоги пропорционально уровню населения отдельных штатов. Логика такого подхода объяснялась следующими соображениями: все граждане равны перед законом, вне зависимости от их социального статуса и благосостояния. Исходя из этого считалось, что лицо, имеющее в своем распоряжении значительные средства (подразумевается, что эти средства получены честным путем), обладает ровно теми же правами, что и менее удачные граждане. Поэтому формулировка Конституции «все люди созданы свободными и равными» в части налогообложения подразумевает ровно то, что и в части общественного уклада, — Конституция не признает классовое устройство общества. Это означает, что на основании Конституции ни один гражданин или социальная группа не могут быть объектами давления со стороны федерального правительства.

Принимая во внимание все вышесказанное, мы приходим к выводу, что принцип прогрессивного налогообложения полностью нарушает принцип

равенства граждан¹. Более того, путем введения прогрессивного налогообложения устанавливается классовое общество, что полностью противоречит тем

¹ В настоящее время большинство учебников по экономическим наукам описывает прогрессивное налогообложение как довольно обыденную вещь. Вот, к примеру, как преподносит молодому поколению идею прогрессивного налогообложения учебник *Economics* Джона Айза:

«Изучающие политологию студенты настаивают, что в такой олигархической стране, как Соединенные Штаты, невозможна демократия. Всегда, дескать, найдутся могущественные капиталисты и финансисты, которые будут задавать тон политической жизни страны, что несовместимо с демократическими принципами. Поэтому единственным способом восстановления подлинной демократии является введение прогрессивного налогообложения» (р. 619).

Несмотря на такую изощренную логику, профессор все же проявляет здравый смысл, — буквально на следующей странице своего учебника он пишет: «Любой налог на капитал или доход представляет собой преступление против производства и бережливости, поощряет лень, некомпетентность и беспечность». Далее профессор продолжает свою мысль: «По причине того, что государство нуждается в деньгах, оно неизбежно вводит налоги и забирает средства у тех людей, которые ими располагают». Таким образом, наши студенты постепенно свыкаются с мыслью о том, что налоги — это хорошо и что их нужно собирать с тех людей, у которых они есть.

принципам, которые закладывались в основу нашего государства. Проще говоря, за счет введения прогрессивного налогообложения мы повторяем опыт европейских стран с их классовым устройством общества.

Когда возникает такой неприятный вопрос, как создание классового общества в Соединенных Штатах, обычно говорят, что состоятельные граждане потребляют большее количество государственных услуг, чем обычные граждане. Как правило, под этим подразумевается, что состоятельные граждане должны оплачивать государственные услуги в большем объеме. Но насколько такое объяснение соответствует действительности?

Разве это правительство сделало богатых богатыми? Если это так, то это, безусловно, вина правительства, и связано это с тем, что единственный способ, которым федеральное правительство может обогатить определенных граждан, — это создать для них преимущества перед другими членами общества. Но в таком случае будет нарушен принцип доверия федеральному правительству, которое должно соблюдать права всех граждан, вне зависимости от их социального статуса.

Нелишне напомнить, что федеральное правительство не занимается производством каких-либо благ, поэтому оно не может просто «дать» эти блага

кому-то, — у него просто ничего нет. Однако правительство может предоставить преимущества каким-либо гражданам, что на практике будет означать ущерб для всех остальных граждан, не «облагодетельствованных» государством. Таким образом, если правительство вводит заградительные таможенные пошлины, это приводит к тому, что конечный покупатель вынужден платить более высокую цену на отечественные товары по сравнению с той ценой, за которую бы покупатель приобрел необходимый ему товар за границей. В таком случае высокая цена на отечественные товары (основанная на заградительных таможенных пошлинах) означает преимущество для одних граждан и одновременно является убытком для всех остальных. Можно привести и другой пример: если государство предоставляет гражданину субсидию на аренду жилья, оно должно для начала забрать сумму этой «субсидии» у кого-то другого.

Понятное дело, что федеральное правительство не должно заниматься раздачей привилегий направо и налево, так как в этом случае оно будет использовать свою власть не в целях соблюдения и защиты права, но в целях создания несправедливости. Такой подход является нарушением принципа равенства, и убытки, возникшие в результате

нарушения этого принципа, не могут быть исправлены за счет взимания налогов с доходов, полученных от наличия тех или иных привилегий. Поэтому нужно еще раз сказать четко и ясно — привилегии недопустимы и должны быть отменены. Если некий гражданин приобрел богатство за счет особых привилегий, предоставленных ему федеральным правительством, а затем правительство за счет взимания налогов с неправомерно нажитых средств получает свою «долю», оно становится сообщником преступления.

Когда сторонники принципа прогрессивного налогообложения пытаются защищать свою точку зрения, они обычно упускают из виду, что капитал может формироваться как за счет производства, так и за счет привилегий. Другими словами, они прямо утверждают, что никто не может стать богатым, если он не работает на федеральное правительство. Такое утверждение правильно, но фактически это означает, что никто не будет стремиться к накоплению богатств, раз уж федеральное правительство самоустраняется от поддержания порядка и защиты собственности. В обществе, где преобладает воровство, не может быть и речи о росте благосостояния граждан, а уровень производства не будет подниматься выше удовлетворения

КАК МЫ ДОШЛИ ДО ТАКОЙ ЖИЗНИ

повседневных потребностей. Тем не менее для того, чтобы противостоять таким негативным явлениям, люди и создают правительства.

Полиция, как известно, призвана защищать порядок, но она не может сделать кого-то богатым или бедным. Разница в имущественном положении, неизбежная в любом обществе, в котором привилегии находятся под запретом, возникает по причинам вступления в права наследования либо определяется личными качествами: трудолюбием, бережливостью и умеренностью. Граждане, имеющие такие качества, как правило, могут предоставить какие-то блага другим людям. К примеру, если я занимаюсь производством и продажей обуви и имею при этом приличное состояние, это означает, что людям нравится моя работа и они готовы ее оплачивать. Поэтому важно помнить, что богатство общества прямо пропорционально усилиям всего общества по производству благ, а роль правительства заключается лишь в поддержании порядка и защите прав собственности. *Блага создаются людьми, а правительство можешь лишь отнять эти блага.*

Внедрение прогрессивного налогообложения приводит к тому, что отбивает тягу граждан к созидательной деятельности. Согласитесь, что если

с увеличением моего дохода мне приходится платить все больше и больше налогов, то моим естественным желанием будет сокращение доходов. Человек работает все же для самореализации, а не для того, чтобы платить налоги. Гражданину нет смысла держать забитый припасами амбар, если какой-то грабитель его постоянно обворовывает, а у гражданина нет способов, чтобы сберечь свое добро. До какого-то момента гражданин будет мириться с высокими налогами и пытаться поддерживать приемлемый уровень жизни, но в один прекрасный день он задастся вопросом: «а стоит ли мне вкалывать, как ломовая лошадь, если меня обирают почем зря?» и добровольно согласится со снижением уровня жизни. Зачем, скажите на милость, рвать жилы и работать сверхурочно, если большая часть моего дохода уходит на налоги, — это явно того не стоит? Вот к чему приводит введение прогрессивного налогообложения.

Если внимательнее рассмотреть подходящий налог, то можно обнаружить, что это скорее не налог на доходы, а налог на капитал. Объясняется это тем, что правительство забирает у граждан то, что они могли бы сохранить для будущего использования. Вне всякого сомнения, некоторые граждане могли бы приобрести на изымаемые

государством суммы новые вещи или покрасить на них дом. Но верно и другое — часть граждан могла бы разместить свободные средства на банковском депозите, и эти средства могли быть выданы в виде кредитов на расширение производства, строительство фермы или магазина. Именно так и работает принцип сбережения, и, понятное дело, если государство конфискует средства у граждан и предприятий, они не могут быть использованы в процессе созидательного производства. *Поэтому в очередной раз мы вынуждены констатировать, что введение подоходного налога приводит к ухудшению структуры капитала в стране.*

Принимая во внимание, что заработная плата является составной частью производства, а объем производства пропорционален объему затраченного на производство капитала, можно сказать, что введение подоходного налога снижает капитальные затраты, а также приводит к снижению количества рабочих мест и заработных плат работников. Кроме того, не произведенные по причине нехватки капитала товары отражаются на потребителе, ведь чем меньше товара на рынке, тем выше на него цены. *В связи с этим можно утверждать, что подоходный налог бьет по гражданину намного сильнее, чем просто «кража»*

из конверта с заработной платой. Мало того, что гражданин сталкивается с ростом стоимости товаров, так он еще и вынужден мириться со снижением своих доходов.

Как ни странно, но в долгосрочной перспективе одним из проигравших от введения прогрессивного налогообложения окажется и федеральное правительство. Коль скоро федеральное правительство своими действиями подрывает частную инициативу граждан, то, в конце концов, это приведет к тому, что граждане снизят производство благ, уменьшив тем самым и налоговую базу, от которой зависят налоговые поступления федерального центра. Правительство, конечно, может попытаться использовать часть конфискованного капитала на производство благ, чтобы постараться заполнить образовавшийся на рынке вакуум. Но в этом случае речь будет идти об одной из форм социализма, и проблема заключается в том, что социализм не способен производить ничего, кроме дефицита. Доказательства неэффективности экономической модели социализма выходят за рамки данной книги, поэтому я не буду останавливаться на этом вопросе. В том случае, если читателю потребуются примеры неэффективной работы социалистической модели хозяйствования, он

может ознакомиться с деятельностью нашей общественной почтовой службы, чтобы понять, о чем идет речь. *Когда весь капитал страны находится на руках федерального правительства и вся экономическая деятельность начинает зависеть от прихоти федерального центра, это называется не иначе, как рабство.* Именно такую цену приходится платить обществу за введение прогрессивной системы налогообложения.

Несмотря на утверждения защитников прогрессивной системы налогообложения, этот принцип отнятия ценностей близок к принципам разбойников с большой дороги: отнимать и делить. Такие «деятели», правда, не утруждают себя моральным обоснованием своих действий, — они просто выбирают путешественника «пожирнее», чтобы основательно выпотрошить его карманы, брезгуя при этом неимущими. Федеральное правительство поступает ровно так же, как и грабители с большой дороги, не особо интересуясь при этом, откуда «путешественник» взял свои деньги.

В Шестнадцатой поправке прямо говорится о том, что федеральное правительство облагает «все доходы, вне зависимости от источника их поступления». Фактически это означает, что федеральному правительству абсолютно все равно, с кого

собирать налоги — с картежника, грабителя, угонщика, горничной или проститутки. В общем-то, разбойники с большой дороги тоже не особо щепетильны в выборе жертв, главное, чтобы жертвы поступали бесперебойно².

² «В нашей стране мы признаем равенство прав граждан с любым цветом кожи, расы или социального положения, равно как и равенство граждан в вопросе налогообложения. С моей точки зрения, предложение о введении прогрессивной системы налогообложения не может быть оправдано никакими моральными выкладками. Подобное предложение может быть оправдано только в том же ключе, в каком грабитель с большой дороги оправдывает свои действия. Это все равно, что сказать богатому человеку: “У тебя есть деньги, но мы их заберем, потому что сможем ими распорядится лучше тебя”» (Джастин Смит Морилл, член Палаты представителей от штата Вермонт, 23 мая 1866 года).

РЕВОЛЮЦИЯ 1913 ГОДА

Законы о введении налогообложения, принятые во времена Гражданской войны, менялись несколько раз, но изначально предполагалось, что эти законы должны быть отменены к 1870 году. Однако, как это часто бывает, в угоду политической целесообразности срок действия законов о введении налогообложения был продлен до 1872 года. Не составляет большого труда, чтобы представить, что было дальше, — «левацкая» администрация Линкольна клятвенно обещала, что введение налогов (несмотря на неконституционность данного решения) было обусловлено военным положением, и со временем эти законы будут отменены. Некоторые конгрессмены, надо отдать им должное, пытались напомнить гражданам о необходимости отмены принятых в военное время законов, но все их попытки окончились безрезультатно. Шло время, в США родилось два поколения, случились две депрессии, когда американские граждане полностью свыклись с мыслью о существующей в стране системе налогообложения. Давайте же посмотрим, к чему в итоге привели принятые однажды решения.

Период после окончания Гражданской войны в США можно охарактеризовать как время

экономического бума, на смену которому пришел неизбежный кризис. Война была отличным стимулом роста промышленного производства, и взятый однажды темп поддерживался даже после окончания боевых действий. После завершения войны у граждан на руках осталось большое количество свободных денег (если точнее — поддельных денег), выпущенных федеральным правительством для финансирования боевых действий, и поэтому покупательная активность граждан была достаточно высокой. Кроме того, у многих граждан на руках оказались облигации, которые могли быть легко обналичены или заложены для получения ссуды, и вуаля — свободные деньги стали «топливом» экономического бума.

Помимо свободных денег послевоенный бум американцев подогревало желание по овладению Диким Западом, что привело к началу массовой прокладки железных дорог на западный фронт, — граждане пребывали в полной уверенности, что времена процветания и достатка пришли всерьез и надолго. Неудивительно, что многие купились на эти иллюзии и в надежде на будущие барыши начали активно скупать различные ценные бумаги, стоимость которых зачастую базировалась на самых смелых предположениях, но не всегда соответствовала действительности.

РЕВОЛЮЦИЯ 1913 ГОДА

Отрезвление пришло достаточно быстро, — в 1873 году в Соединенных Штатах начался полномасштабный экономический кризис. В ответ на разразившийся кризис граждане стали снижать потребление, что привело к снижению промышленного производства. Граждане были вынуждены снижать потребление в связи с тем, что за время экономического бума они успели основательно влезть в долги, а в кризисное время столкнулись с невозможностью исполнения своих обязательств. Сделанные однажды инвестиции не приносили желаемой отдачи, и граждане продолжали изнывать под кредитным бременем. Чтобы хоть как-то защитить свои инвестиции, людям пришлось снижать потребление и экономить каждый цент. Снижение потребления, как уже было сказано, приводило к снижению производства, и многие теряли работу, — стоило только уронить одну карту, как рухнул весь карточный домик. Таким образом, о возобновлении экономического роста можно было говорить только после того, как кризис расчистит «плохие долги» и вернет цены на соответствующий реальности уровень. Другими словами, на смену безудержной инфляции приходит кризис, протекание которого сопровождается неизбежной дефляцией.

Можно сколь угодно долго заниматься словесными построениями о путях выхода из кризиса, но в реальной жизни людям что-то нужно есть, и они не могут ждать бесконечно долго, пока кризис расчистит «перекосы», образовавшиеся во время «ярмарки тщеславия». В такое напряженное время все начинают искать «волшебную таблетку» от поразившего общество недуга, и она, как ни странно, очень быстро находится. Выясняется, что самым быстрым и правильным «лекарством» для излечения «болезней» являются деньги, — федеральное правительство напечатало кучу денег во время войны, и общество получило период стабильности и процветания. Почему бы не повторить этот опыт еще раз? Как только в обществе сформировался запрос «нужно больше денег», тут же нашлись и «доктора», которые пообещали дать народу желаемое. В историю Соединенных Штатов эти «доктора» вошли под названием «Популисты» (Популистская партия).

Наибольшее влияние эти «доброхоты» получили на Диком Западе — регионе, который наиболее сильно пострадал от кризиса. История Дикого Запада неразрывно связана с железными дорогами, массовое строительство которых было обусловлено государственной поддержкой. Однако в связи с тем, что потребителей услуг железнодорожных компаний

было мало, строительство бóльшей части железных дорог не имело экономического обоснования. Такое положение было обусловлено тем, что железные дороги строились не в расчете на обслуживание населения западных штатов, а для привлечения переселенцев из восточных штатов и Европы. Тем не менее грандиозные проекты железнодорожного строительства вызывали массовый спрос на земельные участки вдоль новых линий коммуникаций. Зачастую бывало так, что железнодорожные компании еще даже не приступали к постройке дороги, но уже активно рекламировали планы «создания Империи», которые вызывали живой отклик у публики. Простым гражданам предлагалось покупать землю у железнодорожных компаний (которую, кстати, компании получили у государства на бесплатной основе), но которая, по большому счету, не стоила и ломаного гроша, — предстояло еще много потрудиться, чтобы эти земельные участки стали бы приносить хоть какой-нибудь доход. Однако трудности никого не испугали, и ради покупки кусочка «мечты» граждане, пребывающие в инвестиционном уга-ре, охотно влезали в долги. Со временем выяснится, что граждане не учли всех рисков и что их доходов не хватает на покрытие повседневных расходов и оплату займов, взятых на покупки земельных участков.

Если к этому добавить еще и тарифы на перевозки, которые держались на высоком уровне из-за монополий железнодорожных компаний, то можно себе представить всю безрадостную картину жизни «простого американца».

Тяжелое положение фермеров было частично обусловлено протекционистской политикой федерального правительства в части железнодорожных перевозок. Фермеры западных штатов могли продавать свои товары по мировым ценам, но в том случае, если фермеры приобретали продукцию восточных штатов, им приходилось серьезно переплачивать из-за наличия дополнительных пошлин. Следуя своим предвыборным обещаниям, партия популистов требовала от федерального правительства снижения тарифов на железнодорожные перевозки и ввозных пошлин на импортные товары, — таким образом, как считалось, граждане могли существенно экономить.

Как видим, экономический бум с последующим кризисом был во многом вызван действиями федерального правительства, щедро подлившего масла в огонь человеческой жадности. Но когда люди сталкиваются с кризисными ситуациями они, как правило, не стремятся изучить причины, которые привели к созданию тяжелой ситуации, и уж тем более никто не будет обвинять себя в неправильно

сделанном выборе. В такие моменты, по давно сложившейся традиции, создается образ «злодея», на которого изливаются страх и ненависть граждан.

Считается, что именно во второй половине девятнадцатого века американцы приняли доктрину классовой борьбы, которую в США занесли социалисты, — идеи социалистов упали на хорошо подготовленную почву и моментально нашлись «козлы отпущения», на которых можно было списать грехи всех граждан. Текущая повестка дня незамедлительно обогатилась такими словесными оборотами, как «плутократы», «бароны-разбойники», «жирные коты» и «денежные мешки». Кроме того, раз уж значительная часть богатства страны была сосредоточена в восточных штатах, проповедники классовой войны не упустили хороший случай и обвинили условный «Уолл-Стрит» во всех экономических бедах страны¹.

Идея прогрессивного налогообложения была завезена в США социалистами, лидеры которых рассматривали эту систему в качестве одного из

¹ Вот типичная речь тех дней, посвященная вопросу введения подоходного налога: «Единственное, что нам необходимо обсудить при принятии поправки, так это то, где должны собираться налоги и где не должны. Не забывайте, что вы обогатились за счет Запада и Юга» (сенатор Уильям Пеффер, 21 июня 1894 года).

главных средств разрушения ненавистного им капитализма. Для того чтобы разрушить капитализм с его институтом частной собственности — слишком уж глубоко сидели эти принципы в американцах, — потребовалось бы много времени, но призывы к введению прогрессивного подоходного налога были поданы под соусом мести за те несчастья, которые «денежные мешки» нанесли гражданам. Проще говоря, в качестве объекта мести были выбраны люди, которые имели больше денег, чем пострадавшие во время кризиса граждане. К 1891 году разные движения популистов окончательно оформились в Народную партию и в качестве своей политической платформы заявили введение прогрессивного подоходного налога. Позднее к инициативам популистов присоединилась и Демократическая партия.

Вопросу введения прогрессивного налогообложения стали посвящать научные труды, и эта идея пользовалась определенной поддержкой. Понятно, что, когда человек смотрит только в одну сторону, он очень быстро находит причины всех несчастий.

Идея введения прогрессивного налогообложения адресуется как правящему классу, так и обычным гражданам. И если первые видят в ней средства наполнения государственной казны, то вторые — средство мести более успешным.

РЕВОЛЮЦИЯ 1913 ГОДА

При введении прогрессивной системы налогообложения единственными выгодоприобретателями являются чиновники, за счет которой они могут не только улучшить свое материальное состояние, но и повысить свою значимость. Неимущие граждане, поддерживающие политиков по вопросу введения прогрессивного подоходного налога, делают это из-за ненависти к богатым. Однако таким гражданам стоит сказать, что они сознательно себя обманывают, рассчитывая получить хоть какие-то крохи с «барского стола» за богатых, но при этом не понимают, что при помощи налогообложения доходов нельзя поправить собственное финансовое положение. Другими словами, если отбросить демагогическую шелуху, то окажется, что в основе идеи введения прогрессивного налогообложения лежат политические амбиции и грех корыстолюбия.

В 1893 году в Соединенных Штатах был избран новый президент — Гровер Кливленд, и разразился очередной экономический кризис. Вновь избранный президент слыл практичным и трезвомыслящим человеком, но ему пришлось пойти на некоторые компромиссы, чтобы удовлетворить требования оппозиции. Президент запросил Конгресс о снижении таможенных пошлин, а выпадающие при этом доходы государственной казны планировалось возместить за

счет введения налогов на прибыль корпораций. Предложенный президентом законопроект в Конгрессе поддержали партия популистов и великолепный оратор Демократической партии — Уильям Дженнингс Брайан. Конгрессмены даже согласились произвести более радикальное снижение таможенных пошлин, чем запросил президент, но при условии введения двухпроцентного подоходного налога на все доходы. Верховным Судом США предложенный законопроект (законом он стал уже после ухода Гровера Кливленда с поста президента) был признан неконституционным и, соответственно, не был введен в действие. Мы не будем сейчас рассматривать аргументацию Верховного Суда, достаточно лишь сказать, что решение о снижении таможенных пошлин увязали с введением прогрессивной системы налогообложения.

Таможенные пошлины представляют собой налог на потребление, и любой отечественный производитель, находящийся под защитой заградительных таможенных пошлин, может продавать свои товары дороже, получая при этом дополнительную прибыль. Однако западные штаты США не располагали мощными производственными ресурсами, и поэтому популисты осудили высокие таможенные пошлины как средство обогащения небольшой кучки людей из восточных штатов страны. Приведенные

РЕВОЛЮЦИЯ 1913 ГОДА

популистами аргументы были достаточно весомыми, чтобы их игнорировать, но при этом не нужно забывать, что доходы от таможенных платежей составляли почти половину бюджета США. Поэтому, когда возник вопрос, каким образом восполнить выпадающие доходы государственного бюджета, у популистов был ответ — ввести подоходный налог и «наказать богатых». Таким образом, законопроект о введении системы прогрессивного налогообложения, как и несколько более поздних законов на эту же тему, увязали вопрос снижения таможенных пошлин с введением подоходного налога.

Популисты, как и все остальные реформаторы, были уверены, что общество становится лучше только путем социальных изменений, но единственное, о чем они все время забывали, так это о старой как мир истине: когда государство принимается решать проблемы одних за счет других, это заканчивается усилением роли самого государства. Поэтому важно помнить, что вмешательство федерального правительства в экономику страны заканчивается усилением его власти в стране, от которой оно не откажется ни при каких условиях.

Таким образом, идея федерального правительства по снижению таможенных тарифов за счет введения подоходного налога противоречит

историческому опыту. Несмотря на то, что федеральное правительство предлагает «размен» и, возможно, представители федерального правительства даже верят в свои обещания, но природа федерального правительства такова, что оно не может отказаться от части своих полномочий в обмен на другие. По крайней мере, не на постоянной основе.

Мы продолжим историю с «обменом» таможенных пошлин на подоходную систему налогообложения и скажем, что уже после введения подоходного налога таможенные пошлины значительно выросли². Доходы казны от подоходного налога до такой степени «обогатили» государство, что оно смогло позволить себе защищать отечественных производителей

² Закон Фордни—Маккамбера от 1922 года ввел в действие новые ставки таможенных платежей, средний уровень которых составил 33,22 процента стоимости товара (*ad valorem tax*). Введенный по закону Фордни—Маккамбера уровень таможенных платежей значительно превышал уровень платежей, существовавший ранее, в «до-подоходную налоговую эру». Как ни странно, но блок штатов Среднего Запада и Юга, который ранее боролся за введение подоходного налога в обмен на снижение таможенных платежей, поддержал этот законопроект. А наиболее высокий уровень таможенных платежей в нашей стране был зафиксирован законом Смута—Хуоли от 1930 года и составил 40,08 процента стоимости товара.

РЕВОЛЮЦИЯ 1913 ГОДА

во всё больших объемах, — таким образом, государство не просто покупало поддержку производителей, но и делилось с ними частью доходов, полученных от взимания подоходного налога. В том случае, если федеральное правительство не имело бы доходов от подоходного налога, оно не смогло бы повысить таможенные пошлины до такой степени, чтобы прекратился ввоз импортных товаров. Если бы у федерального правительства не было доходов, собираемых за счет налогов с граждан, ему бы пришлось снижать таможенные пошлины, чтобы стимулировать импорт и пополнять казну за счет таможенных платежей. Проще говоря, для получения доходов федеральному правительству пришлось бы проводить политику снижения таможенных тарифов, а не заниматься введением протекционистских мер. Влияние введения системы прогрессивного налогообложения можно оценить по уровню доходов федерального правительства, и если в 1894 году доходы государственной казны на 44 процента формировались из таможенных платежей, то в 1950 году на таможенные платежи приходилось менее 2 процентов федерального бюджета.

Как было сказано выше, нашумевший законопроект по введению системы прогрессивного налогообложения после долгих дебатов и обсуждений

был в конце концов принят. Среди причин принятия этого закона, как правило, упоминают две основных — сильное желание населения «наказать богачей» и наивная вера в социалистическую идею о государстве как наиболее идеальном инструменте распределения благ. Для того чтобы понять настроения тех дней, достаточно ознакомиться со следующей речью, произнесенной сенатором от штата Миссури Дэвидом Деармондом:

«С принятием закона Вильсона само Солнце будет светить ярче, мы будем слышать пение птиц и смех детей, а наши граждане будут хорошо накормлены, одеты и с крышей над головой. Разве могли мы когда-то подумать, что однажды настанет такой день, когда мощь и триумф нашей демократии проявятся во всей красе? Бог приближает эру равенства и дает нам отличный инструмент для реализации его замысла — прогрессивную систему налогообложения. Закон Вильсона угоден Богу, и это лишь первый шаг на пути к пересмотру нашей налоговой системы. За счет доходов от подоходного налога мы придадим сил и оптимизма тем людям, чьими стараниями и трудом создается богатство нашей страны и которые стоят на защите нашей Республики».

Благими намерениями, как известно, вымощена дорога в ад, и вся эта пустопорожняя болтовня

популистов по вопросу введения подоходного налога как верного средства «прижать богачей» пришлось очень вовремя и подготовила почву для Большого Правительства.

Следует отметить, что в ходе дебатов и общественных дискуссий основной упор делался на сбор лишь необходимого количества средств, который требовался для функционирования федерального правительства³. При этом никто из сторонников введения подоходного налога не заикался о расширении полномочий и функций правительства, и поэтому, когда оппоненты в своих выступлениях упоминали термин «социализм», не нужно думать, что они подразумевали нечто похожее на Новый

³ Даже ярые сторонники подоходного налога подчеркивали сбор только необходимых для функционирования федерального правительства сумм, хотя, скорее всего, уже тогда подозревали о возможности использования ресурсов федерального центра для решения социальных задач. Вот, к примеру, какое мнение по этому поводу высказал сенатор Вильямс 26 августа 1913 года: «Нам нужно только столько средств, сколько реально необходимо, и как только мы понимаем, что располагаем нужными суммами, мы прекращаем сбор. Повторю еще раз — мы не собираем лишних налогов с граждан и не используем доходы от таких сборов на построение государственной системы».

Договор Рузвельта. Американское общество девятнадцатого века еще не принимало понятий патернализма, регулирования и контроля, — такие действия правительства выходили далеко за рамки дозволенного в то время. Можно предположить, что даже активные сторонники введения подоходного налога не подозревали, насколько далеко могут зайти дела, и знай они, чем все это закончится, они, вероятнее всего, отказались бы от своих затей. Во всяком случае, можно быть уверенным в том, что защитники подоходного налога не нуждались даже в мощном федеральном правительстве, которое бы занялось перераспределением финансовых налогов, *и в основе мотивации этих деятелей лежал призыв «наказать богатых», т.е. банальный грех зависти.*

Когда мы упоминаем о настроениях в обществе по вопросу введения подоходного налога, нельзя не упомянуть о том, что бурные дискуссии по этому поводу сыграли на руку «сепаратистам». Такое положение вещей обуславливалось тем, что самые существенные состояния страны принадлежали жителям восточных штатов, и многие граждане США воспринимали эти штаты в качестве «иностраных государств», а не как добропорядочных соседей. Приведу пример выступления сенатора Вильямса Пеффера от штата Канзас:

РЕВОЛЮЦИЯ 1913 ГОДА

«Нам необходимо ввести подоходный налог, и вот почему — все крупнейшие состояния нашей страны сосредоточены в Нью-Йорке. При этом, как известно, люди в Нью-Йорке ничуть не трудолюбивее нас, и они нисколько не умнее или лучше нас. Однако эти господа занимаются торговлей, — они активно покупают и продают всё и вся. Более того, они занимаются ростовщичеством и пожирают плоды чужих трудов, — они просто-напросто лишают людей средств к существованию. И вот такие господа пользуются огромными льготами, в то время как все бремя по содержанию государственного аппарата несут на себе обычные граждане».

Сенатору Вильяму Пефферу вторил и знаменитый оратор от Демократической партии Уильям Дженнингс Брайан, который в своих речах защищал «обнищавший Запад»:

«Некоторые джентльмены предлагают не вводить подоходный налог, мотивируя свою точку зрения «классовым подходом», — дескать, люди в одной части страны страдают больше других. Богатства нашей страны в значительной степени сосредоточены в определенных городах и штатах, но предлагаемый нами налог не принимает во внимание географию страны, и если штаты Нью-Йорк или Массачусетс должны платить больше налогов,

так только потому, что они располагают большим доходом. Почему, скажите на милость, эти штаты не должны платить больше налогов, раз уж они обеспечены большими доходами?»

Читая речи, приведенные выше, можно задать вопрос: появился бы в нашей стране подоходный налог, если бы у политиков хватило ума не стравливать Чикаго с Нью-Йорком, а фермеров из Небраски с работниками промышленных предприятий Бостона. Складывается впечатление, что даже противники законопроекта о введении подоходного налога не могли предвидеть той чудовищной концентрации власти, которая получила подпитку от налоговых доходов. Лишь такой невнимательностью можно объяснить аргументы противников подоходного налога, среди которых можно упомянуть нарушение принципа частной собственности, нарушение Конституции и введение классового общества. Нельзя, правда, не отметить, что временами бывали прояснения, но, как обычно это бывает, родное Отечество редко бывает богатым на пророков:

«...Принцип угнетения меньшинства большинством всегда приводит к плохим последствиям. Следование таким принципам никоим образом не укрепляет власть, а лишь усиливает недоверие

к ней. Более того, такой подход означает уничтожение институтов свободного общества и подрыв республиканского правительства» (Бурк Кокрейн, член Палаты представителей от штата Нью-Йорк).

После того как законопроект был принят, он попал на рассмотрение Верховного Суда США в связи с поданными петициями на предмет нарушения законом прав личности и принципа ограниченного вмешательства государства в дела граждан. После ознакомления с этими петициями складывается такое впечатление, что многие граждане не понимали серьезность опасности, грозившей разрушить американскую традицию свободы⁴. Так, судья Филд в блестящем аргументе, поддерживающем мнение большинства судей, объявляющее законопроект неконституционным, одобрительно цитирует тезис, выдвинутый адвокатами:

«В теории нашего национального правительства не существует такого положения, которое бы наделяло Конгресс правом беспрепятственного введения налогов. Его полномочия ограничены пределами, вытекающими из сущности всех свободных

⁴ Только в 1937 году судья Верховного Суда США Бенджамин Кардосо прямо заявил о том, что «права личности не подразумевают иммунитет от налогообложения».

правительств; за индивидами сохраняются определенные права, без которых общество не может существовать и которые уважаются всеми правительствами. Под эти ограничения подпадает и право на введение налогов».

Семена классовой ненависти, посеянные во времена Гражданской войны, дали обильные всходы в американском обществе, и положительное решение Верховного Суда от 1895 года в отношении нового закона о налогообложении снабдило их дополнительной подпиткой. В последующие годы семена ненависти набирали силу, и в обход Конституции были приняты законы о налогообложении корпораций (под видом «акцизов») и налогах на наследство. Начавшаяся Испано-американская война создала благоприятный климат для введения дополнительных налогов, и уже в 1900 году Верховный Суд США, применив юридическую казуистику, оправдал введение дополнительных налоговых сборов. Принятые Верховным Судом решения не пропали даром, — со временем они были использованы для введения полноценного подоходного налога.

Негативное отношение к богатым гражданам, подкрепленное сильным чувством мести к более успешным, возымели свой эффект, — в США были приняты репрессивные законы, наказывающие

«жирных котов». Парадоксально, но факт: к хору противников богатых начинают присоединяться голоса самих богатых граждан! Такой парадокс объясняется тем, что богатые граждане подвержены тем же шаблонным установкам, что и обычные граждане, и нужно понимать, кто и как формирует эти шаблоны. Взять, к примеру, уважаемый журнал наших дней «Park Avenue», который не гнушается использовать в своих публикациях коммунистическую риторику, лишь бы показаться «прогрессивным изданием», — так и в те времена находились деятели, из числа богатых граждан, которые принимали позу «записных демократов» и защищали введение подоходного налога⁵.

Не осталась в стороне от влияния толпы и интеллигенция, представители которой написали массу литературы, поддерживающей введение подоходного налога. Хорошие политики всегда тонко чувствуют общественные настроения, и поэтому неудивительно, что президент Теодор Рузвельт на

⁵ «Мне известны богатые [some of the wealthiest men] граждане нашей страны, которые поддерживают введение подоходного [налога support it [income taxation]], такие как мистер Джей Гулд и мистер Эндрю Карнеги» (Бурк Кокрейн, член Палаты представителей от штата Нью-Йорк, 30 января 1894 г.

протяжении периода с 1906 по 1908 год выступал в поддержку введения подоходного налога.

Когда на посту президента Теодора Рузвельта сменил Говард Тафт, влиянию риторики популистов подверглась не только Демократическая, но и часть Республиканской партии. В результате общественной риторики, благоволящей введению подоходного налога, сформировалась широкая коалиция партийных деятелей, которые начали активно призывать к проведению «великих реформ». Как это бывало и ранее, предложения по подоходному налогу «прицепили» к новому закону о таможенных тарифах, но Говард Тафт воспротивился такому решению, — его, как бывшего судью, беспокоила репутация Верховного Суда, поддержавшего однажды спорное решение по введению подоходного налога. Выход из создавшейся ситуации, тем не менее, был найден: снижение таможенных тарифов увязали с введением налогов на корпорации, а оппозиция обещала не препятствовать принятию соответствующей поправки. Чуть позднее оппозицию поддержала Республиканская партия, ранее выступавшая против введения подоходного налога и принятия поправки к Конституции. Расчет республиканцев был прост, — они рассчитывали на то, что большинство штатов не поддержат принятие

РЕВОЛЮЦИЯ 1913 ГОДА

поправки, и поэтому республиканцы не особо рисковали имиджем своей партии. Как показала история, надеждам республиканцев не суждено было сбыться, — к 1913 году сорок два штата ратифицировали Шестнадцатую поправку, и она стала частью Конституции.

Принятие Шестнадцатой поправки обычно называют «налоговой реформой», хотя на самом деле это была самая настоящая Революция, — эта поправка выбила почву из-под концепции естественных прав, принятой в Соединенных Штатах. Результатом принятия поправки стало низведение американских граждан до положения подданных, хотя они еще и не догадывались об этом. Помимо прочего, с принятием поправки произошло драматическое усиление влияния исполнительной власти, а влияние Конгресса, наоборот, снизилось. Получив в свое распоряжение доходы от подоходного налога, федеральное правительство США смогло осуществлять подкуп администраций разных штатов, ранее независимых от федерального центра. В истории человечества еще не было примеров такой концентрации власти в руках одного президента и правительства (даже в руках монархов), и еще ни одно государство не распоряжалось столь большой долей богатства народа. Наша страна сохранила атрибуты

Республики, но на самом деле мы живем не под властью олигархов, но под властью чиновников.

Такое развитие событий не является чем-то из области фантастики, и рано или поздно мы должны были к нему прийти. Теория построения республиканского правительства подразумевает, что гражданин обладает правовым суверенитетом, который он может делегировать своему представителю, представляющему интересы гражданина в выборном органе власти в течение определенного срока. Трудно, однако, представить себе ситуацию, при которой граждане могут сопротивляться федеральному правительству, особенно если это самое правительство без зазрения совести присваивает себе деньги граждан. Другими словами, суверенитет (лично-сти) возможен, только когда они подкреплены финансовыми средствами. Граждане, конечно, продолжают голосовать на выборах, но они это делают только в расчете на государственные подачки или обещания рабочих мест. Нельзя назвать такую сделку «биржевой», но то, что в результате проведения такой нехитрой операции покупается совесть граждан, не вызывает сомнений. При этом необходимо понимать, что избиратели не имеют возможности сопротивляться разнузданной пропаганде бюрократов, которая осуществляется в «интересах

избирателей» и, более того, оплачивается из кармана этих самых избирателей.

Когда-то в нашей стране у института частной собственности был сильный иммунитет, и благотворное влияние этого иммунитета ощущало все американское общество. Если обратиться к фактам из нашей истории, то можно обнаружить, что у президента Линкольна даже в военное время (!!!) были большие трудности с обеспечением призыва солдат. Со времени Гражданской войны прошло уже сто лет, и что мы видим: обязательный призыв на военную службу все больше укореняется в нашей жизни. Проблемы Линкольна с набором солдат на военную службу объясняются очень просто, — у него просто не было денег, чтобы оплачивать расходы по содержанию мощной армии. Благодаря введению подоходного налога правительство современных Соединенных Штатов не сталкивается с проблемами финансирования армии, как это было во времена Линкольна. Разница между этими временами настолько велика, что просто поражает воображение. Во времена Линкольна армия рассматривалась исключительно как «демократическая», а уклонисты от военного призыва воспринимались только в качестве предателей. Сейчас же наша страна переняла позорную практику деспотов, при которой матерям

приходится мириться с мыслью о том, что их сыновей со временем обязательно «забреют в солдаты».

В предыдущем абзаце я упомянул иммунитет общественных институтов, и это было далеко не случайно. Нужно помнить, что в нашем обществе однажды уже существовали долговые тюрьмы, но со временем они превратились в тюрьмы для уклоняющихся от уплаты налогов. Наличие уголовного преследования за неуплату налогов лишней раз доказывает — с государством шутки плохи. Поэтому сейчас в самый раз можно задаться вопросом: насколько же безжалостной должна быть система, если она готова пойти на уголовное преследование граждан, не имея на то совершенно никаких юридических оснований. Неудивительно, что профессиональные игроки и бандиты всех мастей стараются скрупулезно вести свои финансовые дела, — они как никто другой знают, что государство скоро на расправу. Можно со всей уверенностью утверждать, что с принятием Шестнадцатой поправки, призванной пополнить государственной казны, у федерального правительства появилось и дополнительное средство принуждения граждан — налоговая служба.

Неверно было бы думать, что арсенал федерального правительства исчерпывается только

требованиями по уплате налогов и уголовным преследованием за неисполнение налоговых обязательств, — в него входит также и ограничение свободы мысли. Последнее средство из государственного арсенала не так-то легко обнаружить, и оно применяется федеральным правительством для сокрытия фактов отбора частной собственности у граждан. Для того чтобы распознать манипуляции государства, нужно знать и понимать методики, которыми пользуется федеральный центр для формирования повестки дня и задания трендов. Отследить такие приемы очень сложно, и после того как федеральное правительство успешно осуществит манипуляцию общественным сознанием, только самый дотошный наблюдатель сможет определить, насколько изменилось мнение граждан по тому или иному вопросу.

Например, когда федеральное правительство выплачивает фермеру субсидию за то, чтобы тот пропустил год и не засеивал свои земли, то фермер даже не догадывается, что такая практика могла бы оказаться абсолютно неприемлемой для его предков. Но современный фермер оперирует уже другими критериями морали, — он преспокойно принимает «вспомоществование» от государства, потому что считает это в порядке вещей. Не нужно быть

семи пядей во лбу, чтобы понять: современный фермер действует подобным образом не потому, что он так считает, а потому, что в правильности такого подхода его убедила государственная пропаганда. «Бесплатные» школьные обеды также не вызывают особого протеста у матерей, словно это совсем не оскорбляет их чувство ответственности за своих детей и не ставит под сомнение их способность обеспечить детское питание. Тем не менее неоспоримое удобство «бесплатных» обедов, вкупе с экономией денежных средств родителей и массивированной государственной пропагандой, смогло изменить образ мышления граждан по этому вопросу. *И так повторяется раз за разом, — сначала посредством пропаганды вводятся все новые и новые налоги, а затем при помощи пропаганды происходит оправдание этих налогов. Это происходит до тех пор, пока под воздействием пропаганды граждане начинают думать, что именно так и надо поступать. Фактически речь идет о том, что федеральное правительство формирует повестку дня, заставляя при этом людей думать именно так, как нужно правительству. Естественно, что при таком подходе свободное суждение становится практически невозможным.*

Вмешательство федерального правительства в умы граждан не ограничивается только пропаган-

дой, и для формирования нужных ему умонастроений оно все активнее вмешивается в систему образования. Налоговые доходы сильно облегчили федеральному правительству задачу по вмешательству в систему образования, — из-за необходимости уплаты налогов состоятельные граждане были вынуждены снизить сумму платежей, которые направлялись на поддержку системы образования. Тогда федеральное правительство выступило «спасителем» системы образования и смогло предоставить образовательным учреждениям субсидии на выпадающие доходы. Нельзя утверждать, что федеральное правительство прямо вмешивается в учебный процесс, но щедрость федеральных властей не может оставить равнодушной преподавательский состав, и к мнению столь богатого и влиятельного «мецената» принято прислушиваться. Ко всему прочему преподаватели очень быстро пришли к выводу, что они могут себе найти теплое местечко в постоянно растущем бюрократическом аппарате, и поэтому не пренебрегают мнением федеральных чиновников в отношении учебных планов.

Интересно отметить, что почти во всех экономических университетах учат, что подходящий налог представляет собой средство регулирования экономической жизни страны. Та же участь

постигла и частную собственность, — наших студентов учат, что частная собственность не является неотъемлемым правом граждан, и фактически это означает, что у граждан вообще нет никаких прав. Не остается в стороне и частное предпринимательство, — из университетских учебников студенты узнают, что все перекосы в экономике страны вызваны деятельностью частных компаний и что только государство путем контроля цен и всеобщего регулирования может исправить эту ситуацию. Нужно ли говорить, что наши университеты не учили подобным вещам до 1913 года, и нет ли связи между введением подоходного налога и изменившимся мнением преподавательского состава?

Сейчас мы являемся свидетелями того, как федеральное правительство подминает под себя не только университеты, но и школы. Такого бы никогда не произошло, не будь у федерального центра достаточно средств на реализацию своих замыслов. Поэтому стоит задаться вопросом: кто и как смог реализовать такую идею — сами граждане пришли к мысли о национализации школьной системы образования или это просто чиновники увидели, что за счет проведения национализации они значительно увеличат свое влияние? Лично я склоняюсь к последнему, ведь среди лидеров,

РЕВОЛЮЦИЯ 1913 ГОДА

призывающих к национализации системы школьного образования, много федеральных чиновников и разного рода бюрократов.

В том случае, если федеральному правительству удастся подмять под себя систему школьного образования, то можно не сомневаться — все учебные программы быстро приведут в соответствие с требованиями федерального центра. Как только такое произойдет в нашей стране, дети перестанут понимать, что гражданин имеет права и что эти права он получает не от бюрократического аппарата.

Принятие Шестнадцатой поправки подорвало институт частной собственности в нашей стране, а Американская свобода, завоеванная в 1776 году, утрачена нами во время революции 1913 года.

Уважаемые Читатели!

Готовится к изданию на русском языке уникальная книга немецкого ученого, основателя социологии Франца Оппенгеймера «Государство: его история и развитие с точки зрения Социологии», название в русском издании «Государство: Переосмысление».



BTC: 1NRmBrk8EihK7nirg72h22nacqEoQ6uxaJ
Пожалуйста, помогайте нашей работе!

КАК ГОСУДАРСТВО ГРАБИТ БЕДНЫХ

Как было сказано выше, принятые в нашей стране законы о введении подоходного налога предусматривали взимание налоговых платежей «с любых источников дохода», включая, естественно, и заработную плату. По правде говоря, ни Партия популистов, ни демократы с примкнувшими к ним республиканцами, не говоря уж о записных социалистах, не упоминали о том, что подоходный налог будет использоваться для грабежа бедных. Как обычно это бывает, при обсуждении введения подоходного налога предполагалось, что его основным назначением будет «экспроприация излишков» у богатых граждан, но за рамками дискуссии об «экспроприации излишков у богатей» остался важный вопрос — каким, собственно говоря, образом эта самая экспроприация поможет бедным. Надо полагать, что ненависть к богатым гражданам настолько ослепила общество, что в запале дискуссии про этот наиважнейший вопрос попросту забыли. При этом граждане настолько потеряли чувство реальности, что упустили из виду и еще один момент: стоит только однажды позволить государству «экспроприацию излишков» у богатых, как оно со временем

запустит свою лапу в конверт с получкой рядового гражданина.

Теория классово́й войны, которую взяли на вооружение адепты введения подоходного налога, опасна не тем, что она стравливает богатого и бедного, а тем, что она отвлекает их внимание от главного врага — государства. *Гражданин, как известно, живет за счет своего труда, а государство — за счет изъятия плодов труда граждан.* В то время, пока богатые и бедные спорят по поводу справедливого способа распределения существующего общественного продукта, государство, не теряя времени, успевает обирать тех и других. Как говорят в таких случаях — пока дураки дерутся, умные должны делать деньги. Не нужно при этом думать, что это какое-то новейшее изобретение, — государство испокон веков вело себя именно таким образом. Американцы девятнадцатого века забыли этот урок истории, и совершенно зря, — имея за плечами завоеванную однажды свободу, они согласились на усиление роли государства и отказ от своих гражданских прав.

С принятием Шестнадцатой поправки достаточно быстро проявилось еще одно «качество» государства — постоянная жажда денег. До 1913 года федеральное правительство на протяжении целого века

умудрялось каким-то образом сводить дебет с кредитом, но с принятием Шестнадцатой поправки в нем вдруг проснулась необъяснимое желание по увеличению расходной части бюджета¹.

Со временем государство вошло во вкус, — налоговые ставки все время росли, а сумма налоговых вычетов уменьшалась. Федеральное правительство не стеснялось уменьшать величину ячеек в своих налоговых сетях, чтобы в них попадалось все больше и больше рыбы. Первыми под раздачу попали корпорации и богатые граждане, а затем пришел черед всех остальных — вдов, рабочих, официантов и горничных.

Когда говорят про прогрессивную систему налогообложения, важно помнить, что государство никогда не остановится только на богатых гражданах и со временем перейдет к грабежу бедных. *Причина такого поведения государства проста: бедных людей намного больше, чем богатых, и у бедных всегда есть чем поживиться.* Если посчитать зарплату всех граждан, то окажется, что эта сумма намного превышает доходы всех корпораций

¹ За период с 1801 по 1890 год, за исключением периода Гражданской войны, расходы федерального правительства никогда не превышали доходов, а в некоторые годы принимался даже профицитный бюджет.

страны, и государство просто не может позволить себе пройти мимо такого жирного куска. С зарплатами, правда, у политиков поначалу вышла заминка: работники имеют право голоса, и чтобы не оттолкнуть от себя потенциальных избирателей, политикам пришлось идти на различные ухищрения, дабы подсластить налоговую «пилюлю». Как мы видим, план политиков сработал, и гражданам пообещали «золотые горы», перед тем как приступить к их грабежу.

Для того чтобы усыпить бдительность граждан, им пообещали «волшебную пилюлю» в виде социального страхования. Ушлые политиканы быстро и доходчиво объяснили простому работяге, что государство его не ограбило, а просто изъяло «обязательный взнос» на «социальное страхование» из его заработной платы для того, чтобы обеспечить ему «достойную старость». Со временем, когда работник станет старым и больным, государство возьмет все его платежи с лихвой.

Такие посулы федерального правительства — явное мошенничество, и это легко увидеть, если сравнить систему социального страхования с обычной страховой системой. Когда гражданин оплачивает страховую премию за полис, то страховая компания направляет часть этого платежа

в специальный резервный фонд. Страховая компания за счет опыта и накопленной статистики примерно знает, сколько ей потребуется денег на покрытие своих обязательств. После того как страховая компания пустила часть страховой премии гражданина в резервный фонд, другую ее часть она вкладывает в производство и финансовые инструменты, за счет доходов от которых страховая компания обеспечивает свою операционную деятельность и формирует «подушку безопасности» в расчете на непредвиденные расходы. В некоторых страховых компаниях принята практика, при которой держателям полисов даже выплачиваются дивиденды. Не вдаваясь в тонкости страхового бизнеса, достаточно сказать, что страховщики строго придерживаются основополагающего принципа: дивиденды на полисы и оплата страховых случаев производятся за счет заработанных страховой компаний средств.

Происходит ли что-то подобное с «обязательными платежами» по «социальному страхованию»? Ничего подобного!

Каждый цент, который вычитается из зарплаты работника и зачисляется на счета Министерства финансов США, тут же тратится по усмотрению федерального правительства. То же

самое происходит и с налогами, собранными с работодателей, — они зачисляются на счета федерального правительства, которое немедленно пускает их на свои расходы. Поэтому все платежи в систему «социального страхования» являются, по сути, обычными налогами, — государство собирает их со своих подданных и расходует сообразно своим предпочтениям. При этом ни один цент «страховых платежей» не вкладывается в производство и не направляется на формирование резервного фонда. Таким образом, все собранные с граждан и работодателей платежи немедленно расходуются, задолго до того, как «застрахованный» получает право на льготы.

В целях успокоения граждан федеральное правительство создает некий «резервный фонд», но вместо собранных с граждан и компаний денег оно вносит в него свои облигации и долговые обязательства, сумма которых равняется сумме собранных платежей. При этом федеральное правительство беспрестанно говорит о том, что процентов с внесенных в «резервный фонд» облигаций и долговых обязательств хватит на выплату пенсионного содержания граждан. Проблема, однако, заключается в том, что у правительства нет источников доходов, и необходимые для уплаты процентов

средства федеральное правительство может взять только в виде налогов с граждан и компаний. С учетом того что «страховые премии» в федеральной системе социального страхования представляют собой налоговые платежи граждан и компаний, то можно прикинуть, как бы выглядел механизм работы обычной страховой компании, действующей по модели федерального правительства. Представьте, что было бы, если частная страховая компания тратила страховые премии граждан и компаний на выплату заработной платы и проведение вечеринок, а деньги за страховые случаи выплачивала за счет новых поступлений. Да за такие штуки директоров компании моментально упекли бы за решетку, но, как известно, в нашей стране закон действует избирательно: для обычных граждан и частных компаний применяются одни правила, а для государства и его служащих — совсем другие.

Еще одним «аргументом» в пользу введения системы социального страхования в нашей стране стало утверждение о том, что за счет внесения страховых платежей в старости гражданин не станет обузой для своих детей. Ну что же, давайте разберем это утверждение более подробно. Как нам уже известно, налоги являются составной частью производства, и налоговые платежи взимаются

с товаров, которые произведены сегодня, а не тридцать или сорок лет назад. Поэтому, перед тем как осуществить выплаты престарелым гражданам по системе социального страхования, федеральное правительство для начала должно собрать деньги с детей этих самых престарелых граждан, — государству попросту больше нигде взять денег. Таким образом, поддержка престарелых родителей осуществляется за счет детей, которые просто об этом не знают.

Ситуация усугубляется тем, что государство вовлекает в эту схему работодателей. Наемному работнику постоянно говорят о том, что «эксплуататор» вносит страховые платежи за него, и это лишний раз побуждает работника раскошелиться на внесение «своей части» платежа. Однако любой школьник прекрасно знает, что работодатель включает все свои расходы в цену конечной продукции, и завышенную таким образом цену товара приходится оплачивать из своего кармана рядовому покупателю. Итак, завышенные искусственным образом цены оплачивает тот самый «застрахованный гражданин», и вся эта схема государственного обмана напоминает игру в наперстки.

В процессе изучения последствий принятия Шестнадцатой поправки становится понятна ее

мошенническая сущность. Например, формирование «резервного фонда» за счет государственных облигаций, — правительство в любой момент может ввести в оборот дополнительную денежную массу, в качестве «обеспечения» которой выступают те самые государственные облигации. Фактически это означает, что правительство в нужный момент может «купить» эти облигации при помощи свежееотпечатанных денег, используя тем самым полученные средства для исполнения страховых обязательств перед гражданами. В том случае, если правительство продаст государственные облигации частным лицам или организациями, они смогут использовать эти облигации в качестве обеспечения при получении кредитов. Таким образом, в результате действий правительства в денежный оборот поступает все больше и больше денег, а их стоимость постоянно снижается. *Процесс «удешевления денег» называется инфляцией, и означает он ровно одно — те деньги, которые федеральное правительство изымает у граждан в виде налогов, стоят неизмеримо дороже тех денег, при помощи которых государство будет оплачивать свои обязательства перед гражданами в будущем.* В нашей стране система социального страхования была введена в 1937 году, и не нужно быть семи пядей во лбу,

чтобы понять — на один доллар 1937-го года можно было приобрести больше товаров, чем на тот же самый доллар в 1954-м. Вот и получается, что пока гражданин вкалывает, как проклятый, откладывая трудовые центы в систему социального страхования, государство пользуется его деньгами по своему усмотрению. А когда у гражданина наступит срок выхода на пенсию, федеральное правительство рассчитается с ним изрядно подешевевшими деньгами, на которые гражданин сможет приобрести меньшее количество товара, чем в своей молодости, когда он только начинал делать взносы в систему социального страхования.

Когда система социального страхования была запущена, ассоциация врачей сделала расчеты, которые показали, что для исполнения всех обязательств перед гражданами, имевшими право на льготы, федеральное правительство должно сформировать фонд в пятьдесят миллиардов долларов. И это еще при том условии, что размер фонда рассчитывался только на определенное число граждан, которые имели право на получение страховых выплат, и не предусматривал увеличение числа «льготников». Для того чтобы выплачивать страховые выплаты новым участникам системы, федеральному правительству пришлось пойти на увеличение страховых отчислений,

что автоматически привело к дополнительной налоговой нагрузке на граждан. Проще говоря, для поддержания системы в рабочем состоянии федеральному правительству требовалось собирать все больше и больше налогов, что на практике означало ровно одно — государство все глубже и глубже залезало в кошелек простых граждан².

² При принятии законов о социальном страховании считалось, что если доходы гражданина составляют три тысячи долларов в год, то он будет отчислять один процент в государственную систему. На тот момент это считалось вполне достаточным для функционирования системы, но в 1951 году государство решило поднять планку, и под социальное налогообложение попали доходы уже в три тысячи шестьсот долларов. Однако на этом федеральное правительство не успокоилось, и помимо обычных граждан для участия в системе привлекли индивидуальных предпринимателей. Привлеченные в систему вопреки своему желанию, индивидуальные предприниматели должны были отчислять государству 2,25 процента суммы своих годовых доходов. С течением времени ставка страховых отчислений индивидуальных предпринимателей только увеличивалась, и если в 1951 году она равнялась двум процентам с четвертью, то в 1970 ставка страховых выплат достигла цифры 4,8 процента. При этом федеральное правительство не упускало из виду и обычных граждан, — ставки страховых сборов для них тоже повышались, и к 1970-му году достигли цифры 3,25 процента.

Как упоминалось выше, фиктивный фонд «социального страхования» уже успел собрать с граждан и предприятий пятнадцать миллиардов долларов. Наблюдая за этой ситуацией, некоторые экономисты начинают задаваться закономерным в таком случае вопросом: каким образом федеральное правительство собирается исполнять свои обязательства перед гражданами, которые на протяжении последних шестнадцати лет делали отчисления в систему. Подготовленные специалистами расчеты показывают, что процентов от внесенных в систему социального страхования сумм будет недостаточно для обеспечения приемлемых выплат гражданам, после того как они выйдут на пенсию. Более того, в том случае, если пенсионеры после выхода на заслуженный отдых имеют дополнительный доход, они теряют право на получение выплат из системы социального страхования. Для того чтобы понять, почему это происходит, нужно знать, что государство собирается исполнять свои обязательства перед пожилыми гражданами за счет разгона инфляции и снижения стоимости денег. Таким образом, как ни крути, но пожилые граждане будут зависеть от материальной поддержки своих детей, которых федеральное правительство станет нещадно грабить,

чтобы раздобыть средства для исполнения обязательств перед стариками.

Тема социального страхования настолько обширная, что требует отдельной книги, и поэтому мы не будем на ней останавливаться. Тем не менее, как уже упоминалось ранее, я хочу показать влияние, которое оказала Шестнадцатая поправка на американское общество, и как принятие этой поправки изменило нашу страну в политическом, экономическом и моральном плане. Самым лучшим примером таких порочных изменений являются создание системы социального страхования и негативный эффект, который эта система оказала на национальное самосознание.

Несмотря на все то зло, которое появилось в нашем обществе с момента создания системы социального страхования, множество людей продолжают поддерживать эту порочную практику. Защитники системы, вольные и невольные, часто апеллируют к чувствам граждан и задаются вопросом: «Неужели мы допустим, чтобы страдали наши старики?» Подобные заявления выглядят по меньшей мере странными, — в истории нашей страны трудно вспомнить время, когда дети массово отказывались от своих стариков и бросали их на произвол судьбы. Именно поэтому нет никаких

свидетельств того, что при достижении возраста в шестьдесят пять лет граждане нашей страны начинают умирать от голода. Более того, нынешнее поколение молодежи относится к своим пожилым родителям с таким же уважением и пиететом, как это было и до создания системы социального страхования. Если бы федеральное правительство оставляло трудоспособным гражданам больше денег, не взимая с них ненужных налогов, то у детей оставалось бы больше средств для оказания помощи своим престарелым родителям или создания финансовой «подушки безопасности».

Проблема заключается в том, что понятие «социальное обеспечение» вообще не существует, потому что каждый гражданин стареет в одиночку и по строго индивидуальной программе. Само же общество никогда не стареет, и это объясняется тем, что поведение общественного организма отличается от поведения и потребностей индивида. В связи с этим обеспечение своей старости всегда было проблемой совершенно конкретного организма, и каждый индивид старался самостоятельно ее решить. Некоторые граждане пытались выплатить ипотеку за дом, чтобы в старости иметь постоянную крышу над головой, а некоторые старались сформировать «зачатку на старость». Теперь,

в свете последних событий, у наших граждан появился еще один способ «обеспечения» старости — взносы в систему социального страхования.

Все инициативы граждан по самостоятельному обеспечению посредством накоплений и инвестиций исходят из идей независимости индивида от государства и расчета на собственные силы. Неудивительно, что такие подходы представляют реальную угрозу идеям социализма, и защитники системы социального страхования будут всячески пытаться разрушить любые ростки гражданской независимости и самостоятельности. Естественно, что если гражданин будет заботиться о себе самостоятельно, то ему не потребуются помощь и услуги многочисленной оравы бюрократов. Именно в расширении власти государственных чиновников и берут корни методики развития рабской психологии у граждан, — человека с малых лет начинают приучать полагаться не на себя, а на коллектив. Если при этом для навязывания обществу рабской психологии и подавления акций гражданского повиновения потребуется использование силовых методов, то это означает лишь одно — могущественный класс бюрократии кровно заинтересован в сохранении бедности и нищеты.

Скрытые механизмы внедрения системы социального страхования, как и вообще все идеи социалистического устройства общества, представляют серьезную угрозу для американских традиций и свобод — фундамента, на котором держится Америка. Социалисты исходят из мысли, что общество должно делиться на две неравные категории — «господ» и «рабов». Фактически речь идет о создании в Америке кастового общества, существование которого будет поддерживаться системой «социального страхования». Поэтому защитники системы «социального страхования» будут с пеной у рта доказывать, что большинство граждан нашей страны представляют собой беспомощных и ничемных индивидов, за которыми нужен особый присмотр. Давайте тогда спросим себя, кто будет осуществлять этот уход за «беспомощными гражданами»? Конечно же, безразмерный штат государственных чиновников и бюрократов!

Но в таком случае мы говорим о классической концепции построения государства по модели «отец—сын», которую активно использовал Бисмарк, и именно при «железном канцлере» в немецком обществе была принята система социального страхования. В своих общественных воззрениях Бисмарк исходил из того, что единственным классом,

который мог править Германией, были юнкера, — именно на них самим Богом возложены почетная обязанность по обеспечению функционирования государственной машины и забота о гражданах³.

Вполне возможно, что в феодальном обществе, где большинство населения занято в сельском хозяйстве и привязано к земле, такие подходы и были обоснованны, — местным правителям было довольно просто присматривать за своими подопечными и заботиться о них. Но в современном

³ Бисмарк говорил: «Я безоговорочно признаю право граждан на работу и буду защищать это право до последнего вздоха, но меня не нужно считать социалистом, — в своих взглядах я исхожу их принципов общественного устройства и законодательства Пруссии». Законодательство Пруссии менялось на протяжении длительного времени, и последние значительные изменения в законодательстве были приняты во время правления Фридриха Второго. Вот какие положения вошли в последний пакет поправок:

- 1) Государство принимает на себя обязательства по обеспечению граждан, которые не в состоянии позаботиться о себе.
- 2) Каждый гражданин имеет право на работу, в зависимости от своих навыков и квалификации.
- 3) Государство вправе принимать все необходимые меры для предотвращения нищеты граждан, равно как и чрезмерного потребления социальных благ.

мире, когда общественные связи стали более гибкими, старые принципы общественного устройства уже не работают, и уже во времена Бисмарка старая феодальная система Германии получила серьезный удар от начавшейся эры индустриализации. Тогда на помощь «железному канцлеру» пришла та самая система социального страхования, которая позволила «законсервировать» правящий класс и приспособить старую феодальную систему к работе в новых условиях.

Для спасения государственного устройства были срочно мобилизованы юнкера — кто, как не они смогут позаботиться о Германии в трудные времена? По сложившейся традиции класс юнкеров отличался финансовой независимостью, и поэтому их не особо прельщали те мелкие выгоды, которые получают чиновники при занятии должности. Что касается надежд и чаяний простых граждан, то для юнкеров они были где-то на предпоследнем месте по значимости, — представители этого класса в силу своей независимости не нуждались в одобрении своих действий избирателями. Однако даже при таких раскладах Бисмарку и юнкерам не удалось построить здорового общества — не помогла даже хваленая система социального страхования.

Основные причины провала немецкой системы социального страхования крылись в области психологии, а не политике или экономике. *Как только гражданин избавляется от обязанностей по самостоятельному обеспечению своей жизни, у него тут же начинают развиваться беспомощность и бессилие — тут-то он и попадает в руки «заботливых государственных мужей». При этом наблюдается одна интересная особенность: чем больше гражданин получает помощи от государства в настоящем, тем больше помощи ему будет требоваться в будущем.*

Благодаря тому что в нашей стране двадцать лет назад была принята система социального страхования, мы являемся свидетелями изменения сознания граждан, — все больше и больше молодежи начинает воспринимать государство в качестве постоянного «опекуна». Хуже того — идеи самостоятельности и независимости от разного рода чиновников начинают восприниматься как «реакционные» и вредные. Мы уже дошли до того, что молодого человека, родившегося после 1920 года, практически невозможно убедить в том, что принятие помощи от государственных чиновников ведет к личной деградации и что вся система «социального страхования» является большой аферой.

У нас в стране еще встречаются эксперты, которые защищают систему социального страхования и призывают не путать социальное обеспечение граждан с политикой. Такие эксперты полагают, что система социального страхования является приемлемым средством обеспечения граждан, но, по их мнению, государство должно обеспечивать функционирование системы по классической схеме работы страховых компаний. Не совсем, правда, понятно, каким образом этого можно добиться? Как, к примеру, государство будет определять «справедливую» сумму страховых платежей и не будет при этом привносить элемент политики в свои расчеты? Не нужно забывать, что все государственные чиновники зависят от своих избирателей и зачастую вынуждены идти на поводу толпы, — как же в таком случае обеспечить беспристрастность государственных служащих?

Любые попытки введения ограничений на социальные выплаты со стороны государственных чиновников приведут к массовым протестам и акциям неповиновения, что поставит бюрократов в довольно затруднительное положение, — разъяренные граждане могут не избрать «провинившихся чиновников» на следующих выборах. Нашим политикам удалось убедить американских граждан

в том, что государство будет их содержать до конца жизни, так почему граждане должны сдерживать свои потребности и не просить большего? Поэтому любой политик, чтобы быть избранным и занять желаемое кресло, должен обещать своим избирателям молочные реки и кисельные берега. Предположим, что у какого-то чиновника хватит мужества признаться перед гражданами, что система социального обеспечения представляет собой изощренную схему надувательства, то можно даже не сомневаться в том, что такой чиновник потерпит неминуемое поражение, — никто из граждан не любит слышать горькую правду.

Социальные эксперименты в Германии привели к нравственному упадку общества и открыли дорогу Гитлеру. В Великобритании повторилось то же самое, и когда-то гордая нация превратилась в свору попрошайек. Что же в таком случае ждет нас, американцев?

В 1943 году, пользуясь военным положением, федеральное правительство предприняло очередную попытку по опустошению кошельков граждан, — был принят закон, согласно которому из заработной платы трудящихся удерживалось двенадцать процентов, а собранные суммы перечислялись в пользу государства. Это объяснялось

тем, что правительство испытывало серьезный дефицит в деньгах и не могло себе позволить ждать конца года, когда наберется требуемая сумма. Государство настолько обнаглело, что забирало деньги у работника задолго до того, как работник их вообще увидел. Прикрываясь срочностью и тяжелым положением на фронтах, федеральное правительство потребовало, чтобы корпорации и работники вносили налоговые платежи авансом на основании предположений о своих будущих доходах.

Чрезвычайные меры, к которым федеральное правительство прибегло во время войны, плавно переключались в мирное время, — получив однажды в свое распоряжение огромные средства, государству уже трудно было от них отказаться. Для того чтобы обосновать повышение налоговых платежей, федеральное правительство станет постоянно искать способы быстрого расходования поступивших от граждан средств, и в идеальном случае налоговые поступления будут тратиться в момент их зачисления на счета Казначейства, или того быстрее. Несмотря на огромные суммы налоговых поступлений, регулярно изымаемых федеральным правительством у общества, их постоянно не хватает на все запланированные расходы,

и государству приходится изыскивать способы финансирования бюджетного дефицита. Обычно это заканчивается тем, что федеральное правительство начинает активно привлекать заемные средства, но это означает, что государство может занимать деньги только под доходы будущих периодов. *Когда речь идет о займах частных лиц или организаций, то аппетиты заемщиков сдерживаются страхом банкротства. Совсем иначе обстоит дело с государством, — мало того, что у него нет никаких сдерживающих факторов, так оно еще может заставить граждан и банки принимать государственные «ценные бумаги» в счет оплаты своих долгов. Помимо средств принуждения у федерального правительства есть еще один мощный рычаг давления на общество — инфляция, и государство в любой момент может раскрутить инфляционный маховик ради обесценивания своих обязательств и покрытия бюджетного дефицита.*

Считается, что одной из причин низких налоговых сборов является нежелание работников делиться частью своего заработка с федеральным правительством, и для борьбы с этим отрицательным общественным явлением государство привлекает работодателей, на которых возлагается «почетная обязанность» сборщика налогов. Когда

дело доходит до сбора налогов, то федеральное правительство не останавливается ни перед чем, — оно игнорирует права граждан на частную жизнь и может в любой момент вломиться в офис работодателя, чтобы изъять всю финансовую документацию. Более того, на основании незаконно полученной информации государство может обвинить предпринимателей или граждан в совершении преступлений, которые те могли потенциально совершить. Государство даже имеет право конфисковать частную собственность и наложить огромные штрафы только на основании того, что чиновникам показалось, как граждане или предприятия уклоняются от уплаты налогов.

Одним из самых ярких примеров такого вопиющего беззакония стал случай с предпринимательницей по имени Вивьен Калемс из штата Коннектикут. Некоторое время назад мисс Калемс решила защищать свои права и, предварительно уведомив государственные службы, отказалась взимать налоги с работников. Но на этом мисс Калемс не успокоилась и стала требовать от федеральных чиновников вызвать ее в суд, — там она планировала публично отстаивать свои права. Для того чтобы не подводить своих работников, мисс Калемс посоветовала им пунктуально вносить налоговые

платежи и хранить все подтверждающие платежные документы для возможных судебных разбирательств. Это покажется странным, но поначалу федеральное правительство отказалось выдвигать обвинения против напористой гражданской активистки. Так продолжалось недолго, и в скором времени правительственные агенты наложили арест на счета мисс Калемс, потребовав от нее уплаты всех причитающихся налогов и штрафов. При этом федеральные чиновники не утруждали себя разного рода формальностями и действовали нагло и дерзко. Единственное, что оставалось делать в такой ситуации мисс Калемс, — это подать в суд на правительство с требованием восстановления нарушенных прав и доступа к заблокированным средствам. В споре с федеральным правительством мисс Калемс сопутствовал успех, но во время судебных разбирательств чиновники старательно избегали вопросов конституционности применения законов о сборе налогов, и мисс Калемс так и не получила четких ответов на поставленные ею вопросы. Проще говоря, на примере судебных разбирательств мисс Калемс с американским правительством лучше всего понимается аксиома: законы пишутся для граждан, а не для государственных чиновников.

ФРЭНК ХОДОРОВ. НАЛОГ: КОРЕНЬ ЗЛА

Принимая во внимание вышесказанное, мы приходим к выводу, что у американских граждан существуют серьезные сомнения в правомерности взимания налоговых платежей федеральным правительством. Поэтому гражданам важно знать, что за счет принятия Шестнадцатой поправки государство серьезным образом увеличило свое влияние на общество, и это привело к нарушению наших прав и свобод.

КОРРУПЦИЯ, КОРРУПЦИЯ И ЕЩЕ РАЗ КОРРУПЦИЯ

«Введение подоходного налога приведет к увеличению коррупции в нашем обществе, но помимо коррупции нам придется столкнуться с ростом количества агентов и шпионов, состоящих на службе у федерального правительства. Для администрирования налоговой системы потребуется создать громоздкий бюрократический аппарат, который будет обладать безграничными полномочиями, и этот шаг приведет нас прямо к централизованному государству. Когда мы говорим о большом бюрократическом аппарате, то должны понимать, что его содержание будет стоить больших денег, и не всегда траты на сбор налогов будут обоснованы. И это не говоря о том, что такая практика полностью противоречит принципам работы республиканского правительства».

Конгрессмен Роберт Адамс, 26 января, 1894 г.

Слово «коррупция» имеет несколько значений, но когда его употребляют в Америке, то первым делом под ним подразумевают «коррупцию политической системы». Тот факт, что слово «коррупция» наиболее часто связывается с политикой,

лишь подтверждает плачевное состояние дел в этой области, — получается, что общественное мнение воспринимает политическую жизнь страны только через призму коррупции. Почему же так происходит? Может быть, это связано с низкими моральными качествами наших чиновников? А может, есть другие причины, которые делают государственную службу привлекательной в глазах граждан, что они любыми способами стремятся попасть на «теплое местечко»? Для того чтобы ответить на эти вопросы, достаточно сказать, что чиновники не прилетают к нам с Марса, а приходят на государственную службу из нашего с вами общества. Поэтому единственный правильный ответ в нашем случае — чиновников развращает обладание властью, и чем большей властью они обладают, тем больше соблазнов их подстерегает. Нетрудно догадаться, что самую большую власть в нашей стране имеют чиновники, которые по роду службы приближены к обслуживанию финансовых потоков федерального правительства.

Ради интереса можно ознакомиться с газетными публикациями за последние пару лет, которые пестрят примерами коррупции среди работников американской налоговой службы. Но даже такие данные, подтвержденные открытыми источниками,

представляют собой лишь верхушку айсберга, и можно только догадываться о том, какие злоупотребления находятся в основании этой глыбы. Американское общество постепенно свыкается с тем, что агенты налоговой службы с удовольствием готовы взять взятку и «закрыть глаза» в нужный момент. Никого уже не удивляет, что время от времени дела против «налоговых уклонистов» закрывают суды вышестоящих инстанций, несмотря на усилия рядовых сотрудников налоговой службы. Масла в огонь недоверия подливают и громкие разоблачения злоупотреблений в налоговой службе, которые оппозиционные партии периодически выносят на широкое общественное обсуждение.

Если взглянуть на эту ситуацию со стороны, то можно легко понять, что другое развитие событий трудно предположить, ведь в основе функционирования налоговой системы США лежит глубоко аморальный закон, который нарушает права частной собственности. Более того, большинство граждан, которые на словах поддерживают сложившуюся налоговую систему в нашей стране, как только до них доходит очередь уплаты взносов в «общую копилку», начинают орать благим матом и заявлять о «несправедливых налогах». Но это еще не все: защитники идей социализма, с пеной у рта

доказывающие ненужность и бесполезность института частной собственности, готовы защищать эту самую собственность, как только дело доходит до *их частной собственности*. В общем, как ни крути, даже социалисты не способны изменить природу человека, и частная собственность им совсем не чужда. *У людей на подкорке мозга прописана инструкция «мое — это мое», и эту инструкцию не способна изменить даже целая куча книг, доказывающих обратное.*

Принимая во внимание отрицательное отношение общества к уплате налогов, федеральная налоговая служба априори воспринимает всех граждан в качестве преступников, которые только и делают, что уклоняются от «священной обязанности» пополнения государственной казны. Неудивительно, что налоговая служба ведет полномасштабную войну против американского общества, и в такой войне все средства хороши — обман, шпионаж и чрезмерное применение силы. Общество, конечно же, не может остаться в стороне от этой войны и использует все возможные силы для борьбы с федеральным правительством. Из истории человечества известно, что наиболее уязвимым местом любой общественной системы является человек, и в данном случае федеральная налоговая служба

США не исключение. Работники этого ведомства не могут враз изменить свою природу и всегда рады заработать лишний доллар, который сам «падает» им в руки. Таким образом, с одной стороны, мы имеем агентов федеральной налоговой службы, которые не прочь «погреть руки» во время исполнения своих служебных обязанностей, а с другой — граждан, которые готовы дать взятку за улаживание проблем по налоговой части. И кого, скажите на милость, мы должны обвинять за такие поступки? Граждан, которые любыми способами стремятся обойти аморальный закон, или федеральных чиновников, которых развращает доступ к «легким деньгам»? Не нужно ли нам в таком случае пересмотреть аморальные законы, чтобы лишний раз не искушать граждан?

Хотелось так же отметить, что невольным помощником в развитии коррупции среди представителей налоговой службы является драматический разрыв в численности «противоборствующих сторон», — огромному количеству «налоговых нарушителей» противостоит лишь небольшая кучка налоговых агентов. В том случае, если федеральное правительство примет решение об увеличении численности персонала налогового управления, то расходы на содержание возросшего

количества чиновников перекроют «доходы» от их деятельности. Исходя из этого никто не стремится афишировать реальную стоимость содержания налогового управления. Более того, везде, где только можно, упоминается о том, что расходы на содержание аппарата налогового управления минимальны, особенно по сравнению с собираемыми «доходами». Зная, что эффективность работы всего налогового аппарата оценивается по уровню собранного с общества «дохода», рядовой сотрудник этого ведомства будет прилагать все усилия, чтобы любыми способами показать «большие цифры» сборов. На пути к «большим налоговым поступлениям» такого работника ничто не останавливает, и если от него потребуется возбудить заведомо фальшивое дело о неуплате налогов, включив при этом дутые суммы «недоимок» в свои отчеты, он не задумываясь пойдет на это. А уж если такому сотруднику посчастливится уладить налоговый спор с незадачливым «должником» частным порядком, подразумевающим получение взятки, то это вообще отлично: государство «получило» свои деньги и сотрудник внакладе не остался. Плоды таких «трудов на благо общества» мы можем наблюдать прямо сейчас, — недавно один из сенаторов даже привел пример «наезда» налоговой

службы на добропорядочного гражданина, которого, несмотря на признание долга перед государством, налоговики активно прессовали и пытались выбить из него какие-то сущие копейки. При этом подвергшийся нападкам налоговой службы гражданин находился в предбанкротном состоянии, но это не остановило притких чиновников от исполнения «служебного долга». Обычно в таких случаях представители налогового управления говорят, что они готовы взять «с паршивой овцы хоть шерсти клок», и, к большому сожалению, нашему обществу приходится мириться с таким вопиющим положением дел в налоговой системе.

По вполне понятным причинам обычный гражданин, который живет на одну зарплату, не имеет серьезной возможности по участию в коррупционных схемах; дело в том, что часть его заработной платы автоматически изымается федеральным правительством, и обычному гражданину нечего предложить представителям налогового ведомства в качестве взятки за «улаживание вопросов». Поэтому наиболее подвержены коррупционным схемам представители высшего общества, которые располагают значительным доходом и, соответственно, могут договариваться с налоговиками «на взаимовыгодной основе». На помощь обеспеченным

гражданам и представителям бизнеса приходит запутанное законодательство, которое может трактоваться в зависимости от обстоятельств. Неудивительно, что наличие непрозрачного налогового законодательства и множественности трактовок представляет собой питательный бульон для осуществления коррупционных схем и затрудняет борьбу с нечистыми на руку гражданами.

Как упоминалось выше, все налоги могут изыматься только из производства товаров или услуг. Поэтому любое налоговое законодательство, которое «обескровливает» производство, вредно и требует пересмотра. При этом хотелось бы надеяться, что при пересмотре налогового законодательства федеральное правительство примет во внимание специфику ведения бизнеса в стране и не будет изымать нужные для производства средства. Производственные предприятия не должны страдать от налоговой политики государства и должны располагать значительными средствами, которые позволят им воспроизводить капитал и приносить прибыль. По причине многоукладного устройства экономики страны такой подход очень трудно осуществить на практике, и, как бы ни старались наши законодатели, они никогда не смогут учесть всевозможные комбинации и ситуации. В связи

со сложной организацией экономической жизни страны законодателям приходится разрабатывать и принимать законы на основе ряда предположений и допущений, что приводит к появлению «лазеек» в законодательстве, которыми незамедлительно начинают пользоваться расторопные граждане. В некоторых случаях такие «лазейки» могут быть внесены в законодательство намеренно по просьбе «влиятельных и уважаемых лиц»¹.

¹ Одной из наиболее известных «лазеек» в налоговом законодательстве нашей страны являются льготы для образовательных и религиозных организаций. По сложившейся традиции учебные и религиозные организации выкупают недвижимость у продавцов, а затем сдают их в аренду тем же самым продавцам. При такой операции продавший недвижимость учебному заведению или религиозной организации продавец может рассчитывать получить в свое распоряжение помещения на долгий срок и за невысокую плату. Объясняется это тем, что образовательные и религиозные организации освобождаются от уплаты налогов и могут с легкостью предоставить низкие арендные ставки для своих арендаторов. Недавние исследования Американского Совета по образованию показали, что порядка 40 процентов целевых капиталов (*financial endowment*) всех университетов и колледжей США инвестируются в частные предприятия, доходы от участия в которых не облагаются налогами. Это касается и доходов

По вполне понятным причинам оборотистый предприниматель всегда найдет нужные лазейки в законах, которые помогут ему свести концы с концами и остаться на плаву. На помощь таким дельцам спешат финансовые советники и юристы, которые изыскивают любые возможности по «оптимизации» налогов и припрятывания денежных средств. Обычно на этапе «оптимизации» налогов у предпринимателей возникает конфликт с федеральным правительством, которое по одному ему ведомым причинам считает, что лучше бизнесмен знает обо всех возможных расходах на ведение дел. Агенты федеральной налоговой службы начинают задавать неприятные вопросы типа «не слишком ли быстро амортизируются основные средства» или «какова была реальная стоимость активов, по которым они были приняты на баланс»? Но на этом,

предприятий, которые управляются при участии профсоюзов, они также освобождаются от уплаты налогов. Что уж там говорить о мощных церковных агрегациях, обладающих значительными средствами и недвижимостью, доходы от распоряжения которыми освобождаются от уплаты налогов. Неудивительно, что, имея такое положение вещей с налогообложением образовательных и религиозных организаций, наше общество все больше и больше сталкивается с движением за льготное налогообложение.

как правило, агенты не успокаиваются и идут дальше: «Как насчет огромных расходов на программы по связям с общественностью. Насколько они нужны для ведения бизнеса»? Так, слово за слово возникает фундамент для очередного дела по «уклонению от уплаты налогов», но при этом каждая из сторон конфликта считает себя правой. На каком-то этапе может возникнуть предложение «решить все полюбовно» и не доводить дело до суда. *Как видим, основа для возникновения коррупции чуть ли не прямым текстом прописана в наших законах.*

Наличие коррупции можно было бы отнести к побочным эффектам несовершенного и аморального налогового законодательства, но куда страшнее тот разрушающий эффект, который подоходный налог вносит в принципы работы республиканского правительства, лишая наших граждан права на свободу личности.

К примеру, вспомним печальное известное дело Вильяма Малуна, которое было сфабриковано федеральными властями с целью нейтрализации неудобного человека. Этот случай произошел в 1931 году, за два года до президентства Франклина Рузвельта, во время правления которого федеральные власти вообще перестали чего-либо стесняться и при любом удобном случае использовали

административные рычаги. Уильям Малун был известен тем, что занимал пост председателя налоговой комиссии штата Иллинойс и в 1932 году предпринял неудачную попытку избрания на пост губернатора этого штата. За время нахождения на посту председателя налоговой комиссии штата у него возник конфликт с компаниями мистера Пульмана и Чикагским транспортным консорциумом по вопросу уплаты налоговых платежей, которые были решены не в пользу этих компаний.

Это печально известное дело длилось около шести лет, ход которого подробно описан в книге Элмера Вильямса «Жертва американской налоговой службы». В своей книге Вильямс указывает на факты запугивания свидетелей, подкупа и использование подковерных интриг для получения обвинительного заключения суда. Как отмечает Вильямс, окружной прокурор, представлявший сторону обвинения, что было сил давил на подсудимого и свидетелей, и спустя какое-то время он за свои старания на процессе был произведен в ранг федерального судьи. Но и это еще не всё, — председательствующий на процессе Малуна судья был активным сторонником окружного прокурора и поддерживал прокурора во время его избирательной кампании на пост сенатора. Нужно отметить,

что Малун признавал свою вину в неуплате определенных налогов, но требовал, чтобы обвинения против него поддержала Комиссия по налоговым спорам. Суд, однако, не принял во внимание требования Малуна, и ему было предъявлено обвинение в «злостном уклонении от уплаты налогов», которое являлось серьезным уголовным преступлением, предусматривающим тюремное заключение. Таким образом, федеральным судом Вильям Малун был признан «политически неудобной персоной» и брошен в тюремные застенки за то, что осмелился поднять голос против крупных компаний.

Спустя шестнадцать лет после «дела Малуна» подобный случай произошел в Бостоне. Прологом к очередному судебному разбирательству по вопросу уклонения от налогов послужило желание Альфреда Гонта, который решил посвятить свои таланты служению обществу. Этот гражданин выставил свою кандидатуру и победил на выборах в Исполнительный комитет штата Массачусетс от Республиканской партии, но незадолго до выборов у Альфреда Гонта возник конфликт с одним из представителей Комиссии штата по трудовым спорам, который был родом из того же города, что и Гонт. Заняв место в Исполнительном комитете, Гонт рекомендовал губернатору уволить своего

земляка ввиду его «неблагонадежности», и после такого демарша оскорбленный земляк затаил обиду на Гонта. Оскорбленный земляк имел определенный вес в местном политическом сообществе, и спустя какое-то время против Альфреда Гонта было возбуждено дело об «умышленном уклонении» от уплаты налогов. Нельзя, конечно, уверенно сказать, что за этим делом стоял оскорбленный «трудовик», но лучшего плана по осуществлению личной мести трудно себе придумать.

В «деле Альфреда Гонта» большую роль сыграли разбирательства на предмет оценки активов, величина которых имела непосредственное отношение к определению налоговой базы «злостного уклониста». В ходе судебных разбирательств Альфред Гонт, как и Уильям Малун, не стал запыраться и согласился признать свою вину перед федеральной налоговой службой при условии предоставления веских доказательств его «преступлений». Можно сказать, что Гонт избрал правильную линию поведения с федеральной налоговой службой, и поначалу казалось, что дело закончится заключением сделки между обвиняемым и налоговиками. Но в процессе судебных слушаний стало понятно, что на представителей федеральной налоговой службы оказывается давление по «политической линии».

Налоговики были вынуждены отказаться от сделки Гонтом, — им были не нужны его деньги, им нужен был он сам. По итогам судебных слушаний федеральная налоговая служба продала нужное ей решение, и Альфред Гонт был приговорен к полтора годам заключения в федеральной тюрьме за «уклонение от уплаты налогов».

Дела Альфреда Гонта и Уильяма Малуна представляют собой отличные примеры давления государственных органов на неугодных граждан. Примеры Гонта и Малуна ценны еще и тем, что судебные разбирательства состоялись в разное время и при разных политических администрациях в Вашингтоне. Таким образом, независимо от того, какая именно администрация находится в Вашингтоне, федеральная налоговая служба может выступать в качестве орудия преследования, запугивания и давления на граждан США, которые имели неосторожность попасть в немилость. Следует отметить, что в обоих случаях отправной точкой начала нападок на граждан со стороны федеральной налоговой службы послужила разница в подходах по определению налоговой базы. В обычных условиях налоговики стараются избегать обострения конфликтов и предпочитают решать дела в досудебном порядке, но в случаях с Гонтом и Малуном

они намерено выдвинули обвинения в «уклонении от уплаты налогов», которые тянули на серьезный тюремный срок. При этом федеральная налоговая служба имеет в своем распоряжении богатый арсенал средств давления на компании и граждан, — налоговое законодательство в нашей стране настолько запутанно, что не существует ни одного бухгалтера, который бы не испытывал сомнений в методах ведения бухгалтерского учета и определения налоговой базы. Поэтому федеральная налоговая служба всегда может найти подходящие зацепки против неудобных граждан или компаний, которыми она непременно воспользуется. Особо стоит отметить, что, начав однажды преследовать жертву, федеральная налоговая служба не имеет права потерпеть поражения, — ведь в случае проигрыша громкого судебного дела имидж налоговиков будет основательно подпорчен.

Сомнения в правомочности действий федеральной налоговой службы высказывают не только рядовые граждане, но и представители власти. Вот, к примеру, какое мнение высказывал один из сенаторов от штата Миннесота по поводу «слишком резвых налоговиков»:

«В нашей стране создана и успешно действует правительственная структура, представляющая

опасность для всех граждан США, — Федеральная налоговая служба. Представители этой структуры не останавливаются ни перед чем и в погоне за налоговыми сборами нарушают положения Конституции и права наших граждан. Законодательная база, на основе которой работает налоговая служба, является сложной и запутанной, и такая неопределенность в законодательстве позволяет нечистоплотным представителям этой службы оказывать давление на граждан. Пользуясь авторитетом государства и неосведомленностью граждан в вопросах налогового законодательства, представители налогового ведомства позволяют себе выдвигать серьезные обвинения против граждан, не уделяя при этом должного внимания сбору доказательств “преступлений”.

Наша налоговая служба представляет собой уродливое воплощение бюрократизма и инквизиции, логово которой находится в Вашингтоне. Эта служба настолько могущественна, что уже опутала страну своими щупальцами от океана до океана, и от одного только ее названия многие наши граждане приходят в ужас. Страна наводнена агентами и соглядатаями налоговой службы, которые, не жалея своих сил, сеют страх и панику. Связано это с тем, что увеличение заработной платы

и продвижение по службе зависят от количества открытых дел против “налоговых уклонистов”, и никого не волнует, сколько денег было реально перечислено в федеральный бюджет по итогам расследования подобных “липовых” дел.

Фактически в нашей стране создана государственная структура, основной целью которой являются шантаж и вымогательство денежных средств у граждан и компаний. При этом никто не может считать, что обладает иммунитетом против преследования налоговиков, — у этой службы есть множество способов объявить даже самую невинную сделку противозаконной, и придется потратить массу времени и сил, чтобы доказать обратное».

Но и это еще не всё, — бывали случаи, которые не особо афишируются, когда представители налоговой службы наведывались с проверками к разного рода оппозиционерам. Налоговая служба имеет право проводить выездные проверки, и никто не может утверждать, что налоговики уделяют повышенное внимание исключительно оппозиционерам с целью «затыкания неугодных». Тем не менее имеющаяся информация позволяет сделать предположение, что влиятельные и состоятельные люди стараются держаться подальше от оппозиционеров, чтоб не привлекать к себе внимание налоговой службы,

хотя втайне они поддерживают деятелей оппозиции и разделяют их взгляды.

Коррупция на низовых уровнях — это достаточно мерзкое явление, но для общества намного хуже, когда коррупцией в массовом масштабе начинает заниматься государство. Когда созданная государством служба присваивает себе право борьбы против граждан нашей страны и всячески старается ослабить оппозиционные движения, то все общество в целом теряет права и свободы, завоеванные нашими предками. Нас лишают свободы при помощи налогового аппарата, а тех, кто соглашается поддержать государственные структуры в этой борьбе, награждают специальными налоговыми льготами. ***Поэтому нужно помнить, что наиболее опасной формой подкупа являются различные налоговые льготы.***

Когда для финансирования боевых действий Линкольн впервые ввел подоходный налог, от его уплаты не освобождались ни церкви, ни учебные заведения. Несмотря на то что церкви и учебные заведения в то время не располагали большими доходами, их трудно было причислить к сторонникам введения подоходного налога. Но когда речь зашла о разработке специальной поправки к Конституции, то представители церковных

и образовательных кругов активно лоббировали налоговые льготы для учреждений, действовавших в благотворительных или некоммерческих целях. При этом под действия налоговых льгот попадали не только сами учреждения, но и граждане, которые делали взносы в пользу таких организаций. Представители религиозных и образовательных учреждений быстро поняли, что налоговые льготы дадут им возможность более активного привлечения пожертвований, чем это было ранее. Усилия религиозных и образовательных организацией не пропали даром, и в итоге даже появился хорошо известный лозунг: «Лучше отдать деньги нам, чем государству». Не нужно при этом думать, что среди выигравших оказались только учебные и религиозные организации, — государство умудрилось привлечь на свою сторону и фермеров, пообещав им солидные субсидии в обмен на поддержку абсолютно аморального по своей природе закона.

До 1913 года вообще мало кто из экономистов уделял внимание вопросам прогрессивного налогообложения. Часть ученых рассматривали налогообложение только в качестве инструмента регулирования деятельности компаний и пополнения государственной казны, и только совсем уж

радикально настроенные экономисты рассматривали вопросы введения подоходного налога в «общественных целях». *Прошло совсем немного времени, и сегодня практически невозможно найти книгу по экономике, в которой бы не объяснялось, что прогрессивное налогообложение представляет собой механизм перераспределения «общественного продукта».* Очень трудно доказать, что такое изменение научной мысли по вопросу прогрессивного налогообложения связано с действиями государства по «подкупу» учебных заведений посредством налоговых льгот, но факты штука упрямая, — необходимые государству изменения в научной мысли произошли как раз в нужный момент.

С момента введения подоходного налогообложения ситуация для учебных заведений поменялась драматически. Если раньше учебным заведениям хватало пожертвований на ведение деятельности, то сейчас они не могут полностью покрыть свои расходы только за счет пожертвований и все чаще вынуждены обращаться за помощью к государству. Естественно, что государственная помощь не бескорыстна, и уже слышны заявления некоторых ученых о вмешательстве государства в образовательный процесс. Опасения ряда ученых

о вмешательстве государства в дела образовательных учреждений не могут изменить ситуацию, ведь большинство представителей научного сообщества поддерживают идею сильного федерального правительства. При этом никто из этого большинства не может внятно объяснить, что такого ценного для общества оказалось в подоходном налоге и по какой причине учебные заведения получили налоговые льготы от государства, — не этими ли льготами объясняется различие в экономической литературе до и после 1913 года?

В 1946 году были приняты новые законодательные нормативы, которые требовали обязательной регистрации физических лиц и организаций в специальном федеральном реестре в том случае, если указанные лица и организации осуществляли лоббистскую деятельность. Одним из следствий принятия подобных законодательных нормативов стало то, что зарегистрированные должным образом организации, занимающиеся лоббистской деятельностью, теряли право на налоговые льготы и не могли рассматриваться в качестве некоммерческих предприятий. Особо стоит отметить, что религиозные организации, осуществляющие лоббистскую деятельность в Вашингтоне, освобождаются от обязательной регистрации в федеральных списках

лоббистов и могут не переживать за свои налоговые льготы.

Чтобы не переоценивать значимость законов о лоббировании, который со временем стал отдельной отраслью бизнеса, необходимо сказать, что настоящей целью принятия этих законов было запугивание руководителей различных благотворительных фондов и организаций. С принятием новых законов о лоббировании благотворительные фонды и организации стали опасаться, что выделяемые деньги могут пойти на финансирование «политических инициатив», и это может привести к потере налоговых льгот. Таким образом, благотворительные фонды и организации стали намного тщательнее отбирать заявки на финансирование, и со временем образовательные программы стали основными направлениями финансирования. ***Можно сказать, что с принятием законов о лоббировании федеральное правительство выкрутило обществу руки и лишило его права на протест.***

В 1950-м году правящий режим использовал законы о лоббировании против нескольких некоммерческих организаций, досаждавших Вашингтону. Под эгидой правительства была создана специальная комиссия, в задачи которой входило

расследование лоббистской деятельности в стране². По странному стечению обстоятельств правительственная комиссия избрала для проведения расследования только те фонды и организации, которые распространяли антиколлективистскую литературу и выступали за ограничение прав федерального правительства.

Свое «расследование» правительственная комиссия начала с того, что пересмотрела само понятие «лоббирование». Члены комиссии пришли к мнению, что под термином «лоббизм» необходимо понимать любые «значительные усилия», которые

² В качестве примера давления на общество можно привести слушания сенатского комитета по расследованию лоббистской деятельности (1947—1950). На слушаниях этого комитета Эдвард Румли, занимавший пост секретаря «Организации за Конституционное Правительство», был обвинен в сокрытии информации о покупателях издаваемой им литературы и приговорен к тюремному сроку. Эдвард Румли обжаловал выдвинутые против него обвинения в суде высшей инстанции, и после долгих разбирательств все обвинения против него были сняты. Судебные расходы и убытки, понесенные Эдвардом Румли из-за отмены предзаказов на его книги, составили 150 тысяч долларов США, — правительственная комиссия достигла своей цели и практически обескровила диссидентскую организацию с финансовой точки зрения.

осуществляются для оказания влияния на государственные власти и на осуществление которых выделяются финансовые ресурсы. По мнению комиссии, для общего понимания ситуации и отслеживания заинтересованных сторон необходимо было принять меры по регистрации всех лиц и организаций, осуществляющих подобную деятельность. С учетом того, что организации и фонды, отобранные комиссией для проведения расследования, имели налоговые льготы, это означало, что в случае неудачного для них исхода слушаний они серьезно потеряют в своих доходах, — никто не захочет жертвовать свои деньги «политически неблагонадежным организациям» и терять при этом право на налоговый вычет. Зная безнадежное положение фондов и организаций, против которых проводилось расследование, правительственная комиссия стала требовать раскрытия списка жертвователей. С точки зрения комиссии это было безукоризненное исполнение плана по запугиванию граждан, которые поддерживали неудобные оппозиционные фонды и организации. Несмотря на то что слушания правительственной комиссии закончились, в общем-то, ничем, они тем не менее послали «правильный сигнал» обществу, — любые фонды и организации, имеющие налоговые льготы, должны быть максимально

осторожны при распределении своих средств и не должны лезть в политику.

Когда общественные институты поражаются вирусом коррупции, это приводит к разложению общественной морали. Людям, которые теряют чувство собственного достоинства, не требуется свобода ни в каком виде, — у них даже нет такой потребности. Дело дошло до того, что государство за счет средств, полученных от подоходного налога, развратило американцев до такой степени, что они не в состоянии понимать даже простых вещей.

Необходимо понимать, что, учитывая величину налоговых сборов, крупнейшим работодателем, финансистом, покупателем и благотворителем в нашей стране является федеральное правительство, и от расположения федеральных бюрократов сейчас зависят миллионы людей. Наши граждане привыкли выпрашивать у государства пособие по безработице и другие выплаты, но в обмен на деньги федерального правительства такие граждане продают свою совесть. Ступив однажды на тропу получения помощи от федерального правительства в виде страховки от безработицы, «бесплатного» жилья и фермерских субсидий за сокращение посевов, наши граждане потеряли человеческое достоинство, которое так ценили наши предки.

В связи с тем что отмена подоходного налога приведет к падению стоимости государственных ценных бумаг, осушит бездонные закрома, из которых выплачивались субсидии фермерам, и заставит искать работу кучу бездельников, привыкших висеть на шее у государства, — кто тогда, скажите на милость, будет требовать отмены этого порочного налога? Поэтому мы вынуждены смотреть, как ржа социализма медленно, но верно разъедает могучее тело нашей страны.

Моральное разложение общественных институтов представляет собой необратимый процесс. Подобно тому как одна изношенная деталь механизма начнет со временем оказывать влияние на работу всего механизма, так и потеря только одной моральной ценности приведет к подрыву морального состояния всего общества.

Подоходный налог оказывает разлагающее воздействие на моральную природу человека, и это привело нас к появлению на государственном уровне таких явлений, как ложные показания, мошенничество, обман и подкуп. Уклонение от уплаты налогов со временем стало «великой американской традицией», и люди самого разного общественного положения уделяют много сил и времени, чтобы спасти свои доходы от хищных лап федеральной

ФРЭНК ХОДОРОВ. НАЛОГ: КОРЕНЬ ЗЛА

налоговой службы. Даже самые законопослушные граждане не избегают игры в «кошки-мышки» с государством и при возможности даже хвалятся своими уловками, при помощи которых они оставляют налоговиков в дураках. Вмененная нам государством обязанность по уплате подоходного налога сделала нас податливыми к коррупции и отравила наши души.

Уважаемые Читатели!

Готовится к изданию на русском языке уникальная книга немецкого ученого, основателя социологии Франца Оппенгеймера «Государство: его история и развитие с точки зрения Социологии», название в русском издании «Государство: Переосмысление».



BTC: 1NRmBrk8EihK7nirg72h22hacqEoQ6uxaJ

Пожалуйста, помогайте нашей работе!

В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Американская версия социализма, более известная как «Новый Договор», смогла прижиться у нас в стране по причине введения подоходного налога. Как только политики заговорили о возможности введения подоходного налога в нашей стране, многим стало понятно: социализма нам не избежать.

История учит нас тому, что в человеческом обществе всегда найдутся люди, которые всячески будут мешать тем гражданам, которые для обустройства своей жизни хотят рассчитывать только на себя. Такие доброхоты, желающие облагодетельствовать всех и вся, понимают и принимают несовершенство этого мира, но, движимые «благими душевными порывами», всячески пытаются преодолеть видимые только им несовершенства. Такие «спасители» постоянно только и делают, что придумывают разные планы по усовершенствованию человеческого общества, и краеугольным камнем таких планов всегда оказывается политическая власть, — только при помощи политической власти и воли можно изменить мир и заставить его работать более эффективно. Приобретение политической власти, таким образом, является наиважнейшим элементом любого плана по «улучшению человечества».

Без лишних сомнений «благодетели» заявляют, что все беды человечества кроются в свободной воле, и следовательно, для излечения этого болезненного «недуга» требуется самая малость — нужно просто создать «глобального надсмотрщика», который подавит любую «ненужную инициативу» и заставит всех индивидов жить по однажды разработанным правилам. Нетрудно догадаться, что любое принуждение означает использование силы, и поэтому всегда должен присутствовать страж порядка, который присмотрит за тем, чтобы индивиды следовали правилам и не давали воли своим внутренним желаниям.

Проблема заключается в том, что строгие стражи порядка должны на что-то жить. С учетом того что «силовики» не относятся к производителям, способным обеспечить себя за счет ведения своего дела, то нужен кто-то, кто будет содержать ораву этих стражей. Таким образом, «доброхоты» должны предусмотреть отъем средств у граждан на содержание стражей порядка, которые по замыслу «доброхотов» должны заниматься улучшением как раз тех самых граждан, у которых отнимаются средства. Получается, что для проведения в жизнь «глобального плана по улучшению общества» нужно увеличить налоги и, соответственно, увеличить

количество стражей порядка, которые будут это самое общество улучшать. *Проще говоря, ни один план нельзя реализовать без бюрократии, и чем глобальнее план, тем больше требуется бюрократов для его реализации.*

Нужно сказать, что подоходный налог представляет собой идеальное средство для реализации планов «доброхотов». Помимо того что сбор налогов дает «доброхотам» ощущение важности реализуемых ими планов по «улучшению общества» (за счет самого общества, конечно же), так и за счет отъема ресурсов у граждан снижается их способность к сопротивлению реализуемости плана «доброхотов». Логика подобного поведения со стороны «доброхотов» довольно проста: чем меньше собственности будет у граждан, тем меньше у них возможностей для реализации свободы воли. По мнению «доброхотов», гражданам нужно оставлять только самый минимум — просто для того, чтобы гражданин не умер с голоду, пока «доброхоты» занимаются его «улучшением». Можно сказать, что по мере роста политической власти «доброхотов», желающих «улучшить этот мир», уменьшается власть гражданского общества.

Подоходный налог появился в нашей стране лишь в 1913 году, и у наших «доброхотов» пока

не получилось полностью забрать в свои руки, — слишком сильны в американцах традиции свободы и индивидуализма. Но «доброхоты» не теряют надежды и продолжают публиковать свои мысли в печати и возбуждать толпу, выступая на митингах.

Первая мировая война, с ее огромными жертвами и финансовыми расходами, приоткрыла ящик Пандоры, — политикам понравилась идея увеличения налогов для покрытия дефицита бюджетов. Первая мировая война запомнилась не только идеями повышения налогов, но и дала платформу разного рода «доброхотам», которые, пользуясь тяжелой ситуацией, начали высказывать идеи об «улучшении общества». В нашей стране планам «доброхотов» не суждено было сбыться вплоть до наступления Великой депрессии, — это была та возможность, которую они так долго ждали. Бедствия, вызванные Депрессией, пошатнули устои американской свободы: голод и страх отодвинули на второй план ценности, завоеванные нашими предками. Американцы, казалось, забыли о славном прошлом своей страны и решили обменять с трудом добытые свободы на обещания по улучшению экономики. Стоит ли говорить, что «доброхоты» не скупилась на обещания, но в связи с тем, что все, за что они брались, они делали с горем пополам, им пришлось

даже прибегнуть к войне как к средству оживления экономической активности. Выпавший «доброхотам» шанс был использован на сто процентов: они закрепились у власти в нашей стране, и это было единственное, чего они так страстно желали.

Если бы в результате Великой депрессии к власти в нашей стране пришел не Рузвельт с его сворой провидцев, то, несомненно, это был кто-то другой с «социалистическими замашками». Сама возможность реализации Нового Договора была предопределена принятием Шестнадцатой поправки, но потребовалась Депрессия, чтобы приступить к реализации давно задуманного плана. Независимо от того, какой политический деятель оказался бы у руля страны вместо Рузвельта, он поступил примерно так же, как и Франко Делано Рузвельт с его командой. *Это связано прежде всего с тем, что хороший политик пользуется любой возможностью по увеличению своего влияния и власти, а Франклин Делано Рузвельт был отличным политиком.*

С того момента как социализм пускает корни в стране, практически нет средств от него избавиться, — нужен либо коллапс всего государственного механизма, либо революция. Революция является наименее перспективным сценарием развития

событий в нашей стране, поскольку при социализме воля граждан к сопротивлению ослабевает пропорционально увеличению мощи государства. Не секрет, что в условиях тотального доминирования государственного Левиафана гражданам гарантированно обеспечена полная потеря человеческого достоинства и чувства самоуважения, — только при таких условиях индивид может выжить в социалистическом обществе.

В последнее время в нашей стране стало обычной практикой, когда банкиры и промышленники бегают в Вашингтон за помощью, а ветераны и безработные выбивают из чиновников подачки для себя и своих семей. От ветеранов и безработных не отстают и фермеры, — они тоже что есть сил давят на бюрократов в ожидании субсидий. Замыкают строй «попрошак» представители религиозных и учебных организаций, обивающих пороги министерств в поисках вспомоществования. Сейчас в нашей стране такое «попрошайничество» в порядке вещей, а любые инициативы, предполагающие независимость в реализации планов, находятся не в чести у граждан. Поэтому если даже предположить, что каким-то чудесным образом у нас в стране появиться политик, который призовет граждан к отказу от «попрошайничества»,

то такого политика немедленно смешают с грязью и выкинут на обочину.

Но одним социализмом дело не ограничится, и следующим шагом на пути «улучшения общества» станет коммунизм. Основная задача социализма — установление контроля государства над обществом, а основным механизмом реализации этой задачи является государственный контроль над экономикой. Поэтому если на пути реализации этой задачи появляются группы граждан, которые создают «черные рынки» или придерживаются взглядов, враждебных интересам правящей группы, то такие группы должны быть подавлены любой ценой. Нетрудно догадаться, что такое поведение государственной машины может обеспечиваться только при коммунистическом строе.

Переход от «мягкой» формы социализма к полноценному социализму и от системы Нового Договора к коммунизму не произойдет одновременно, — слишком сильны в нашей стране традиции свободы и индивидуализма. Но даже эти давние традиции находятся под угрозой, нашей стране достаточно вступить в тяжелую войну или столкнуться с новой депрессией, как граждане сами начнут молить о приходе Спасителя. От этих призывов ничего путного не выйдет, и в итоге мы получим

коммунизм, — в нашей стране он, конечно, будет не такой, как в Советском Союзе, но это будет полноценная американская версия коммунизма.

Что же получается — у Америки нет никакой надежды на спасение от «красной угрозы»? Неужели наша страна, явившая миру грандиозный эксперимент по созданию свободного правительства, не имеет шансов избежать судьбы других стран, павших жертвой социалистов?

По счастливой случайности, во время создания основ нашей страны, Отцы-основатели предусмотрели механизм, при помощи которого можно остановить сползание Америки в социализм. Этим механизмом служит разделение полномочий между отдельными штатами и федеральным центром, и наличие такого разделения является базисом для реализации прав отдельных штатов. В следующих главах мы попытаемся показать, как наличие механизма разделения полномочий между штатами и федеральным центром поможет нашей стране избежать сползания в пучину социализма и абсолютизма. Нужно особо отметить, что Шестнадцатая поправка должна быть отменена как можно быстрее, и все штаты, из которых состоит наша страна, должны понимать, что отмена поправки соответствует их интересам.

ЭФФЕКТИВНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Традиции американской политической жизни всегда благоприятствовали духу состязательности и борьбе за гражданские права. Именно наши давние традиции самоуправления, базирующиеся на принципе разделения полномочий между отдельными штатами и федеральным центром, при правильном их применении могут стать серьезным заслоном на пути социалистов. Сейчас мы рассмотрим варианты использования американских политических традиций, призванных ослабить натиск социалистических идей в нашей стране.

На первых порах реализации масштабных программ Нового Договора его архитекторы признавали, что наличие механизма разделения полномочий представляет угрозу их замыслам. Трудности, однако, не испугали Рузвельта и его команду, и они принялись искать средство, при помощи которого можно было обойти возникшее на их пути препятствие. Средство «противоядия» от механизма разделения властей скоро было найдено, и в 1935 году вышел специальный отчет под названием «Региональный фактор при планировании», подготовленный Национальным комитетом по природным ресурсам и планированию. В этот отчет вошли рекомендации

экспертов о разделении территории Соединенных Штатов Америки на двенадцать «территорий», каждая из которых должна была находиться под управлением администрации, назначаемой федеральными властями. Предложенные в отчете рекомендации были настолько радикальными и шли вразрез с административно-территориальным делением, что администрация Рузвельта поспешила сделать заявление о том, что предложения экспертов не «нарушают Конституцию США, и их не следует рассматривать в качестве новой формы суверенитета». Согласитесь, на месте Рузвельта было бы глупо сказать что-то другое, ведь для принятия подобных решений одних «рекомендаций» экспертов вашингтонской администрации было недостаточно, — нужно было заручиться поддержкой Конгресса и представительных органов власти отдельных штатов. Тем временем комитет продолжал настаивать на необходимости проведения «ползучей национализации», мотивируя это тем, что без реализации предложений экспертов федеральное правительство не сможет «справиться с существующими в стране проблемами». Для оказания психологического давления на представителей отдельных штатов федеральные средства массовой информации развернули широкую кампанию, основным

лейтмотивом которой стали муссирование и многократное повторение факта «согласия штатов с предложениями федерального центра».

В этот момент стал понятен весь зловещий план федеральных властей, — они планировали отделить «несогласные» штаты от всех остальных и низвести их до уровня парий на национальном уровне как мешающих проведению в жизнь «необходимых стране преобразований». Чуть позднее федеральные власти изменили свою тактику и перестали напрямую нападать на отдельные штаты, но для того, чтобы добиться от штатов нужного федеральному центру решений, «федералы» прибегли к давнему и испытанному приему — подкупу представителей штатов.

Для того чтобы лучше понять опасения экспертов рузвельтовской администрации, необходимо поподробнее ознакомиться с вопросами психологии американцев и работы механизма разделения полномочий между отдельными штатами и федеральным центром. Дело в том, что вопрос реализации механизма разделения полномочий между отдельными штатами и федеральным центром не вызвал особых трудностей у специалистов рузвельтовской администрации, — его всегда можно было решить за счет принятия новых законов, подковерных сделок

и юридического крючкотворства¹. Главным же препятствием для федеральных чиновников был психологический настрой американских граждан, которые всегда подозрительно относились к любым попыткам централизации, и именно на неприятии централизации в любой ее форме базировался механизм разделения полномочий между отдельными штатами

¹ Одной из уловок, при помощи которой федеральный центр подрывал самостоятельность отдельных штатов, было создание специальных «администраций», находящихся под юрисдикцией Вашингтона. За основу новых административных единиц была взята «администрация» по Развитию Долины Теннесси, и, оставив в стороне вопрос необходимости создания подобного рода «костылей» для решения вопросов с которыми до этого прекрасно справлялись частные предприятия, можно сказать, что новые образования серьезно нарушили автономный статус отдельных штатов. Вновь созданные «администрации» оккупировали земли штатов и перевели их под юрисдикцию Вашингтона, лишив тем самым отдельные штаты права распоряжения своими ресурсами. Помимо потери контроля над частью своей территории штаты потеряли и в налоговых поступлениях от предприятий, организованных федеральным центром на их территории (справедливости ради нужно отметить, что «администрация» по Развитию Долины Теннесси все же делала щедрые отчисления в бюджет штата).

и федеральным центром. Проще говоря, когда дело дошло до выбора между штатом и федеральным центром, каждый гражданин должен был для себя решить, кому отныне он будет подчиняться, — ведь нельзя быть слугой двух господ одновременно.

В истории есть множество примеров, подтверждающих приведенные выше утверждения, — до тех пор, пока у гражданина остается свобода выбора, ни один политический режим не сможет установить тотальный контроль над обществом. Например, ранние христиане всегда ставили Бога выше Цезаря, хотя это не мешало им платить соответствующие налоги и сборы в государственную казну Римской Империи, — так в давние времена реализовывался механизм разделения «властей». Сталинские чистки религиозных организаций в Советском Союзе исходили из тех же самых положений, только советские «органы» могли олицетворять «божественность власти» в стране, и лишние конкуренты им были не нужны. Бенито Муссолини во время своего правления тоже сталкивался с серьезными вызовами со стороны Католической церкви, имевшей огромное влияние на итальянское общество, — авторитет центральных властей страны все время оспаривался церковными кругами. Однако Муссолини не рискнул «прижать к ногтю» посмеявшихся бросить ему

вызов клерикалов, а вот Сталина это не остановило, и он разгромил русскую Православную церковь. Таким образом, первоочередной задачей федеральных властей по подрыву суверенитета штатов стало изменение психологического настроения граждан по отношению к вопросу централизации, и у Вашингтона были веские основания верить в осуществимость далеко идущего плана².

² Во времена становления нашего государства власти штата и федеральное правительство имели равные права. Приведу один случай из нашей истории, который показывает, как федеральный центр и штат относились друг к другу.

Этот случай произошел в то время, когда президентом страны был Джордж Вашингтон. Однажды президент собрался посетить Бостон, чем поставил в неловкое положение губернатора штата. Ввиду визита высокого гостя губернатор штата не мог понять, как ему лучше действовать — выехать навстречу президенту страны или дожидаться, когда президент сам решит навестить губернатора? Ситуация, в которой оказался губернатор, как видим, была далеко не самой простой, поэтому он решил сказать больным и остаться дома. На этом историю можно было бы закончить, если бы не одно «но», а именно — власти штата обратились к президенту с просьбой провести осмотр военного ополчения. Но президент Вашингтон ответил категорическим отказом на просьбу

Принимая во внимание вышесказанное, важно отметить, что в истории еще не было примеров, которые бы позволяли произвести разделение полномочий между федеральным центром и отдельными административными единицами, как это предусмотрено в нашей Конституции. К примеру, еще задолго до прихода Гитлера к власти германские земли потеряли свои автономии в результате энергичных действий Отто фон Бисмарка. Марш Муссолини на Рим не имел бы никакого смысла в девятнадцатом веке, — тогда Италия не была единым государством, и итальянский «дуче» не смог бы единым махом заполучить власть над всей страной. Не нужно забывать и про пример Российской Империи, когда товарищ Ленин со своими единомышленниками отобрал власть у Временного правительства, к которому сходились все нити управления страной.

представителей штата, мотивируя это тем, что военное ополчение находится под юрисдикцией властей штата, а не федерального центра. Как видим, уже в то время Отцы-основатели нашей страны ясно понимали, что у властей штата должны быть собственные средства противостояния тирании федерального центра, и кто знает, в какой именно момент эти средства могут быть использованы.

В нашей стране, слава богу, сторонники централизации пока находятся в меньшинстве, и от установления тоталитаризма нас спасает принцип разделения полномочий между отдельными штатами и федеральным центром. Этот принцип имеет слишком давнюю историю, чтобы его можно было поменять в один момент, — он намного древнее нашей Конституции и даже нашей Революции, — каждый американец впитывает его с молоком матери.

Достаточно взглянуть на историю нашей страны, чтобы понять важную вещь, — представители британских колоний в Америке хлебнули лиха от Британской короны с ее сверхцентрализованным правительством, что вынуждены были учинить Революцию для избавления от этого ига. Когда после американской Революции и Войны за независимость был поднят вопрос о создании правительства новой страны, то ни у кого не возникало сомнений, что оно должно быть абсолютно непохожим на правительство Британской империи, в борьбе с которым американцы завоевали свои свободы. Поэтому совершенно естественно, что наши предки предпочли создать правительство на выборной основе, которое можно было легко контролировать и в которое потенциально могли войти не

какие-то наследственные аристократы, а, к примеру, ваши соседи. Отцы-основатели нашей страны были всей душой за Союз американских штатов, но они любой ценой хотели избежать негативных моментов, характерных для европейских монархий того времени. Для создания правовых основ нового государства был созван Филадельфийский Конвент, участники которого должны были внести свои предложения о структуре и разделении полномочий властей. У нас есть все основания утверждать, что делегаты Конвента не стремились повторить судьбу европейских монархий и создать неподконтрольное гражданскому обществу абсолютистское правительство.

Во время слушаний на Конвенте выяснилось, что делегатам съезда предлагают проголосовать за совершенно новый проект Конституции, а не за поправки к согласованным ранее Статьям Конфедерации. Такое развитие событий озадачило и настрожило многих делегатов Конвента, — никто не понимал, что стоит за заменой основополагающего документа. Нетрудно представить, что в создавшейся атмосфере подозрительности процесс согласования текста Конституции продвигался черепашим шагом, и если бы не ряд блестящих тактических ходов, предпринятых Отцами-основателями,

еще неизвестно, при какой Конституции мы бы сейчас жили. Одним из главных камней преткновения при согласовании проекта Конституции стал вопрос вмешательства федерального правительства во внутренние дела штатов и частные дела граждан. Для того чтобы снять возникающие вопросы по поводу полномочий федерального правительства, Отцы-основатели старались убедить делегатов съезда, что федеральный центр будет обладать только теми полномочиями, которые прямо прописаны в Конституции³, — все остальные права, не

³ По поводу принятия проекта Конституции Джеймс Мэдисон писал: «Полномочия, делегированные федеральному правительству на основании предлагаемого варианта Конституции, перечислены в тексте документа и не вызывают вопросов. Все остальные права, которые с ходу трудно даже перечислить, находятся во введении отдельных штатов. Необходимо сказать, что в предложенном варианте Конституции федеральное правительство наделяется полномочиями по внешним сношениям, включая право на ведение переговоров по войне и миру от лица всех штатов. Вопросы внутреннего устройства отдельных штатов и обеспечения повседневных потребностей и свобод граждан, сохраняются за штатами» («Федералист», № 45). Далее Мэдисон пишет, что власти штата обладают полным суверенитетом в вопросах внутреннего устройства, за исключением вопросов внешних сношений

закрепленные Конституцией за федеральным правительством, оставались во введении отдельных штатов. Процесс обсуждения проекта Конституции сдвинулся с места только после того, как Отцы-основатели приняли предложения критиков — только в таком, и ни в каком другом виде делегаты съезда согласились принять итоговый документ.

В процессе изучения истории можно зайти слишком далеко, но сейчас довольно сказать, что и Отцы-основатели США, предложившие проект Конституции, и их критики сходились во мнении, что основополагающим принципом защиты прав личности является принцип разделения властей. При этом никто, за исключением пары монархистов, даже не думал ставить под сомнение предложенный порядок разделения властей. Единственным вопросом, который беспокоил многих делегатов, был вопрос четкого определения полномочий федерального центра, — согласно пожеланиям делегатов полномочия федеральных властей должны

с иностранными государствами. Как видим, во времена Мэдисона даже Отцы-основатели воспринимали федеральное правительство США исключительно в качестве Министерства иностранных дел, посредством которого все входящие в Союз штаты должны вести диалог с иностранными державами.

быть описаны как можно подробнее, без возможности двойной трактовки текста. Подлинное сожаление вызывает тот факт, что в момент согласования проекта Конституции негативное влияние на процесс оказали местечковые и расистские взгляды некоторых делегатов съезда, которые своими придирками и замечаниями похоронили некоторые важные предложения Отцов-основателей. Как бы то ни было, но мы не можем изменить историю, и нам приходится жить с той Конституцией, текст которой принят нашими предками. *Поэтому важно отметить, что одним из оплотов свобод граждан нашей страны является принцип разделения властей, которым мы обязательно должны воспользоваться в борьбе с набравшим силу федеральным правительством, и первым шагом в этой борьбе должна стать отмена Шестнадцатой поправки.*

Давайте спросим себя — по какой причине чем большей автономией обладает отдельный штат, тем большим количеством свобод могут распоряжаться его граждане? Для начала необходимо сказать, что правительство штата не является панацеей от всех проблем гражданского общества, и оно, так же как и федеральное правительство, может стать источником нарушений прав граждан, благо примеры подобных злоупотреблений со стороны

правительств отдельных штатов всем нам хорошо известны. С другой стороны, было бы неправильно полностью исключать федеральное правительство из процесса согласования интересов разных штатов, — только представьте себе, с какой неразберихой нам бы пришлось столкнуться в процессе выяснения отношений между отдельными штатами, не будь федерального центра в качестве площадки согласования интересов. Дело доходит даже до того, что некоторые граждане приводят в пример Швейцарию, как образец административного устройства страны, заявляя при этом, что чем меньше административная единица государства, тем большей свободой обладает гражданин, проживающий на ее территории. Пример Швейцарии, однако, не является показательным, и история стран Центральной Америки, печально известных своими диктаторскими режимами, лишь подтверждает, что пример Швейцарии скорее исключение, чем правило. Тем не менее Швейцария действительно представляет собой хороший пример разделения полномочий между федеральным правительством и кантонами, — только в случае соблюдения сбалансированного подхода к вопросу разделения полномочий со стороны федеральных властей возможно соблюдение прав и свобод граждан.

Наличие свободы, как известно, характеризуется отсутствием ограничений, но правительство не в состоянии предоставить свободу кому бы то ни было, — оно может ее только отнять. Поэтому чем большей властью обладает правительство, тем меньшим количеством прав и свобод могут распоряжаться граждане. Но наихудшая ситуация наступает, когда правительство подминает под себя вообще всю власть в стране, — тогда ни о каких гражданских свободах не может быть и речи. В случае наступления такой ситуации можно говорить о том, что в стране создан абсолютистский режим, обладающий монополией на власть.

Монополия, вне зависимости от сферы ее применения, характеризуется тем, что конечный потребитель ресурса монополии (услуги, продукты) должен смириться с навязываемыми ему условиями, чтобы получить нужные ему ресурсы, которыми владеет монополия в силу своего исключительного положения. Монополия ставит потребителя перед фактом: «у тебя нет выбора — бери, что дают, либо уходи». Антитезой монополии является конкуренция, которая заставляет участников процесса подстраиваться под условия, диктуемые остальными участниками процесса. В конкурентной среде выгодоприобретателем является конечный

потребитель, — именно он своим выбором оценивает полезность того или иного участника процесса. Применительно к вопросу получения государственных услуг, среди которых приоритетное место занимает обеспечение безопасности жизни и имущества, конечный потребитель — это обычные граждане⁴. Принимая во внимание полезность конкуренции, граждане смогут получать наиболее качественные услуги только в том случае, если государство, пользуясь своей монополией на власть, не сможет самостоятельно устанавливать критерии качества предоставления услуг гражданам и будет испытывать постоянное давление со стороны других участников процесса.

В теории государственного строительства принято считать, что граждане добровольно отказываются от части своих прав в пользу федеральных властей, которые стоят на страже общественных

⁴ «Приоритетной задачей правительства, — писал Джеймс Мэдисон в десятом номере сборника «Федералист», — является защита общественного порядка, при котором может функционировать институт частной собственности». Как видим, взгляды Отцов-основателей кардинально отличались от современных взглядов на федеральное правительство, набравшие популярность в последнее время.

интересов и, пользуясь своей монополией на силовые действия в отношении нарушителей, обеспечивают порядок. Однако в какой-то момент общество сталкивается с противоречивой природой федерального правительства, и, как показывает практика, власть, которой наделяется федеральный центр, может использоваться не для поддержания порядка, а для различного рода злоупотреблений. *Действительно, нам приходится иметь дело с чудовищным по своей природе парадоксом, — на протяжении всей истории человечества власть имущие использовали свои полномочия не для того, чтобы заботиться о благе находящихся под их управлением граждан, а для подавления и угнетения любых зачатков независимости и самостоятельности.* Поэтому важно знать, что федеральные власти имеют дурную привычку многое на себя брать, и по этой причине гражданские свободы находятся под постоянной угрозой.

Принимая во внимание изъяны государственной власти, Отцы-основатели предприняли все возможное, чтобы ограничить влияние федерального центра на жизнь страны. Одним из механизмов, предложенных для ограничения влияния федеральных властей, стала процедура формирования правительства на выборной основе. Отцы-основатели

считали, что такой подход позволит держать бюрократов «в узде», и в случае непопулярности политики, проводимой федеральным центром, можно будет произвести смену властей мирным образом. Однако, несмотря на предусмотренные законодательством инициативы, направленные на ограничение влияния федеральных властей, всегда есть риск того, что во время нахождения у руля страны нечистые на руку чиновники будут использовать любые возможности по укреплению своего положения во властных структурах и стараться как можно дольше продлить срок своего нахождения во власти. В своих попытках остаться у власти чиновники не остановятся ни перед чем: если в целях сохранения личной власти потребуется подкупать людей и пропагандировать свои «достижения» за счет собранных у граждан налогов, они не задумываясь пойдут на этот шаг.

Важно помнить, что сам по себе механизм формирования властей посредством выборов не гарантирует гражданские свободы, — людей вполне может устраивать текущая ситуация, и они могут проголосовать за свое рабское положение.

Поэтому, как говорилось ранее, единственным способом от установления абсолютистского режима в стране является механизм разделения

полномочий между отдельными административными единицами и федеральным центром. Только когда будет обеспечена конкурентная среда на всех уровнях власти и у гражданина появится право выбора более удобной административной юрисдикции, можно будет сказать, что риск установления абсолютистского режима в стране находится на минимальном уровне. Проще говоря, именно такую систему разделения властей Отцы-основатели создали в нашей стране, и было бы глупо ею не воспользоваться для принятия необходимых решений. Конституция Соединенных Штатов Америки, как известно, предусматривала создание административных единиц (штатов), независимых друг от друга, каждая из которых могла использовать всю полноту власти в рамках своих границ. С точки зрения Отцов-основателей, такая конструкция позволяла ограничить концентрацию власти в одних руках и предупредить злоупотребления со стороны власть предержащих. Что касается федеральных властей, то они не имели права вмешиваться во внутренние дела отдельных штатов, без согласия самих штатов на такое вмешательство (в случае невозможности справиться своими силами с чрезвычайными ситуациями, к примеру). Естественно, что если правительство какого-то штата не могло

заботиться о проживающих на его территории гражданах на должном уровне, то граждане могли с легкостью переехать в другой штат с более вменяемыми властями. Таким образом, обеспечивалась работа еще одного механизма создания конкурентной среды, за счет которого штаты могли соревноваться между собой за человеческие ресурсы на национальном уровне.

Предложения по разделению полномочий властей и созданию конкурентной среды были революционными для своего времени, — до этого никто и никогда на практике не делал ничего подобного. Изначально считалось, что общение граждан отдельных штатов с федеральным правительством сведется к минимуму, и все необходимое услуги будут обеспечивать власти штата. Поначалу так и было, и помимо сбора акцизов и периода военных действий, федеральное правительство не особо досаждало гражданам своими действиями. В это время правительства отдельных штатов наслаждались своим автономным статусом, а особо прогрессивные штаты даже пытались проводить социальные эксперименты у себя на территории, но все же опасались трогать сложившуюся социальную среду. Помимо опасений нарушить сложившийся в обществе баланс правительства штатов избегали резких

движений и по вполне прагматичным соображениям, — если социальные эксперименты правительства штата пришлось бы не по душе гражданам, то они могли запросто переехать в другой штат. На практике это означало, что в результате своих экспериментов штат мог лишиться не только людей, но и их налогов, что было чревато для финансового состояния «экспериментаторов».

В качестве примера можно привести знаменитый «Сухой закон», задолго до появления которого на национальном уровне властями некоторых штатов самостоятельно были приняты ограничительные меры на продажу спиртного. Принятые на уровне отдельных штатов меры не повлияли на жизнь рядовых граждан по причине того, что власти штата не могли запретить импорт спиртного из соседних штатов и изготовление горячительных напитков для собственного употребления. Когда оборотом спиртных напитков занялись федеральные власти, ситуация поменялась кардинально. Пользуясь своим влиянием, они, под угрозой уголовного преследования, запретили перевозку спиртных напитков между штатами, нарушив тем самым права граждан, которые не смогли до этого нарушить власти отдельных штатов в силу их ограниченной юрисдикции.

С момента создания Соединенных Штатов Америки отдельные штаты имели право введения подоходного налога на своей территории, и некоторые штаты даже воспользовались этим правом для пополнения казны. Но ни один из штатов, по вполне понятным причинам, не зашел так далеко в практике взимания подоходного налога, как это сделало федеральное правительство. На уровне отдельного штата реализация схемы администрирования системы подоходного налогообложения осложнялась наличием добрососедских отношений между местными налоговиками и налогоплательщиками, что приводило к «спусканию на тормозах» дел по уклонению от уплаты налогов. Понятно, что никто не горел желанием выполнять «грязную работу» и портить отношения со своими соседями, а правительство штата не имело возможностей по привлечению федеральных чиновников для выполнения необходимой по сбору налогов работы. Другой веской причиной по ограничению appetites властей штата были опасения местных политиков, которые опасались, что в случае чрезмерного повышения налогов граждане штата обязательно их забаллотируют на самых ближайших выборах. Конечно, федеральных чиновников, сидевших в Вашингтоне, не особо

волновало настроение граждан штата, поэтому они могли не особо сдерживать себя в проведении тех или иных инициатив. Ну и наиболее важным элементом по ограничению appetites штата по введению налогов был принцип, при котором капитал, без наличия которого немисливо производство, предпочитает перетекать на территории с наиболее благоприятным налоговым климатом. До принятия Шестнадцатой поправки снижение налоговых ставок на уровне штатов было обычной практикой, и торгово-промышленные палаты в погоне за вниманием владельцев промышленных активов активно рекламировали усилия своих штатов по упрощению налогового режима. Помимо промышленных магнатов, которые предпочитали работать в штатах с благоприятным налоговым климатом, распространенным явлением был переезд состоятельных граждан в те штаты, где отсутствовали налоги на наследство, — это лишней раз заставляло власти штата не злоупотреблять своими полномочиями и не нарушать права граждан.

Время от времени в нашей стране раздаются призывы к отказу от автономности штатов и делегированию полномочий на уровень федерального центра. Однако важно помнить, что до

тех пор, пока у нас в стране сохраняется административное многообразие, подкрепленное механизмом разделения полномочий, это позволяет нам обеспечивать конкурентную среду, благоприятную для гражданского общества. В том случае, если отдельные штаты решат отказаться от своих прав и делегировать полномочия федеральному центру, тогда это приведет к сворачиванию конкурентной среды и необходимости игры по одним правилам, — штаты уже не смогут самостоятельно защищать важные ценности гражданского общества. Таким образом, с каждым новым законом, принимаемым федеральным центром, самостоятельность штатов в определении своей внутренней политики будет размываться, подрывая тем самым основы нашего государственного устройства. Все это может привести к тому, что состоятельные граждане нашей страны предпочтут эмигрировать, дабы избежать ущемления их гражданских прав и свобод. Но хуже всего то, что тенденция усиления федерального центра может привести к увеличению числа федеральных чиновников, соглядатаев и взяточников.

Долгое время в нашей стране самыми болезненными были вопросы расовой и религиозной нетерпимости, но с какого-то времени

федеральное правительство решило вплотную заняться исправлением ситуации в лучшую сторону. Заявленные инициативы федеральных властей по улучшению «социального микроклимата» несут в себе больше вреда, чем пользы, — мало кому в истории удавалось исправить природу людей на основе государственных законов. Попытки решения вопросов «справедливой занятости» людей, относящихся к «неправильным» социальным или религиозным группам, приведут лишь к увеличению разговоров о наличии существующих проблем, но не смогут решить сами проблемы. Последние действия властей штата Нью-Йорк в этом направлении ни к чему путному не привели, а лишь стимулировали изобретательность предпринимателей, стремящихся любыми средствами обойти налагаемые властями ограничения. В результате действия властей ситуация с наймом «неправильных» сотрудников только ухудшилась, и сейчас дискриминация достигает небывалых размахов. И это мы говорим только об одном штате. — представьте себе, что произойдет на национальном уровне, когда за дело по исправлению «социальных язв» возьмется федеральное правительство, — оно просто парализует деятельность наших предприятий.

В заключении к этой главе хотелось бы сказать, что до тех пор, пока в нашей стране соблюдаются принципы разделения полномочий между властями разных уровней, которые были заложены Отцами-основателями, мы можем избежать установления абсолютистского режима. Именно через традиции автономии и самоуправления лежит путь к отмене Шестнадцатой поправки к Конституции США.

Уважаемые Читатели!

Готовится к изданию на русском языке уникальная книга немецкого ученого, основателя социологии Франца Оппенгеймера «Государство: его история и развитие с точки зрения Социологии», название в русском издании «Государство: Переосмысление».



BTC: 1NRmBrk8EihK7nirg72h22hacqEoQ6uxaJ
Пожалуйста, помогайте нашей работе!

НЕРУШИМЫЙ СОЮЗ

Одним из самых кровавых периодов в нашей стране, вне сомнения, была Гражданская война, но даже после ее окончания никто не покушался на права поверженных штатов Юга. Основными результатами Гражданской войны было решение вопросов сецессии и нуллификации (отмена) ряда федеральных законов на территории южных штатов, которые стали причиной братоубийственной войны, — с момента окончания войны ни один штат не имел права выйти из состава Союза или отказаться от выполнения законов, принятых на национальном уровне. Однако, как и прежде, отдельные штаты сохраняли за собой все права, кроме тех, которые были прямо делегированы на федеральный уровень согласно положениям Конституции.

После 1913 года ситуация с правами отдельных штатов радикально поменялась, — они в одночасье потеряли свою финансовую независимость, и произошло это без всяких боевых действий. Путем подкупа и обмана была принята Шестнадцатая поправка к Конституции, поставившая штаты на колени, которые еще буквально вчера были независимы от федерального правительства.

Практика выбивания привилегий и субсидий у федерального правительства была широко распространена с первого дня основания Соединенных Штатов Америки среди конгрессменов. Основными получателями преференций были влиятельные люди из того или иного штата, которые обращались за помощью к «своему» конгрессмену и просили его содействия в получении федерального финансирования. Такая порочная практика «оказания услуг нужным людям» называлась «патронажем» и, как видим, появилась задолго до принятия Шестнадцатой поправки. Однако между Шестнадцатой поправкой и «патронажем» было одно существенное различие: в обмен на свои услуги по «патронажной системе» максимальное вознаграждение, на которое мог рассчитывать конгрессмен, была должность судьи или почтмейстера либо земельный участок в границах «облагодетельствованного» штата¹.

¹ В настоящее время федеральное правительство США владеет примерно четвертью территории всей страны, и с учетом того, что федеральные земли не приносят доходов в казну отдельных штатов, это вызывает серьезную обеспокоенность у местных властей. С юридической точки зрения земли федерального правительства представляют собой своего рода «инородное тело», расположенное на территориях отдельных штатов, на которое не распространяется юрисдикция штата.

С учетом ограниченного объема федеральных субсидий и преференций, которые можно было получить при помощи конгрессменов, наличие «патронажной системы» не угрожало независимости штатов. Объясняется это тем, что тех денег, которые реально поступали в штат из федерального центра при использовании «патронажной системы», никогда бы не хватило на покупку нужного количества голосов избирателей для продавливания решений на общенациональном уровне, и это резко снижало степень влияния «патронажной системы» на права и свободы граждан.

Совсем иная ситуация была с Шестнадцатой поправкой, — на документе еще не высохли чернила, как федеральное правительство запустило общенациональную программу по выделению финансовой помощи всем нуждающимся. Первым делом федеральное правительство решило позаботиться о фермерах и в 1914 году выделило им субсидию в размере полумиллиона долларов США, что было достаточно весомой суммой по тем временам. Но это было только начало, и с каждым годом конгрессмены находили все новые причины, на основании которых можно было увеличить объем субсидий и выгодно их «обменять» на поддержку избирателей. Нельзя сказать, насколько улучшилось

материальное состояние получателей федеральных субсидий, но с уверенностью можно сказать одно: конгрессмены, выбивающие субсидии, вряд ли остались внакладе.

Аппетит, как известно, приходит во время еды, и поэтому запросы получателей федеральных субсидий, подогреваемые возможностью получения «легких денег», росли в геометрической прогрессии. Как следствие федеральному центру пришлось в срочном порядке искать новые источники доходов, чтобы удовлетворить финансовые запросы всех страждущих. Речь фактически идет о том, что в нужный момент федеральное правительство США воспользовалось потребностями гражданского общества, нуждающегося в федеральных субсидиях, и укрепили свою власть в стране.

До 1913 года в США произошло несколько серьезных кризисов, но федеральные власти никогда не объявляли режим «чрезвычайного положения» при их наступлении. Однако с момента введения в стране подоходной системы налогообложения кризисы начали наступать все чаще, а их разрушительная сила только увеличилась.

Война или угроза войны, как и разрушающие экономику страны финансовые кризисы, представляют собой еще один тип «чрезвычайных ситуаций»,

с которыми пришлось столкнуться США. С 1913 года наша страна успела принять участие в двух мировых войнах, одной «карательной экспедиции» в Мексике и операции по «принуждению к миру» на Корейском полуострове. Для проведения столь масштабных операций на нескольких континентах федеральному правительству США требовалось огромное количество солдат, — так, благодаря «чрезвычайным ситуациям», мы получили систему обязательно призыва на военную службу. Что касается финансового положения то, несмотря на рост влияния федерального правительства США, обеспеченного налоговыми сборами граждан и компаний, мы не смогли избежать наступления Великой депрессии, — разрушительный кризис случился в стране точно так же, как это бывало и раньше. Однако в прошлые разы страна справлялась с кризисами без помощи федерального правительства, но во времена Великой депрессии федеральный центр решил разобраться с кризисом самостоятельно и бросил на его «лечение» налоговые поступления от граждан.

Средств на борьбу с «чрезвычайными ситуациями» требовалось все больше, и поэтому федеральное правительство стало повышать налоги, снижая при этом суммы налоговых вычетов,

которыми могли воспользоваться граждане для уменьшения налоговой базы. Проблема повышения налогов, требуемых на борьбу с чрезвычайными ситуациями, заключается в том, что по мере завершения очередной кризисной ситуации федеральное правительство не спешит снижать налоги. В качестве примера можно привести стоимость доставки корреспонденции, — до Второй мировой войны экспресс-доставка отправок обходилась гражданам в два цента за унцию, но на время войны стоимость доставки «временно» увеличили до трех центов. После окончания войны законодатели утвердили «временные» тарифы в качестве базовых, мотивируя это ростом расходов. Вполне возможно, что рост тарифов мог быть обусловлен инфляцией, хотя это и спорно. Однако в случае с ростом тарифов важно другое, — обещания, которые даны правительством о «временном увеличении стоимости», так и остались на бумаге, — чиновникам было удобно «забыть» про свои обещания гражданам, и они начисто о них забыли. Понятно, что ростом тарифов на доставку дело не ограничивается, и каждое новое «временное» повышение налогов или стоимости товаров и услуг оборачивается постоянным ростом стоимости жизни. Каждая новая «чрезвычайная ситуация» неизбежно

порождает потребность в деньгах, и правительство пойдет на любые действия, чтобы добыть эти деньги. Но даже после того как опасность миновала, никто даже и подумает вернуться на исходные позиции, снизить налоги и облегчить положение простых граждан.

Наличие всеобщего избирательного права позволяет формировать не только представительные органы власти разных уровней, включая федеральные, но и учитывать наличие оппозиционных сил в обществе, оказывающих давление на государственные органы власти любых уровней. *Таким образом, главной задачей любого политика является победа на выборах, а если повезет, то и перевыборы на новый срок.* Политик совершенно искреннее может переживать за страну и вообще быть благородным человеком, но вопросы избрания на должность заставляют политика идти на сделки с влиятельными общественными группами, которые обеспечат ему необходимое количество голосов на выборах. Без голосов избирателей у любого политика, даже самого пламенного патриота, связаны руки, — он ничего не может сделать до тех пор, пока он не занял желаемый пост. Совершенно очевидно, что необходимость в получении требуемого для избрания количества голосов заставляет

политика давать обещания тем или иным группам, которые могут помочь ему на выборах. Проблема заключается в том, что даже в случае успешных выборов политик ничего не может предложить своим сторонникам, — у него за душой ничего нет, кроме той власти, которую ему дает занятый пост. Но даже самым патриотически настроенным гражданам нужно что-то есть, поэтому они ждут от политика, которому помогли избраться, не каких-то эфемерных обещаний, а вполне конкретных материальных благ и преференций, — «тепленькое местечко» с хорошей зарплатой, права на проведение работ за счет бюджета и выгодных контрактов, которые позволят им набить свои карманы.

Надо признать, что практика покупки голосов избирателей является серьезным недостатком формирования органов власти на выборной основе и, по большому счету, одним из самых слабых мест демократии. Справедливости ради нужно отметить, что корни этого изъяна лежат не в злом умысле политиков, а в стремлении граждан получать материальные блага «на халяву».

Тем не менее главный недостаток формирования органов власти на выборной основе прямо зависит от того объема власти, который может использовать политик после избрания для

«одаривания» обеспечивших его победу на выборах. До 1913 года федеральное правительство США держалось на голодном пайке, и его влияние в стране было довольно ограничено, — у правительства попросту не было необходимого количества ресурсов, чтобы массово заниматься скупкой голосов. С принятием Шестнадцатой поправки ситуация изменилась, и в руках федерального правительства появились практически ничем не ограниченные ресурсы, которые были отняты у граждан нашей страны. Для того чтобы понять масштабы национального бедствия, вызванного действиями федеральных властей, нужно сказать, на момент написания этой книги процент конфискации достигал тридцати процентов валового продукта США. Естественно, что когда в распоряжении федерального правительства находятся такие огромные ресурсы, то оно может не особо сдерживать себя в подкупе нужного количества избирателей. В связи с таким положением вещей федеральные чиновники стали больше внимания уделять объему налоговых платежей, при помощи которых они могли купить нужного количества голосов, чем проблемам и запросам обычных граждан.

Зависимость общественных институтов от федерального финансирования таит в себе еще

одну угрозу, — в обмен на деньги федерального центра общественные институты должны проявлять определенный уровень лояльности и поддерживать правящий режим. Когда губернатор штата идет на поклон к федеральным чиновникам и просит выделить субсидию образовательным учреждениям, то ему очень трудно отказаться от использования в образовательном процессе тех учебников и методических материалов, которые ему навязывают в Министерстве образования. В аналогичной ситуации оказывается и любой конгрессмен, пытающийся получить от Министерства финансов субсидии для своего штата, — он вынужден поддерживать любые инициативы федерального центра, чтобы удовлетворить запросы граждан штата. Но не только высшие чиновники исполнительной и законодательной власти штата сталкиваются с давлением федерального центра, даже главе муниципальной власти бывает очень сложно отказаться от выделения федеральных субсидий. Огромные средства, которыми может распоряжаться федеральный центр, позволяет производить подкуп граждан в пользу тех политиков, которые поддерживают действия федеральных властей, и соответственно убирать с дороги лидеров оппозиции. Понятно, что без шумихи в прессе такие дела не обходятся,

и уже ни для кого не секрет, что федеральный центр содержит для этих целей огромный пропагандистский аппарат, всегда готовый исполнить приказания своего хозяина.

Таким образом, за каждый доллар, который штат получил от федерального центра в виде субсидий или иной помощи, штату приходится расплачиваться своей независимостью. При этом все это происходит без каких-либо изменений в законодательстве или Конституции, и рано или поздно федеральный центр покончит с любой формой оппозиции проводимой им политики, — у отдельных штатов просто не будет ресурсов, чтобы сопротивляться действиям федеральных властей.

Скрытая форма порабощения штатов со стороны федерального правительства обычно не видна со стороны, но она моментально проявляется в тот момент, когда какой-то штат решит огрызнуться на действия федерального центра. Так, к примеру, произошло со штатом Индиана, который потребовал от администрации Трумэна раскрытия информации об объеме федеральных субсидий, поступавших в систему социального обеспечения штата. Целью инициативы штата Индиана были постановления под общественный контроль системы распределения денежных средств, поступавших в штат,

и вскрытие сети сторонников федерального центра. Федеральный центр пригрозил урезать финансирование системы социального обеспечения штата на пятьдесят процентов в том случае, если власти штата примут решение о раскрытии подобного рода информации. Этот вопиющий случай угрозы со стороны федерального центра получил широкое освещение в прессе, и без этой огласки мы бы даже и не знали о том прессинге, который федеральный центр оказывает на местные власти.

Сильная центральная власть, которой так боялись Отцы-основатели нашей страны, смогла появиться только благодаря введению системы подоходного налогообложения. Принятие Шестнадцатой поправки к Конституции стало «виртуальной атомной бомбой», разрушившей основы Союза штатов. Справедливости ради нужно отметить, что сами штаты голосовали за принятие этой поправки, и поэтому уместно задаться вопросом: разве они не знали, к чему могут привести такие инициативы? Можно предположить, что в момент согласования текста поправки мало кто в стране понимал, чем обернется принятие этого документа. Большинство штатов на момент принятия Шестнадцатой поправки находились в бедственном положении, и поэтому желание во что бы то ни стало «наказать

богатые штаты» за счет введения подоходного налога начисто лишило наших граждан рассудка.

В течение первых нескольких лет со времени принятия поправки граждане семи штатов заплатили больше налогов в федеральный центр, чем получили обратно в виде различного рода выплат. Зато граждане остальных штатов сумели получить от федерального центра больше средств, чем уплатили налогов, — таким образом, жадность до «чужих денег» была должным образом вознаграждена. Внезапно выяснилось, что жители штата Миссисипи не видят ничего зазорного в том, что средства, которые федеральное правительство отбирает у жителей штата Пенсильвания, направляются на поддержку экономики штата Миссисипи. В обычной жизни граждане штата Миссисипи вряд ли бы согласились принять в качестве помощи деньги, сворованные у граждан штата Пенсильвания, но совсем иное дело, когда сворованные деньги поступают не напрямую от «ограбленных», а через «доброе самаритянина» в лице федерального правительства. Речь фактически идет о том, что объединенная коалиция наиболее бедных штатов, подогреваемая жадностью и завистью к штатам Атлантического побережья, сумела провалить на федеральном уровне законы, которые позволили

ей на законных основаниях «грабить богатые штаты». Как обычно бывает в таких случаях, когда нужно скрыть истинные мотивы инициаторов, необходимость принятия законов спрятали под маской «общественных интересов». С момента принятия законов о введении подоходного налога расходы по строительству дорог в Монтане и развитие ирригационных систем в Аризоне будут оплачиваться из налогов штата Нью-Йорк — вот и все, что нужно знать об «общественных интересах». Основным выгодоприобретателем от инвестиций, осуществляемых в «общественных интересах», помимо местных воротил, сумевших получить правительственные подряды, является федеральное правительство США, — с определенного момента оно начинает заниматься распределением общественных фондов, и отдельные штаты попадают в зависимость от федерального финансирования.

В настоящее время каждый штат платит в федеральный центр больше налогов, чем получает в виде субсидий и разного рода выплат (данные по взаиморасчетам между федеральными властями и властями штата приведены ниже). Такой исход событий был предreshен общим развитием ситуации, — на основании Шестнадцатой поправки федеральное правительство получило право взимания

налога с любого дохода, независимо от источника его получения. Понятно, что к источникам получения дохода относятся и заработные платы граждан бедных штатов, — просто федеральному правительству потребовалось некоторое время, чтобы до них добраться. Очень странно, что жители бедных штатов не подумали, что, когда федеральное правительство разберется с богатыми, оно обязательно запустит свою руку в карман бедным. Логика федерального правительства проста: бедных граждан больше, чем богатых, и они защищены не в пример хуже, чем толстосумы, на страже интересов которых стоят дорогие адвокаты с нужными связями.

При существующей системе подоходного налогообложения проигрывает каждый штат, и поэтому отмена Шестнадцатой поправки отвечает интересам многих штатов. У отдельных штатов есть все необходимое, чтобы добиваться отмены поправки, ведь тогда все перечисляемые в федеральный центр средства останутся в штате.

В истории нашей страны известны два случая применения принципов самоуправления, оба из которых имели экономическую подоплеку. Первый случай произошел в 1814 году, когда экономика региона Новой Англии была практически разрушена действиями британского военного флота. Тогда

НЕРУШИМЫЙ СОЮЗ

делегаты пострадавших от действий англичан штатов собрались для обсуждения плана дальнейших действий, не исключая при этом варианта выхода из состава Союза. Спустя некоторое время с проведения Хартфордской Конвенции закончилась война с Великобританией, и поэтому обсуждаемый на Конвенции вариант выхода северо-восточных штатов не состоялся, — после возобновления деловой активности предложения «сепаратистов» ушли с повестки дня.

Во второй раз тема выхода ряда штатов из состава Союза возникла из-за недовольства плантаторов Юга заградительными тарифами на импортные товары, — федеральное правительство ввело повышенные таможенные пошлины на импорт в целях защиты отечественных производителей, основная производственная база которых располагалась на Атлантическом побережье. Федеральные власти не спешили прислушиваться к требованиям штатов Юга, и в итоге им пришлось вновь иметь дело с призывами к сецессии и нуллификации. Неспособность сторон к ведению диалога сделали свое дело, и в результате взаимного непонимания между федеральным центром и южными штатами разразилась кровопролитная Гражданская война. После четырех лет упорного противостояния

победу одержало федеральное правительство США, и как только вопрос об экономическом диспаритете промышленных и сельскохозяйственных штатов ушел с повести дня, все тут же опять забыли о правах отдельных штатов на принятие самостоятельных решений.

Не секрет, что чувство свободы подогревается желанием обретения еще большей свободы. При этом речь идет не о лозунгах, при помощи которых можно поднять людей на борьбу с тиранами, но в первую очередь речь идет об обретении чувства самоуважения, — без наличия идеалов революция превращается в бессмысленную и кровавую бойню. Тем не менее нужно признать, что любое сопротивление властям или революция делается людьми, которые мыслят не только идеалами, но и материальными категориями. Не всегда можно утверждать, что революционеры преследуют свою личную выгоду, но то, что революционеры сражаются за улучшение условий жизни, не вызывает сомнения, — таким образом, как видим, даже революционеры не могут избежать экономического интереса в своих действиях. Проще говоря, мало кто согласится подняться на борьбу без четкого понимания тех материальных благ, которые он получит по итогам своего протеста.

Следует отметить, что политика федеральных властей в части налогообложения устраивает большинство населения граждан страны, и поэтому отсутствует та экономическая мотивация, которая могла бы стать запалом к революционным преобразованиям нашей налоговой системы. Более того, в стране есть много граждан, которые привыкли получать пособия от федеральных властей, и они будут последними, кто согласится на изменение существующих порядков². Плохо то, что эти

² Финансовая Корпорация по реконструкции и развитию (ФКРР) представляет собой яркий пример развращения граждан при помощи федеральных денег. Администрация Гувера создала эту корпорацию на «временной» основе в целях оказания финансовой помощи тем предприятиям, которым отказали коммерческие компании. Проще говоря, клиентами государственной корпорации стали предприятия, которым отказали в финансировании на основании их бухгалтерской отчетности. Таким образом, частными компаниями из финансового сектора, которые без надобности не могут рисковать деньгами вкладчиков, было признано, что предприятия, обратившиеся к ним за получением кредитов, не смогут выполнить своих обязательств по выплате заемных средств в случае одобрения сделки. Ничего страшного, после создания Финансовой Корпорации по реконструкции и развитию об «убогих» будет заботиться федеральное правительство, и только в 1950-м году

«пиявки» не понимают всех последствий своего положения, — да, сейчас они довольствуются подачками правительства, но при этом они даже не задумываются о судьбе своих детей и внуков. При какой системе будут жить потомки и откуда правительство будет брать деньги, необходимые для содержания новых «пиявок», — эти вопросы никогда не обсуждаются живущими на подачки федерального правительства гражданами.

Банковские структуры США, как и «пиявки» сидящие на подачках правительства, тоже не особо переживают по поводу наличия системы

за помощью ФКРР уже обратилось 14 000 компаний. Получается, что неэффективные компании, которым частными корпорациями было отказано в ссудах, будут финансироваться за счет средств граждан Соединенных Штатов Америки, и с таким же успехом деньги можно было просто выкинуть в трубу, — эффект будет примерно одинаковым. Понятно, что заемщики ФКРР были благодарны федеральному правительству за дармовые кредиты, и вряд ли они будут добиваться отмены Шестнадцатой поправки, — кто же будет их содержать в случае ее отзыва? На момент написания этой книги Конгресс принял закон, согласно которому деятельность ФКРР прекращалась, а ее функции переходили к вновь созданной Корпорации по кредитованию малого и среднего бизнеса.

подходного налогообложения, ведь именно за счет средств федерального бюджета обеспечиваются гарантии по ипотечным займам, предоставляемых ветеранам и государственным служащим, равно как и финансируются многие строительные проекты в стране. Представьте, что произойдет, если Шестнадцатая поправка будет отменена и федеральному правительству придется отозвать свои гарантии по большинству проектов, — для банковской системы это будет катастрофа³.

³ Состояние банковской системы страны, в силу ее высокой важности, не стоит недооценивать, — если будет плохо банкам, то пострадают не только финансовые тузы, но и простые граждане, доверившие свои средства банковской системе. В настоящее время на балансах американских банков числятся государственные ценные бумаги, общий объем которых достигает 60 процентов стоимости активов всей банковской системы США. Как известно, государственные ценные бумаги обеспечиваются налоговыми поступлениями, и при малейшем намеке на снижение объема собираемых налоговых платежей стоимость государственных ценных бумаг может рухнуть, пробив тем самым внушительную брешь в балансах банков. Очевидно, что отмена Шестнадцатой поправки приведет к снижению налоговых платежей в пользу федерального правительства США, и по этой причине банки вряд ли поддержат такую инициативу. Более того, банки не могут

Промышленные предприятия Соединенных Штатов Америки, которые привыкли получать жирные государственные заказы, также не горят желанием поддержать отмену Шестнадцатой поправки. Это касается и фермеров, которым федеральное правительство на регулярной основе перечисляет щедрые субсидии, — зачем фермерам ставить под удар свои доходы? Не нужно забывать и тех, кто так или иначе зависит от федеральных дотаций, — преподавателей высших учебных заведений, ветеранов, врачей, съемщиков социального жилья и два с половиной миллиона государственных служащих: их полностью устраивает сложившаяся ситуация, и они не видят смысла ее менять. Они могут плакать и стонать о «несправедливом устройстве жизни», но не пошевелят и пальцем, чтобы что-то изменить.

Тем не менее не нужно терять надежду на отмену Шестнадцатой поправки, — со временем, когда

отказаться от ценных бумаг федерального правительства, ведь тем самым они поставят под сомнение кредитоспособность своего главного заемщика — государства и, соответственно, поставят под сомнение собственное финансовое состояние. Таким образом, наша банковская система полностью зависит от Министерства финансов США, которое без стеснения пользуется ресурсами американских банков.

государство, для исполнения обязательств начнет забирать больше, чем давать, — все категории граждан, перечисленные выше, могут взбунтоваться против федерального правительства. Аппетиты федерального правительства все время растут, денег требуется все больше и больше, поэтому момента, когда государство поглубже залезет в карман к излишне самонадеянным гражданам, остается ждать недолго. Именно когда граждане осознают, как без зазрения совести их грабит и лишает свободы родное правительство, станут возможны серьезные изменения в нашем обществе. Ну а до тех пор пока наши граждане не осознали всю серьезность угроз своей жизни и свободе, они преспокойно продолжают жрать свою пайку, как свиньи из корыта.

Помимо людей, которые еще не осознали негативные результаты вмешательства федерального правительства в жизнь обычных граждан, существует еще одна категория лиц, которая настолько занята своим выживанием, что ей просто некогда разбираться с пагубной политикой федеральных властей. Нужно признать, что сейчас большинство граждан не понимают важность отмены Шестнадцатой поправки, и движение за отмену этой порочной поправки нуждается в харизматичных лидерах, которые смогут простыми словами объяснить людям, каким образом

их обкрадывает федеральное правительство. Можно с уверенностью сказать, что как только у людей откроются глаза на злоупотребления федерального центра, многие граждане поддержат лидеров движения за отмену Шестнадцатой поправки.

Особое внимание в процессе отмены Шестнадцатой поправки следует уделить губернаторам и законодательным властям отдельных штатов, — именно они кровно заинтересованы в ее отмене. Прекращение действия федеральных законов о подоходном налогообложении не только увеличит влияние этой категории граждан в стране, но и прямо скажется на наполняемости бюджета штата. Таким образом, губернатор и законодатели штата, избираемые на местных выборах, смогут оперативно реагировать на проблемы граждан, и в их распоряжении будут ресурсы, при помощи которых эти проблемы станут решаться. Как только отдельные штаты вернут контроль над налогами, которые генерируют компании и физические лица, расположенные и проживающие на территории штата, у конгрессменов, заседающих в Вашингтоне, отпадет необходимость в попрошайничестве у федеральных властей и они смогут лучше отстаивать права своих штатов.

Исключительным правом на изменение Конституции в нашей стране обладают штаты, и именно

НЕРУШИМЫЙ СОЮЗ

они должны стать инициаторами по отзыву Шестнадцатой поправки. В том случае, если три четверти штатов поддержат предложение по отмене поправки, то не потребуется даже согласия федеральных властей в лице президента США.

Отмена Шестнадцатой поправки будет означать полномасштабную сецессию сорока восьми штатов от федеральных властей и восстановление идеалов и духа американского Союза.

Таблица межбюджетных расчетов между федеральным правительством Соединенных Штатов и отдельными штатами по состоянию на 1951 год (доллары США)

Общая сумма налогов, уплаченных резидентами штатов в пользу федерального правительства США		51 487 378 963	
Объем средств, перечисленных федеральным центром в пользу резидентов штата		4 850 097 620	
Средний процент возврата		9,42%	
Название штата	Объем налогов, уплаченных резидентами штата в пользу федерального правительства США	Объем средств, перечисленных федеральным центром в пользу резидентов штата	Показатель возврата (%)
Алабама	298 452 466	126 667 671	42,44
Аризона	106 437 924	32 399 593	30,44
Арканзас	130 984 457	95 575 552	72,96
Калифорния	3 558 227 339	346 489 944	9,73

ФРЭНК ХОДОРОВ. НАЛОГ: КОРЕНЬ ЗЛА

Название штата	Объем налогов, уплаченных резидентами штата в пользу федерального правительства США	Объем средств, перечисленных федеральным центром в пользу резидентов штата	Показатель возврата (%)
Колорадо	353 849 385	77 001 460	21,76
Коннектикут	818 038 816	38 958 392	4,76
Делавэр	566 957 101	8 349 423	1,47
Флорида	467 624 260	107 994 759	23,09
Джорджия	497 447 795	141 615 626	28,47
Айдахо	91 354 432	32 105 915	35,14
Иллинойс	4 328 996 624	201 710 885	4,65
Индиана	1 202 616 546	85 093 494	7,08
Айова	438 239 605	81 521 885	18,58
Канзас	385 361 679	58 214 755	15,10
Кентукки	1 056 514 846	90 585 619	8,57
Луизиана	410 122 482	179 171 766	43,69
Мэн	127 370 116	24 580 171	19,29
Мэриленд (включая округ Колумбия и Пуэрто-Рико)	1 417 285 966	140 175 242	9,90
Массачусетс	1 486 571 308	146 442 645	9,80
Мичиган	4 156 021 742	144 470 510	3,47
Миннесота	786 759 261	90 239 781	11,47
Миссисипи	113 976 845	106 590 440	93,58
Миссури	1 392 271 994	160 044 711	11,50
Монтана	91 691 015	34 613 013	35,23
Небраска	334 020 815	51 135 039	15,31

НЕРУШИМЫЙ СОЮЗ

Название штата	Объем налогов, уплаченных резидентами штата в пользу федерального правительства США	Объем средств, перечисленных федеральным центром в пользу резидентов штата	Показатель возврата (%)
Невада	47 505 504	9 670 564	20,36
Нью-Гемпшир	87 177 119	14 610 301	16,76
Нью-Джерси	1 460 314 212	85 523 048	5,86
Нью-Мексико	80 607 390	35 819 902	44,44
Нью-Йорк	9 243 924 053	345 822 642	3,74
Северная Каролина	1 257 159 936	130 988 567	10,42
Северная Дакота	57 680 073	30 665 635	53,15
Огайо	3 292 928 469	169 122 171	5,13
Оклахома	494 893 021	117 124 017	23,66
Орегон	361 510 696	53 994 428	14,93
Пенсильвания	3 886 470 430	286 116 616	7,36
Род-Айленд	239 708 304	21 864 280	9,12
Южная Каролина	191 326 842	82 551 046	43,14
Южная Дакота	64 281 915	29 725 521	46,24
Теннесси	398 608 019	140 675 680	35,29
Техас	1 683 259 143	290 169 323	17,24
Юта	109 532 371	34 361 074	31,29
Вермонт	48 675 291	11 523 124	23,67
Виргиния	863 146 269	65 361 252	7,57

ФРЭНК ХОДОРОВ. НАЛОГ: КОРЕНЬ ЗЛА

Название штата	Объем налогов, уплаченных резидентами штата в пользу федерального правительства США	Объем средств, перечисленных федеральным центром в пользу резидентов штата	Показатель возврата (%)
Вашингтон (включая Аляску)	602 633 864	86 121 485	14,29
Западная Виргиния	245 969 387	46 271 356	18,81
Висконсин	963 172 326	81 965 115	8,51
Вайоминг	48 984 119	23 517 644	48,01
Гавайи	98 022 630	22 478 673	22,93

Примечания по таблице: Согласно приведенным в начале таблицы данным средний показатель возврата составляет 9,42 процента, но эти цифры возврата не соответствуют действительности и представляют собой не что иное, как пример манипуляции сознанием граждан. В реальности *общий показатель возврата* со стороны федерального центра в пользу резидентов отдельных штатов действительно составил 9,42 процента, но это совершенно не означает, что резиденты штата получили от федерального правительства 9,42 процента от суммы уплаченных ими налогов. Реальный показатель возврата составляет 22,64 процента, но в связи с тем, что *этот показатель «усредняется» по 49 штатам*, на выходе получают более низкие цифры.

НЕРУШИМЫЙ СОЮЗ

Лучше всего неправильность использования метода усреднения продемонстрировать на реальном примере. Например, нельзя взять сумму уплаченных штатов Делавэр налогов (566,957,101), сложить ее с суммой налогов штата Миссисипи (113 976 845), а затем поделить на общую сумму возврата этих штатов (8 349 423 и 106 590 440 соответственно). В этом случае мы получим неправильные показатели, по причине того, что в случае отдельного штата сумма уплаченных налогов и суммы возврата отличаются, и они не могут усредняться произвольным образом. Для правильного расчета средних показателей возврата нужно использовать проценты возврата отдельных штатов (1,47 и 93,58) и проводить усреднение именно этих цифр.

ВО ИМЯ СВОБОДЫ

Как упоминалось ранее, отмена Шестнадцатой поправки к Конституции Соединенных Штатов может произойти только революционным, а не эволюционным путем.

Под эволюционным путем развития общества обычно подразумевают реформирование законодательной, исполнительной или судебной власти, которое не затрагивает основ политического строя страны. Революционный путь, в отличие от эволюционного, предполагает переход власти в стране от одной группы влияния к другой, который может осуществляться как с применением насилия, так и без него. В том случае, если общество обладает устоявшимися традициями формирования органов власти при помощи выборов, то революция может произойти бескровным путем. Если же общество не имеет системы выборов либо она выполняет чисто декоративную функцию, тогда дело может закончиться государственным переворотом и кровавой бойней, как это прекрасно видно на примере латиноамериканских стран. Проще говоря, в результате революции кардинально меняется расстановка сил в стране, и заранее нельзя сказать, какая именно сила придет к власти и чем все это закончится.

Самые известные примеры революционных преобразований в обществе обычно завершались либо полным крахом существующего политического строя в стране, либо серьезным снижением его влияния. Так, к примеру, Великая Октябрьская Революция имела огромное значение для страны и мира, ведь в результате на месте декадентского царского режима была создана одна из мощнейших мировых держав. В результате создания государства нового типа не обошлось без перегибов, и в созданном большевиками Советском Союзе были уничтожены гражданские свободы. В качестве другого примера революционных преобразований можно назвать принятие Великой хартии вольностей, согласно которой английская корона потеряла существенную часть своих привилегий.

Американская революция стоит особняком в этом ряду, ведь по ее итогам была не просто побеждена одна из сильнейших европейских монархий, но и было создано государство нового типа, в котором федеральное правительство обладало лишь тем набором прав, которым общество посчитало нужным его наделить, — таких примеров наделения властей полномочиями история еще не знала.

Спустя практически сто лет Американская революция пережила очередной этап, — в 1913 году

федеральное правительство предприняло титанические усилия и присвоило себе безусловное право по конфискации частной собственности граждан. Принятие Шестнадцатой поправки к Конституции на первый взгляд мало походило на революцию, но ее принятие ознаменовали переход контроля над экономикой Соединенных Штатов в руки федерального правительства и ликвидацию гражданских свобод.

В результате принятия Шестнадцатой поправки федеральное правительство США сейчас обладает такой силой, которая даже и не снилась королю Великобритании Георгу III. Сейчас федеральное правительство США представляет собой самодостаточную систему, функционирование которой не зависит от воли и желаний граждан нашей страны. При помощи механизма выборов осуществляется лишь смена действующих лиц у руля власти, не задевая при этом основ политического режима Соединенных Штатов. Вне зависимости от того, кто побеждает на выборах, мы лишь наблюдаем постоянное увеличение концентрации власти в руках федерального центра, и результат подобного развития событий в Соединенных Штатах довольно предсказуем: ликвидация гражданских свобод и установление абсолютизма.

Концентрация всей полноты власти в руках федерального правительства стало возможным лишь благодаря принятию Шестнадцатой поправки. Однако, как говорилось ранее, гражданин только тогда может называться гражданином, когда у него есть права пользования плодами своего труда. В том случае, если федеральное правительство начинает накладывать свои лапы на результаты труда граждан, им не остается ничего другого, как смириться с притязаниями государства. Когда федеральное правительство лишает граждан права на частную собственность, все остальные права уже не имеют особого значения. Это примерно то же самое, как если позволить рабу делать все, что тому заблагорассудится (даже голосовать, если угодно), но при этом запретить ему пользоваться результатам своего труда.

По сути, процесс отмены Шестнадцатой поправки представляет собой процесс восстановления прав и свобод граждан Соединенных Штатов Америки, при помощи которого общество может восстановить контроль над федеральным правительством. Судя по тому недовольству, которое существует в американском обществе по вопросу налоговой системы, будет достаточно лишь искры и харизматичных лидеров, чтобы разжечь огонь народного гнева. Особенно сильно недовольство

федеральным правительством наблюдается в среде рабочих и домохозяек, мелких предпринимателей и наемных специалистов. Что касается банкиров и крупных промышленников, то они менее всего заинтересованы в смене политического курса, и здесь правомерно ставить вопрос ребром: насколько общественное недовольство сложившейся порочной системы первых сможет перевесить экономическую заинтересованность вторых?

Нет нужды объяснять, что отмена Шестнадцатой поправки благотворно повлияет на граждан Соединенных Штатов. Однако наличие экономических выгод, которые американские граждане получают в результате отмены поправки, необходимое, но не недостаточное условие в борьбе за отмену аморального закона, — нужны еще высшие идеалы, во имя которых будет проводиться социальная революция.

Если американцы вновь хотят стать свободными, то они должны поставить идеалы свободы превыше всех материальных благ, при помощи которых попытается откупиться федеральное правительство. В том случае, если Шестнадцатая поправка не будет отозвана и останется в нашей Конституции, это грозит нам упадком наших традиций и гибелью американской цивилизации.

Наличие гражданских свобод в Соединенных Штатах обычно связывают с принятием Декларации независимости, что не совсем верно. Дело в том, что задолго до принятия текста этого важного исторического документа в американском обществе витали мысли, которые со временем Томас Джефферсон довольно точно «положил на бумагу». С этого момента текст Декларации становится одной из основ американского общества, ценности которого мы впитываем с молоком матери. Джон Адамс писал по этому поводу: «Американцы жили идеями Революции еще задолго до того, как она стала реальностью», — поэтому нужно отдать должное Джефферсону, который сумел уловить общественные настроения и отразить их в тексте Декларации. При создании нового государства Отцы-основатели Соединенных Штатов Америки прислушивались к мнению своих граждан, требовавших от них построения такой системы власти, которая должна была отличаться в лучшую сторону от системы власти монархической Великобритании.

Когда мы обсуждаем такое явление, как «американизм», то нельзя обойтись без понимания наших исторических традиций и тех условий, при которых они зародились. Стремление к свободе и защите прав граждан существовали в нашем обществе

задолго до того, как были созданы Соединенные Штаты. При этом стремление к свободе, присущее американскому обществу, представляет собой приобретенный, а не наследственный признак, ведь ни в одной стране мира не наблюдалось подобных стремлений граждан к личной свободе до момента создания Соединенных Штатов. Наши предки были выходцами из Европы, но они не смогли привнести ничего нового в наше общество, — в тяжелой борьбе американцы отстаивали свое право на свободу и пойдут на все, чтобы его сохранить.

Когда наши предки столкнулись с практически всеми вопросами создания государства, то у них хватило здравого смысла, чтобы не повторить ошибки абсолютистских монархий Европы того времени и избежать чрезмерной концентрации власти в одних руках. Уже тогда на интуитивном уровне американцы понимали, что каким бы хорошим ни было государство, но со временем оно начнет решительное наступление на гражданские свободы. Принимая во внимание недоверие граждан к государственным институтам и опасаясь чрезмерной концентрации власти в руках государственных структур, американские граждане выработали один из основных принципов государственного устройства, — федеральное правительство должно

находиться под неусыпным контролем гражданского общества. Для реализации общественного контроля над федеральным правительством в текст Конституции были внесены положения, которые серьезно ограничивали полномочия федеральных властей и обеспечивали работу систему «сдержек и противовесов».

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что американская Конституция написана американцами и для американцев, — она стала отражением общественных настроений, свойственных нашей нации. По этому поводу Говернер Моррис, исполнявший обязанности посла США во Франции, однажды заметил, что «французы, решившие позаимствовать американскую Конституцию, совершенно упустили из виду, что этот документ отражает взгляды американской нации на общественное устройство, но никак не французской».

Отцам-основателям Соединенных Штатов было хорошо известно, что влияние федерального правительства прямо зависит от его финансового состояния, и поэтому текстом Конституции было прямо предусмотрено ограничение государственных доходов. Только в том случае, когда ресурсы федерального правительства достаточно ограничены, гражданское общество может держать его

под контролем и не допускать усиления его влияния. Одним из первых вариантов Конституции США был предусмотрен только один источник дохода федерального правительства — таможенные платежи. Однако Александр Гамильтон, первый министра финансов США, справедливо указал, что доходов от взимания таможенных платежей может не хватить для функционирования федерального правительства, и в связи с этим в качестве дополнительного источника пополнения государственной казны в текст Конституции были внесены акцизы. Таким образом, в доход государства деньги могли поступать только из двух источников — таможенных платежей и акцизов, и только на эти средства могло существовать федеральное правительство.

Принимая во внимание сильную оппозицию федеральному правительству, в окончательный вариант Конституции не вошли положения, предусматривающие введение подоходного налога. Учитывая общественную обстановку того времени, можно сказать, что никто и не ждал иного развития событий, ведь совсем недавно американские колонисты с трудом избавились от налогов британской короны, и никто особо не спешил вешать новый налоговый хомут себе на шею.

Отмена Шестнадцатой поправки к Конституции Соединенных Штатов Америки будет означать восстановление американских традиций, нарушенных федеральным правительством, и если в нашей стране наберется достаточное количество граждан, которые не побоятся выступить против федерального правительства, тогда у нас есть все шансы на отмену Шестнадцатой поправки. Однако если порочная практика взимания подоходного налога успела настолько укорениться в американском обществе, что сделала наших граждан зависимыми от федерального правительства, тогда у инициатив по отмене Шестнадцатой поправки нет никаких шансов на успех. Но независимо от исхода борьбы за отмену Шестнадцатой поправки нужно помнить, что гражданские свободы никогда не давались «просто так», и их всегда приходилось отстаивать с оружием в руках.

Необходимо признать, что в настоящее время в Соединенных Штатах не существует условий для возникновения «революционной ситуации», в результате которой была бы отменена Шестнадцатая поправка. Речь идет не о том, что в обществе не существует недовольства сложившимся положением с налоговой системой, а о том, что стремление к защите гражданских прав и свобод находится

практически на нулевом уровне. Сейчас в американском обществе больше распространено стремление к обеспечению «стабильности», и каждый настолько занят своими делами, что не замечает фактов «грабежа» со стороны федерального правительства. На самом деле пресловутая «стабильность», из-за которой так переживают американские граждане, является обычным мифом, корни которого уходят в неистребимое желание людей получать материальные блага «на халяву». Такое недальновидное поведение граждан Соединенных Штатов полностью устраивает федеральное правительство, — только в таком случае оно может беспрепятственно заниматься грабежом своих граждан, маскируя свои действия «интересами общества». Поэтому не стоит обольщаться, что американские граждане спокойно распрощаются с «халявой», и нужно понимать, что придется приложить массу усилий, чтобы добиться необходимых изменений в американском обществе. Если большинство наших граждан устраивают податки федерального правительства, что в таком случае должно произойти, чтобы американские граждане наконец-то прозрели и поднялись на борьбу за свои права?

Большинство американских граждан, как уже упоминалось выше, не особо заинтересованы

в изменении текущей ситуации, — они полностью довольны своим «стабильным положением». Наши предприниматели, деятельность которых большей частью зависит от государственных контрактов и подрядов, также не склонны драматизировать ситуацию и достаточно легко мирятся с государственным регулированием. Что касается банкиров, то до тех пор, пока федеральное правительство пунктуально оплачивает свои долги, финансовые круги тоже не будут возражать против государственного вмешательства в экономическую жизнь страны. Это же касается и фермеров, получающих жирные государственные субсидии, и всякого рода писателей, которые за наш с вами счет рассказывают о прелестях «социального государства», — никто из них даже и не подумает пойти против федеральных властей.

Сейчас самое время задаться резонным вопросом — кто же в нашей стране сможет встать на защиту гражданских прав? Это очень хороший вопрос, на который, к сожалению, не так-то просто ответить. С учетом текущей обстановки истинные американские патриоты находятся в глубоком отчаянии, и многие из них давно смирились с неизбежностью наступления социализма в нашей стране. Человек может ко многому привыкнуть, и в этом

вопросе американцы не сильно отличаются от других, — большинство наших граждан уже продали свое первородство за чечевичную похлебку, а те, кто не успел, уже готовятся это сделать. Этих людей бесполезно уговаривать и пытаться открывать им глаза на происходящее, но даже до них со временем дойдет, что абсолютная «стабильность» обеспечивается лишь за тюремной решеткой. Поэтому американцам придется уповать на появление нового Моисея, который сможет вывести заблудшие души из гиблых мест, и остается лишь надеяться на то, что к моменту появления Пророка наше государство ослабнет настолько, что не сможет предотвратить «новый Исход».

В мировой истории есть примеры, когда целые цивилизации расцветали под лучами свободы, но, в конце концов, попадали в подчиненное от государства положение. Человеческой природе, как известно, свойственно стремление к улучшению качества своей жизни, но при этом не нужно забывать, что помимо пути трудного пути вверх есть всегда короткий и быстрый путь вниз. Со временем, когда общество проходит путь от голода до всеобщего изобилия, начинаются застой и пресыщение. Именно тогда начинают свое перерождение государственные институты, и за довольно короткий

промежуток времени они могут мутировать из вчерашних защитников в угнетателей. Обычно это начинается с того, что по мере улучшения экономики и роста благосостояния государство вводит дополнительные налоги, и чем лучше идут дела в экономике, тем больше государство отбирает у граждан, — так было во времена Цезаря, так происходит и у нас.

Проблема заключается в том, что невозможно бесконечно долго повышать благосостояние граждан за счет только одного увеличения налогового бремени, — рано или поздно любая цивилизация достигает своего пика, после чего неминуемо начинается ее упадок.

Поэтому мы возвращаемся к тому же вопросу, с которого начиналась эта книга, — для чего работает человек? Ответ на этот вопрос удивительно прост: человек работает для того, чтобы иметь средства для удовлетворения своих потребностей, и, как нетрудно догадаться, работа ради работы никого не интересует. При этом человек постоянно находится в поисках средств и методов повышения эффективности своего труда, которые бы помогли ему сохранить силы либо увеличить количество или качество производимой им продукции. Снижение потребления сырья и материалов, а также

общее повышение эффективности производства позволяют гражданину направлять высвобожденные ресурсы на удовлетворение своих личных потребностей. Механизм повышения эффективности, таким образом, представляет собой неисчерпаемый источник общественного прогресса, который приводит к росту благосостояния всего общества. Но если у человека отнять право на использование плодов своего труда, он моментально потеряет интерес к работе, — действительно, зачем человеку работать, если он отлучен от результатов своего труда? Если при этом к потере интереса в работе добавить еще и регулярные визиты налоговых инспекторов, которые только ищут повода, чтобы ободрать гражданина как липку, то мы получим удручающую картину нашей реальности: гражданин полностью теряет мотивацию к своему развитию и переходит в режим выживания. Как только общество сталкивается со снижением мотивации своих граждан, запускается механизм застоя и разложения цивилизации.

Что же нужно делать, когда общество сталкивается с подобными вызовами? Сможет ли государство самостоятельно отказаться от пагубной практики и вывести общество из кризиса? Нет, не сможет, ведь одним из побудительных мотивов

существования государства является безудержное стремление к власти, и поэтому снижение мотивации граждан никогда не будет рассматриваться государственными структурами в качестве одной из причин реформирования общественных отношений. Когда государство сталкивается с трудностями в экономике, что для него означает снижение объема налоговых платежей, оно начинает с удвоенной силой давить на своих граждан, пытаясь своими действиями выдавить из общества необходимые для существования государства средства. У властей в запасе всегда есть масса способов принуждения и давления — конфискации, государственное регулирование, избыточный контроль. Одним словом, как только дела у государства начинают идти плохо, оно тут же превращается в концентрационный лагерь. Проблема, однако, заключается в том, что экономика, основанная на принуждении, приносит слишком скудные плоды, которыми невозможно накормить всех страждущих. Но давление и принуждение не самое плохое, что может произойти в такой ситуации, хуже всего то, что именно в такой ситуации у людей начинает формироваться рабская психология, и они теряют чувство самоуважения и стремление к саморазвитию. В результате разрушаются цивилизационные

устой, а вслед за этим в небытие уходит и само государство.

Ждет ли американскую цивилизацию подобный исход, как предрекают это некоторые алармисты? В своих «проповедях» такие граждане обычно упирают на то, что Соединенные Штаты слишком долго наслаждались своей свободой, но с этим временем теперь покончено, и нашему обществу сейчас придется жить при абсолютизме. При этом алармисты предупреждают, что за счет накопленного нашим обществом потенциала закат американской цивилизации займет гораздо меньше времени, чем это потребовалось на разрушение Римской Империи. Американское общество сейчас живет в несопоставимом с Древним Римом режиме, но эта скорость представляет собой обоюдоострое оружие, которое только ускоряет не только прогресс, но и регресс. Не вызывает сомнений, что федеральное правительство США будет и дальше выступать за уменьшение гражданских прав, и одним из событий, под предлогом которого у американских граждан будут конфискованы их права, станет очередная мировая война. — тогда под соусом «сохранения нации от уничтожения» центральные власти раздавят последние ростки оппозиции в нашей стране. По окончании войны, естественно, никто не

посмеет заикнуться о возвращении конфискованных на «время войны» прав, ведь в стране останется только одна сила, которая сможет позаботиться о выживших в войне гражданах, и эта сила называется федеральное правительство Соединенных Штатов Америки.

Сейчас невозможно предугадать исход ползучего внедрения социализма в Соединенных Штатах, и никто не сможет сказать, является ли этот процесс необратимым. Как бы то ни было, но история учит нас тому, что люди всегда поступают так, как считают нужным, а не так, как требуют от них обстоятельства.

Из событий американской истории нам точно известно, что можно было вполне обойтись без провозглашения Декларации независимости и войны с Великобританией. Отцы-основатели, однако, принимали решение об объявлении войны Великобритании не на основании сложившейся на то время обстановки, — они руководствовались прежде всего своими внутренними принципами морали и нравственности. Нелишне напомнить, что в годы принятия Декларации независимости в американских колониях существовала большая группа людей, которая считала инициативу объявления войны Великобритании пагубным занятием.

Представители оппозиции считали, что американские колонии могут и должны пойти на компромисс с английским королем, и если эти граждане умудрились бы дожить до наших дней, то они, несомненно, привели бы нам в пример Канаду, которая осталась верна британской короне и не стала затевать кровавую бойню. Но, как известно, Отцы-основатели Соединенных Штатов решили не мириться с притязаниями британской короны на свои свободы и поставили свои подписи под Декларацией. Каждый из них при этом прекрасно понимал, что поставленная под Декларацией подпись означала смертный приговор, но никто из них не изменил своего решения, и это было связано с тем, что Отцы-основатели руководствовались интересами высшей морали, а не только экономическими выгодами.

Можно бесконечно долго рассуждать о «невидимых силах истории», которые формируют не только обстановку, но и лидеров, умеющих воспользоваться этой обстановкой, хотя это и очень спорный вопрос. Тем не менее истории человечества известны примеры постоянных поисков и борьбы за свободу, и в таких примерах всегда присутствовали лидеры, которые поднимали людей на бой во имя свободы. Можно со всей уверенностью утверждать, что как только в поле зрения появляется один

из таких лидеров, то его нельзя будет остановить никакими средствами, — его внутренняя мотивация и моральные принципы практически неуязвимы. Вполне возможно, что печальная ситуация с гражданскими свободами в Соединенных Штатах отчасти связана с отсутствием подобных лидеров, и у оппозиционного движения пока нет персоналий уровня Бенджамина Франклина или Томаса Джефферсона.

Действительно, если бы в нашей стране, все те, кто всячески превозносят «свободу предпринимательства», не боялись бы отстаивать свои принципы даже под угрозой банкротства, как в свое время не испугались смертной казни Отцы-основатели Соединенных Штатов, тогда мы имели бы все шансы остановить ползучую «коллективизацию». Однако есть основания утверждать, что подобные «защитники свободного предпринимательства» являются не более чем досужими болтунами, — им прекрасно известны последствия противостояния с федеральным правительством США, и поэтому все их призывы не более чем сотрясение воздуха.

С учетом вышесказанного можно предположить, что исправлять ситуацию с гражданскими свободами в Соединенных Штатах американцам придется в условиях отсутствия сильных лидеров,

способных поставить свои моральные принципы выше «экономической целесообразности». Несмотря на отсутствие лидеров, которые бы могли бросить вызов федеральному правительству Соединенных Штатов, нельзя останавливать борьбу за гражданские свободы в нашей стране. Постоянное сопротивление надвигающимся угрозам позволяет держать бойцов в тонусе и вселяет надежду на то, что наши дети и внуки будут жить в лучшей Америке, чем их родители.

Человечеству пока неизвестны условия, при которых зарождаются лидеры сопротивления и от наличия которых зависит дальнейшее развитие истории. Такие лидеры, как правило, появляются «ниоткуда», и пока никто из смертных не смог объяснить тайну их появления. История, однако, показывает, что подобные лидеры появляются ровно в то время и в том месте, где само общество жаждет перемен. Поэтому можно даже не сомневаться, что такие лидеры появятся и в Америке, и первое, что они сделают, — это отменят Шестнадцатую поправку к Конституции Соединенных Штатов Америки.

Уважаемые Читатели!

Готовится к изданию на русском языке уникальная книга немецкого ученого, основателя социологии Франца Оппенгеймера «Государство: его история и развитие с точки зрения Социологии», название в русском издании «Государство: Переосмысление».



BTC: 1NRmBrk8EihK7nirg72h22hacqEoQ6uxaJ

Пожалуйста, помогайте нашей работе!

ОБ АВТОРЕ

Фрэнк Ходоров (15 февраля 1887 — 28 декабря 1966), урожденный Фишель Ходоровский — один из видных деятелей американского консервативного движения. Отстаивал принципы невмешательства федерального правительства США в дела внешней политики (*United States non-interventionism*), выступал против принятия «Нового Договора» Франклина Рузвельта и критиковал вступление Соединенных Штатов Америки во Вторую мировую войну. Профессор государственного колледжа Баффало Ральф Райко называл Фрэнка Ходорова «одним из влиятельнейших представителей американского консервативного движения».

Фрэнк Ходоров родился 15 февраля 1887 года в семье еврейских иммигрантов, выехавших на постоянное место жительства в США из Российской империи. В 1907 году Фрэнк Ходоров получил диплом Колумбийского университета и начал ездить по стране в поисках работы. Во время пребывания в Чикаго (1912—1917) Ходоров знакомится с работой «Прогресс и бедность» американского экономиста Генри Джорджа. По воспоминаниям самого Ходорова, эта работа произвела на него огромное впечатление:

«Генри Джордж был для меня апостолом принципов индивидуализма, который не только указывал на важность института частной собственности, но и обращал внимание на важность капитала как одного из средств развития человеческой цивилизации. Помимо этого Генри Джордж подчеркивал важность кооперации и сотрудничества между гражданами в условиях свободного рынка, противопоставляя этому деградацию и вырождение общественных институтов при социалистической системе хозяйствования и плановой экономике. Для меня это означало базовые принципы свободного предпринимательства, свободной торговли и гражданских прав».

В 1937 году Фрэнк Ходоров становится директором нью-йоркского Института гражданских свобод им. Генри Джорджа. Занимая пост директора института, Ходоров создает научно-методический журнал *The Freeman*, среди авторов которого числились Джон Дьюи, Бернард Шоу, Бертран Рассел, Линкольн Стеффенс и Торстейн Веблен.

Среди людей, на которых оказали влияние идеи Фрэнка Ходорова, чаще всего называют имена Мэдфорда Иванса, Мюррея Ротбарда, Эдмунда Опитца и Джеймса Мартина. После смерти Фрэнка Ходорова Мюррей Ротбард записал в своем дневнике:

«Я никогда не забуду нашу первую встречу с Фрэнком Ходоровым, встрече, которая готовилась очень долго, но произошла очень спонтанно. В то время я был еще совсем зеленым юнцом, только ступившим на путь изучения экономики. Я помню, какое сильное влияние на меня оказала книга «Налоги, как законный способ грабежа» неизвестного для меня тогда автора Фрэнка Ходорова. По правде говоря, мало у кого из профессоров экономики хватало духу так четко и ясно ставить вопросы, как это сделал Ходоров, и, положив руку на сердце, можно поинтересоваться — сколько сейчас людей способны на такие поступки?»

Книга Фрэнка Ходорова «Истоки зла» позволяет ознакомиться с историей социально-экономической мысли консервативного движения Соединенных Штатов Америки и системой отношений между отдельными штатами и федеральным правительством.

Перевод книги Фрэнка Ходорова «Истоки зла» осуществлен в научно-исследовательских и образовательных целях. Перевод сделан на основе электронной версии книги «The Income Tax: Root of all Evil» by Frank Chodorov, опубликованной Институтом Людвиг фон Мизеса.

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА, ВЫХОДЯЩАЯ В СЕРИИ

ФРАНЦ ОППЕНГЕЙМЕР. «ГОСУДАРСТВО»

«The State» («Der Staat») — «Государство», книга немецкого социолога Франца Оппенгеймера, была впервые опубликована в Германии в 1907 году. Оппенгеймер написал книгу во Франкфурте-на-Майне в 1907 году в качестве фрагмента из четырехтомной «Системы социологии» («System der Soziologie»), предназначенной для интерпретации принципов организации общества и для понимания социальной эволюции, над которой он трудился более 50 лет, с 1890-х годов до конца жизни. В книге излагается общая теория Оппенгеймера о происхождении, развитии и будущем преобразовании института Государства. «Развитая Францем Оппенгеймером социологическая «Идея Государства», восходит к Джеррарду Уинстенли (1609—1676) и Анри де Сен-Симону (1760-1825). В соответствии с ними исторические исследования свидетельствуют о том, что каждое Государство «полностью по своему генезису, и по своей природе, является Социальным Институтом, насильно навязанным

победоносной группой людей над побежденной группой с одной единственной целью — утверждения Господства первых над последними и для защиты от внутренних восстаний и внешних нападений. И такое Господство не имеет никакой иной цели, кроме как экономической эксплуатации побежденных победителями. И никакое примитивное Государство в мировой истории не возникало, и не возникло каким-либо иным образом...» (Франц Оппенгеймер «Государство», «Идея Государства»).



Убежденный антиэтатист, сторонник классических либеральных ценностей и симпатизирующий социалистическим взглядам, Франц Оппенгеймер считал капитализм «системой эксплуатации, а дохода от капитала — как выгоду от такой эксплуатации», но возлагал вину за эту эксплуатацию не на подлинно свободный рынок, а на монопольное вмешательство Государства в экономику. Франц Оппенгеймер с научной точностью утверждал: «Каждое Государство канувшее в прошлом и сущее в истории... было или является «Классовым Государством», т.е. властной иерархией друг над другом верховных и подчиненных классов слоев или классов населения с различными и неравными правами, и с различными и неравными доходами» (Франц Оппенгеймер «Государство», «Теория Государства»). «Государство можно рассматривать в качестве экономического субъекта правящего класса, который овладел рабочей силой «своих подданных» в качестве своего источника обогащения.» (Ф. Оппенгеймер, «Капитал: критика политической экономии, стр. 84). «Закон» типичной Конституции гласит: вы должны платить нам налоги и подчиняться нам, когда мы приказываем, в противном случае вас постигнет наказание, которое мы назначим» (Оппенгеймер, «Система Социологии», т. II, с. 308).

Книга «Государство» повлияла на известных либертарианцев Генри Льюиса Менкена, Фрэнка Ходорова, на канцлера ФРГ Людвиг Эрхарда и анархо-капиталистов Альберта Джея Нока, Мюррея Ротбарда. «Именно данный анализ принудительной сущности и эксплуататорского характера Государства был наибольшим источником вдохновения для либертарианских теорий американца Альберта Джея Нока», — Мюррей Ротбард. В своих трудах А. Нок основывался на теории Ф. Оппенгеймера гласившей, что, приобретая себе благосостояние, человек действует только двумя методами: либо созидательным, производящим благо — методом «экономическим методом», как действует добровольный обмен и независимый рынок; либо разрушающим благо методом — «политическим методом», как действуют грабители и как действует государство, грабя народ.

Взгляды Ф. Оппенгеймера побудили американского анархиста Альберта Джея Нока, писавшего об антиэтатизме, уже в начале XX века, заявить в своей книге «Наш враг: Государство»: «Взяв любое государство, где бы оно ни находилось, проникнув в его историю в любой момент времени, невозможно отличить деятельность основателей, администраторов и бенефициаров государства от подобной

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА, ВЫХОДЯЩАЯ В СЕРИИ

деятельности профессионально-криминального класса, организованной преступности». В предисловии к юбилейному, сороковому изданию книги «Государство» в 1975 году, Чарльз Гамильтон пишет: «Государство возникает благодаря завоеванию и грабежу, и выживает в результате масштабной эксплуатации; Франц Оппенгеймер развивает либертарианские идеи в этой значительной, но давно забытой социологической классике».

В том же 1975 году в рецензии на книгу «Государство», Мюррей Ротбард пояснит: «Другими словами, государство организовано воровством, организованным ограблением, организованной эксплуатацией. И этот существенный характер государства в высшей степени определяется тем фактом, что в своей основе государство опирается на налогообложение».

Фрэнк ХОДОРОВ

**НАЛОГ:
КОРЕНЬ ЗЛА**

Подписано в печать 16.11.2018. Формат 70×100/32.
Бумага офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Усл. печ. л. 8,0. Заказ .